

Российский государственный гуманитарный университет
Центр типологии и семиотики фольклора

Методы и концепции в фольклористике,
антропологии и социолингвистике
(конец XX — начало XXI века)

*Материалы XVI Международной школы-конференции
по фольклористике, социолингвистике
и культурной антропологии*

Москва 2016

ББК 82
УДК 398+394
М54

При поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-00590) «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование»

Составители: *А. Архипова, С. Неклюдов, Д. Николаев, Н. Рычкова*
Дизайн обложки *Е. Югай*

М54 Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX — начало XXI века): материалы XVI Междунар. школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии / Сост.: А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев, Н.Н. Рычкова. М.: РГГУ, 2016. 208 с.

ISBN 978-5-7281-1845-9

В настоящем издании на примере разнообразного материала – от традиционных фольклорных жанров (былички, колядки, поверья) до источников, попавших в поле зрения исследователей совсем недавно (язык интернета, следственные дела, акции протеста) – показано применение различных методов из арсенала фольклористики, социологии, антропологии. Кроме того, уделено внимание методам работы в поле, проблемам составления указателей и создания баз данных.

Для студентов, аспирантов, научных сотрудников филологических, социологических и исторических специальностей.

ББК 82
УДК 398+394

ISBN 978-5-7281-1845-9

© Коллектив авторов, 2016
© Российский государственный гуманитарный университет, 2016
© Е. Югай (дизайн обложки), 2016

Содержание

От составителей.....7

Формальные методы в антропологии и фольклористике

Никита Петров. Карандашом и компьютером: электронные указатели фольклорно-мифологических сюжетов и мотивов....11

Никита Петров. Архивные собрания и базы данных фольклорных текстов: от полевых записей к научному исследованию.....16

Юрий Березкин. Как обработка базы данных мирового фольклора проливает новый свет на прошлое Евразии.....18

Наталья Душакова. Базы данных по традициям старообрядцев: от полевого материала к решению научных проблем.....21

Мария Гаврилова. Указатель сюжетов традиционных игр как инструмент структурного анализа.....24

Светлана Амосова, Михаил Васильев. Презентация проекта «Электронный архив полевых исследований по еврейской истории и культуре в странах Восточной Европы».....28

Джорджия Бернарделе. Сюжетно-мотивные указатели румынских колядок.....31

Корпусные методы в антропологии и фольклористике

Анна Дыбо. Корпусные методы в языкознании: история и современность.....35

Александра Архипова, Дарья Радченко. Зачем рассказывать анекдоты? От корпусного анализа к социологии фольклора.....37

Елена Югай. Из чего состоят причитания? Корпусное исследование...40

Наталья Петрова. Фольклорист и «чужие» источники: корпус текстов неподцензурной советской мифологии.....43

Ирина Душакова. Автоматизация текстового анализа: преимущества и проблемы применения.....47

Структурно-типологические, семиотические и семантические методы анализа

Сергей Неклюдов. Методология типологической реконструкции фрагментарных памятников традиционной словесности (на примере сюжетного анализа сохранившихся отрывков из «сказок» Древнего Египта).....51

<i>Дмитрий Антонов.</i> От фигуры к гипермотиву: методы интерпретации средневековой иконографии.....	53
<i>Сергей Неклюдов.</i> «Давно не бывал я в Донбассе...» От биографической легенды к популярной советской песне: историко-типологический анализ культурной традиции и сюжетопорождающих механизмов.....	55
<i>Елена Левкиевская.</i> Языковая картина мира и семантический метод ее анализа: на примере песни «Давно не бывал я в Донбассе...».....	57
<i>Виктория Черванёва.</i> Прагматика на службе у фольклористики: речевые жанры мифологического текста.....	60
<i>Надежда Рычкова.</i> Методы микроанализа городских песен.....	63
<i>Евгения Коровина.</i> Может ли фольклорный текст быть стихотворным? ..	67

Язык в поле, на карте и под микроскопом

<i>Мария Станюкович.</i> Полевые методы в экспедициях на Филиппины: общий язык и как с ним бороться.....	71
<i>Юрий Коряков.</i> Языковые карты: создание и применение.....	74
<i>Ольга Казакевич.</i> Жизнь фольклорной традиции в ситуации языкового сдвига: методы исследования.....	77
<i>Антон Сомин, Андрей Полий.</i> Лингвополитический конфликт «Беларусь vs. Белоруссия»: методы изучения.....	81
<i>Надежда Чайко.</i> Методы изучения языка интернета (на примере междометий умиления).....	84

Между опросом и интервью

<i>Алексей Титков.</i> Фабрикация общественного мнения: что скрывают социологи.....	88
<i>Олег Журавлев.</i> Изучение политической субъективности с помощью анализа интервью: нарративы vs. классификации.....	91
<i>Александра Архипова, Анна Кирзюк.</i> От диктатуры банта к анархии заколки: что расскажет анкета о нормах и аномалиях советской «школьной семиотики»?.....	94
<i>Евгения Ренковская.</i> Это страшное слово «каста»: проблемы социолингвистического анкетирования в «индийском» поле... ..	98

Оптика для изучения вернакулярных теорий и ритуальных практик

<i>Ольга Христофорова.</i> Как изучать вернакулярные теории и практики? На примере <i>witchcraft studies</i>	102
--	-----

<i>Ольга Христофорова.</i> От функции к смыслу, от паттерна к процессу, от анализа к чтению: англоязычная антропология в XX — начале XXI в.	105
<i>Виктор Вахштайн.</i> Сообщества vs. практики: война концептов и перемирие методов.....	107
<i>Виктор Вахштайн.</i> Между правилом и практикой: «скептический парадокс» как последний гвоздь в крышку этнометодологического гроба.....	108
<i>Анна Соколова.</i> От классических этнографических методов к концепции перформативности в исследовании спонтанных коммеморативных практик.....	109
<i>Евгения Литвин.</i> Мы и они: конспект по антропологической этике... 112	
<i>Анна Козлова.</i> Как сделана артековская ностальгия? Погрешности субъективной (пред)концептуализации в исследованиях памяти.....	115
<i>Дмитрий Доронин.</i> Микроисследование как метод в социокультурной антропологии.....	120
<i>Юлия Ляхова.</i> История бурятской девушки от рождения до смерти и после нее: как анализируют фольклор в современной монголистике.....	124
<i>Аглая Старостина.</i> Буддисты и даосы как информанты.....	129
Антропология города: методы исследования	
<i>Михаил Алексеевский.</i> Прикладная городская антропология: теория и практика.....	133
<i>Дарья Радченко.</i> Мегаполис в объективе: методы изучения визуальных материалов в городской антропологии.....	136
<i>Александр Стрепетов.</i> Мобильные методы: изучение восприятия городского пространства и повседневных практик горожан....	138
<i>Елена Малая.</i> Мифологический рассказ о городе: жанровые маркеры и оценки вариативности.....	141
В масштабе 1:1: изучая акционизм, публичные акции и политический фольклор	
<i>Виктор Вахштайн.</i> Три способа сделать практику видимой: повествование, фиксация, картография.....	149
<i>Алексей Титков.</i> Тело, праздник, событие, сообщение — как нам увидеть публичную акцию.....	150

<i>Олег Журавлев. Практика локального активизма и ее политический смысл: защита садилов и сквериков до и после Болотной.....</i>	153
<i>Александра Архипова, Дарья Радченко, Алексей Тутков. Увидеть и прочитать: реконструкция текста митинга.....</i>	156
<i>Ирина Козлова. Одиночный пикет как форма коммуникации: к вопросу о методике собирательской работы на уличных политических акциях.....</i>	158
<i>Екатерина Кораблева. Mississippi Heard. Опыт социологического исследования через акционизм.....</i>	162
<i>Алексей Макаров. «Было — не было»: как работать со следственными делами сталинской эпохи на примере молодежного сопротивления 1940-х гг.....</i>	165
<i>Анастасия Астапова. Прикладная фольклористика, или Имиджмейкинг для Лукашенко.....</i>	169
<i>Мария Волкова, Данила Рыговский. «Кто не понял, тот поймет»: структура фольклорной реакции в интернете.....</i>	171
Человек прошлого: язык, гены, факты	
<i>Светлана Бурлак. Язык с точки зрения его происхождения.....</i>	175
<i>Станислав Дробышевский. Когда появился человек?.....</i>	176
<i>Станислав Дробышевский. Методика антропологического исследования: Сунгирь от могилы до всемирной славы.....</i>	181
<i>Станислав Дробышевский. Методика антропологического исследования: неандерталец от стихов до генов.....</i>	184
<i>Светлана Боринская. Гены и политически ангажированные мифы современности.....</i>	187
<i>Сергей Ястребов. Проблема парадигмы в эволюционной биологии</i>	188
Прикладные семинары	
<i>Евгения Коровина, Никита Петров. Автоматическая обработка фольклорных текстов для чайников.....</i>	192
<i>Алексей Тутков. Excel: возможности для прикладного анализа текстовых данных.....</i>	194
<i>Светлана Бурлак. Самодостаточные задачи по лингвистике, фольклористике и культурной антропологии.....</i>	196
<i>Иосиф Зислин. Антропологическая психиатрия — психиатрическая антропология III. Текст и реальность. Правда и ложь.....</i>	197
Участники школы.....	200

От составителей

Период конца XX — начала XXI вв. стал временем трансформации и слома ряда догматических представлений в той дисциплинарной области, которая занимается фольклором, народной традицией, повседневной культурой, ритуальными практиками и стоящей за всем этим картиной мира. Эта область включает в себя сразу несколько дисциплин (фольклористку, этнолингвистику, культурную антропологию, этнологию), имеющих собственную историю развития, методологию и источниковедческую базу, одновременно осознающих свое родство по отношению к общему (или близкородственному) объекту исследования и конкурирующих между собой на этом поле. Несмотря на разницу в методах и взглядах на изучаемый объект, все эти дисциплины в конце XX в. осознали концептуальные и методологические изменения в общей сфере исследования.

Во-первых, произошла ощутимая смена тематических приоритетов: почти исключительное внимание к крестьянской культуре сменилось столь же почти исключительным вниманием к постиндустриальным культурным формам и практикам, включая постфольклор / городской фольклор, а позже — и интернет-лор.

Во-вторых, произошло размывание границ объекта исследования: фольклористы начали «присваивать» себе те объекты изучения, которые несколькими десятилетиями раньше были исключительной «привилегией» социологии, психологии, этнологии, лингвистики (например, поведение нищих и других стигматических групп, язык рекламы, структурирование городской среды и под.).

Если во второй половине XIX и начале XX в. исследования во многом сводились к собирательской деятельности и старались ответить на вопросы «что?», то в середине и второй половине XX в. исследовательское внимание было сосредоточено скорее на вопросе «как?»: как функционирует текст, что «создает» его структуру? В 60-е гг. Алан Дандес призвал антропологов и фольклористов

перенести свое внимание с описания структуры текста на вопрос «почему?»: почему происходят те или иные обряды, зачем внутри сообществ порождаются фольклорные тексты и т.д. Таким образом, существование фольклора — это некоторая необходимая функция сообщества, которую исследователям необходимо «разгадать». В рамках этого направления фольклорный текст рассматривается как форма реакции на социальное или политическое событие, которая в определенной степени формирует представления сообщества о текущих процессах и отношении к ним (понятие «остенсии» в концепции Линды Дег и Эндрю Вашони).

Таким образом, начало XXI в. ознаменовалось «антропологическим поворотом» в фольклористике (как и в других гуманитарных науках второй половины XX в.) — интерес сместился от фиксируемого исследователем текста к контексту его произнесения; от «взгляда извне» к «взгляду изнутри» культуры; от описания моделей — или грамматики традиции — к использованию этих моделей в реальной жизни ее носителей, от «простого» описания — к «насыщенному», когда культурное событие изучается с трех сторон: что происходит, как люди объясняют происходящее, какие культурные схемы обуславливают эти типы объяснения.

И наконец, накопленный материал по вербальным и акциональным формам дал возможность количественных исследований и, соответственно, открыл дорогу вопросу о верифицируемости результатов. Следствием этого стало бурное развитие методов и инструментария, основанного на количественных и типологических подходах, применяемых в корпусном анализе и при создании баз данных: картографирование, указатели сюжетов и мотивов, автоматизированный анализ метрики и формульности, корреляционный анализ, кластеризация и автоматическая классификация текстов, филогенетические реконструкции и многое другое.

В настоящем издании на примере разнообразного материала — от традиционных фольклорных жанров (былички, колядки, поверья) до источников, попавших в поле зрения исследователей со-

всем недавно (язык интернета, следственные дела, акции протеста), — показано применение различных методов из арсенала фольклористики, антропологии, социологии. Кроме того, для дисциплин, которые невозможны без экспедиций, важным является обсуждение полевых методов, которым в данном сборнике посвящен отдельный раздел. В настоящее время фольклористикой и антропологией накоплен большой эмпирический материал, который нуждается в систематизации, помогающей исследователям в нем легко ориентироваться — проблемам составления указателей и создания баз данных также уделено внимание в издании.

Составители надеются, что книга будет интересна и полезна как молодым ученым, определяющимся с методами для своей исследовательской работы, так и опытным профессионалам, которые найдут здесь интересные кейсы с использованием знакомых им приемов.

Формальные методы в антропологии и фольклористике

Карандашом и компьютером: электронные указатели фольклорно-мифологических сюжетов и мотивов¹

Никита Петров

С начала XX в. филологическую общественность занимал вопрос о возможности непротиворечивой классификации фольклорных текстов — их сюжетов и типов. В XX в. были описаны и классифицированы сказки — сначала в указателе сюжетов А. Аарне [Aarne 1910], затем в различных региональных (иногда модифицированных в зависимости от локальной приуроченности) указателях, которые базировались в основном на структуре, созданной А. Аарне и С. Томпсоном [Сравнительный указатель сюжетов... 1979; Андреев 1929; Пропп 1958].

С появлением и использованием более детальной системы каталогизации содержательных элементов фольклорных текстов [Thompson 1955–1958] в фольклористике установилось и отчасти легитимизировалось понятие мотива. Благодаря систематизации содержания по мотивам (предполагается, что мотив — единица, которая входит в сюжет, и поэтому является меньше сюжета по объему входящей в нее информации) развилась традиция описания «своих» локальных традиций с соотнесением семантических элементов в этой традиции с мотивами обобщающего указателя С. Томпсона.

В фольклористике существует сравнительно небольшое количество сюжетных и мотивных указателей, описывающих региональные традиции не по системе Аарне и Томпсона (общее число не выходит за пределы 500), однако лишь некоторые из них доступны для исследователей — большая часть указателей сделаны как приложения к диссертациям, книгам, статьям и не опубликованы. Данная проблема — отсутствие данных, их непредставленность в электронном виде, зачастую ведет к неверным выводам о приро-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 14–18–00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

де фольклорного текста, о его локальной приуроченности и генезисе входящих в текст сюжетов и мотивов.

Публикация указателей в электронной форме позволяет как решить указанную проблему: предупредить ложные выводы и указать все возможные содержательные параллели к мотивам, содержащимся в фольклорно-мифологических текстах, — так и справиться с другой, не менее болезненной — исправить ошибки в существующих системах классификации содержательных констант в фольклорных текстах, что неизбежно происходит при вычитке и редакторской правке html-текста. Кроме этого, использование электронных указателей позволяет делать нетривиальные подборки мотивов. Например, благодаря публикации указателя Стита Томпсона в электронном виде (<http://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/index.htm>) появился неплохой семантический поисковик, разработанный группой ученых во главе с Фольгертом Карсдорпом [Karsdorp, Meulen, Meder, Bosch 2015].

Проект, реализуемый сотрудниками ЦТСФ РГГУ и ШАГИ РАНХиГС, направлен на создание универсальной и пригодной для использования научной общественностью самого широкого масштаба (российскими и зарубежными фольклористами, этнографами, антропологами, литературоведами) системы классификации сюжетных и мотивных элементов фольклорных текстов: эпоса, сказок, заговоров, мифологических рассказов, легенд, рассказов о чудесах, поверий.

В данный момент в электронном виде насчитывается более 25 важнейших указателей мотивов и сюжетов. Большинство данных указателей базируются на материале мифов народов мира, традиционной сказки, некоторые учитывают тексты сказочных легенд, исторических преданий, мифологических рассказов, эпоса, заговоров. Указатели находятся в свободном доступе на страничке портала «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика»: URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/indexes.htm>.

Во-первых, это указатели сюжетных типов сказок народов мира:

Горяева Б.Б. Указатель сюжетных типов калмыцких волшебных сказок в соотношении с сюжетными типами «Сравнительного указателя сюжетов».

Козьмин А.В. Программный комплекс «Медиатор» (по текстам сказок из сборника Афанасьева).

Курдованидзе Т.Д. Сюжеты и мотивы грузинских волшебных сказок (систематический указатель по Аарне-Томпсону).

Надбитова И.С. Указатель сюжетов калмыцких волшебных сказок.

Сокаева Д.В. Указатель осетинских волшебных сказок по системе Аарне-Андреева.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка.

Во-вторых, указатели сюжетов и типических мест в эпических традициях:

Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов).

Петров Н.В. Рабочие материалы к указателю элементарных эпических сюжетов (ЭЭС) русских былин.

Селеева Ц.Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар».

В-третьих, указатели сюжетов и мотивов легенд, преданий и мифологических рассказов:

Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах.

Гордеева Н.А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978/1984 гг.).

Горяева Б.Б. Указатель сюжетных типов калмыцких волшебных сказок в соотношении с сюжетными типами «Сравнительного указателя сюжетов».

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин.

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бы-
вальщин.

Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семан-
тическая классификация литовских этиологических, мифо-
логических сказаний и преданий.

Козлова Н.К., Назырова Ф. Указатель сюжетов о лешем и тек-
сты ФА ОмГПУ.

Козлова Н.К., Степахина А.С. Сюжеты восточнославянских
мифологических рассказов о колдовстве на свадьбе.

Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях.
Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты.

Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы
о змеях. Указатель сюжетов и мотивов.

Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и основных эле-
ментов преданий.

Новик Е.С. Мифологическая проза малых народов Сибири и
Дальнего Востока.

Петров Н.В. Указатель мотивов к текстам каргопольских ле-
генд и преданий.

Петров Н.В. Указатель мотивов к текстам фольклорно-мифо-
логической прозы в сборнике «Знатки, ведуны и черно-
книжники. Колдовство и бытовая магия на Русском Севере».
(М.: Форум-Неолит, 2013/2015).

Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифо-
логических рассказов.

Шумов К., Преженцева Е. Указатель сюжетов-мотивов были-
чек.

В-четвертых, указатели сюжетов и мотивов, личных имен в
восточнославянских заговорах:

Топорков А.Л. Опыт систематизации охотничьих и рыболо-
вецких заговоров восточных славян: от ранних записей к
современности.

Топорков А.Л., Агапкина Т.А. Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография. М.: Индрик, 2014.
Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров.

На сайте находится зеркало аналитического каталога мифологических мотивов Ю.Е. Березкина (Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>), Указатель африканских мифологических сюжетов и мотивов Елены Котляр (<http://www.ruthenia.ru/folklore/kotlyar/>) и зеркало тематического каталога мифо-ритуальных традиций Монголии (<http://www.ruthenia.ru/folklore/topics.htm>)

Список постоянно пополняется новыми данными.

На семинаре слушатели узнают о принципах составления и организации материала в этих и других сюжетных и мотивных указателях, познакомятся с электронными версиями этих указателей.

Литература

Aarne 1910 — *Aarne A. Verzeichnis der Maerchentypen*. Helsinki, 1910.

Dundes, Alan. The Motif-Index and the Tale Type Index: A Critique // *Journal of Folklore Research*. 1997. Vol. 34. No. 3. P. 195–202.

Karsdorp, Meulen, Meder, Bosch 2015 — *Karsdorp F., Meulen van der M., Meder T., Bosch van den A. MOMFER: A Search Engine of Thompson's Motif-Index of Folk Literature* // *Folklore*. 2015. 126:1. P. 37–52. URL: <http://www.momfer.ml/>.

Thompson 1955–1958 — *Thompson S. Motif-Index of Folk-Literature*. 6 vols. Copenhagen; Bloomington, 1955–1958).

Сравнительный указатель сюжетов... 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

Андреев 1929 — *Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*. Л., 1929.

Пропп 1958 — *Пропп В.Я. Указатель сюжетов* // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 3. М., 1958. С. 454–502.

Архивные собрания и базы данных фольклорных текстов: от полевых записей к научному исследованию¹

Никита Петров

Исследователю-фольклористу, занимающемуся компаративным анализом текстов, приходится нелегко: во-первых, надо охватить приличный объем фольклорных данных, во-вторых, не ошибиться, признавая ту или иную деталь, мотив, сюжет уникальными или, наоборот, типичными; в-третьих, отличить аутентичную запись от сфальсифицированной. Частично решить эту проблему поможет знакомство исследователя с архивами фольклорных записей, хранящихся в региональных и центральных, отечественных и зарубежных университетах и музеях, со способами обработки и систематизации текстов в этих архивах.

На сегодняшний день насчитывается порядка 100 собраний фольклорных текстов, доступных в сети: от узкотематических диалектных собраний («Русская народная свадьба Ульяновской области». URL: <http://russwedding.narod.ru/>) до обширных корпусов текстов (Корпус текстов на малочисленных языках Сибири: ненецкий, шорский, телеутский и эвенкийский. URL: www.corpora.iea.ras.ru). Подобные дигитальные проекты имеют вполне определенную цель: хранение исходного (звук, полевой дневник, особенности фиксации) определенным образом подготовленного (разметка, паспортизация, возможность поиска) текста. Между тем качество материала, его количество, способы поиска информации в этих собраниях разнятся, а фольклористы либо не знают о существовании большинства электронных хранилищ, либо не пользуются ими.

В лекции я расскажу об известных мне фольклорных архивах (в том числе и не онлайн-овых), способах организации материала в этих собраниях, о возможностях поиска нужной исследователю

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ–БРФФИ № 15–24–01004 а(м) «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире».

информации. На практической части занятия участники узнают о некоторых способах описания и группировки фольклорных текстов, внесении их базу данных и способах поиска материала на примере базы данных севернорусского фольклора, хранящейся в Лаборатории фольклористики РГГУ (более 40000 обработанных и размеченных записей). Тематические блоки семинара:

- камеральная обработка полевых материалов (расшифровка с особенностями диалектной речи, программы для обработки звука, фотографий, возможности распознавания устной речи и перевод ее в письменную форму);

- специфика кодирования звуковых, фото- и видеоматериалов;

- разметка полевых материалов (тематическая разметка, семантическая разметка);

- работа с базой данных и разноплановый поиск нужного материала.

Рекомендуемая литература

Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора. М., 2012.

Мороз А.Б. Из опыта работы над базой данных «Традиционная культура Русского Севера (Каргополье)» // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 85–99.

Как обработка базы данных мирового фольклора проливает новый свет на прошлое Евразии¹

Юрий Березкин

Аналитический каталог фольклорно-мифологических мотивов включает более 50 тысяч резюме текстов по почти тысяче традиций мира. Статистическая обработка этого материала позволяет изучать разновременные исторические процессы, связанные с массовыми миграциями и культурными контактами. О некоторых недавно полученных результатах см. [Березкин 2015; Васильев и др. 2015].

Данные текстового каталога отражены в цифровой форме в виде бинарной (из нулей и единиц) таблицы, в которой строки соответствуют этническим и территориальным группам (традициям), а столбцы — мотивам. Таким образом, традиции характеризуются длинными наборами из нулей и единиц, по которым тем или иным способом можно выявлять степень сходства традиций друг с другом. Один из таких способов основан на принципах факторного анализа, в рамках которого признаки-мотивы представляются в виде сумм небольшого числа скрытых переменных (факторов). Один из вариантов факторного анализа использует в качестве факторов главные компоненты (ГК), которые формально возникают из другой задачи: найти линейную комбинацию признаков, для которой дисперсия максимальна. Количество таких максимумов совпадает с размерностью задачи. Наибольший из максимумов соответствует первой ГК, второй максимум — второй ГК и т.д. Обычно лишь первые две-три компоненты содержат информацию о наиболее общих закономерностях. Остальные отражают разнообразные тенденции на локальном уровне.

Более 10 лет назад вся совокупность фольклорно-мифологических мотивов, включенных в наш Аналитический каталог (сейчас их около 2200), была расчленена на две главные категории: А (мотивы космологические и этиологические) и Б (мотивы при-

¹ Работа поддержана грантом РФФИ 14-06-00247.

ключенческие и трикстерские). Эта классификация себя оправдала: в Старом Свете мотивы двух категорий обнаруживают разные тенденции ареального распределения. Хотя те и другие могут встречаться в текстах любых жанров, в пределах основной части Евразии и Африки мотивы категории А более характерны для мифологической прозы, а мотивы категории Б — для сказки (волшебной, бытовой, о животных) и эпоса. Поскольку сказка как жанр в значительной мере лишена этнической специфики, а соответствующие мотивы легко преодолевают этно-языковые границы, можно предполагать, что тенденции ареального распределения мотивов категории Б отражают более позднее состояние информационных сетей, нежели тенденции распределения мотивов категории А. Исходя из этой гипотезы, были отдельно обработаны обе совокупности мотивов в пределах основной части Старого Света. Оказалось, что по данным распределения мотивов категории А, Кавказ и (менее выражено) Передняя и Средняя Азия связаны с Европой, а по данным распределения мотивов категории Б — с Центральной Азией. «Азиатский ареал» в последнем случае близко совпадает с распространением такого заметного культурного маркера, как космоним Чолбон (Чолпан и пр. — Венера), характерного для тюркских, монгольских и северных тунгусо-маньчжурских языков. Это может свидетельствовать о том, что кардинальная перестройка сетей обмена информацией в пределах Евразии произошла в ходе массовых миграций алтайских народов с востока на запад по Великой Степи, т.е. в период между 3 и 13 вв. н.э.

Распределение мотивов категории А отражает более удаленные по времени процессы. Максимальное число широко распространенных мотивов этой категории (1 ГК) зафиксировано в Северной Евразии от Балтики и Карпат до Чукотки и Приморья. Западная Европа периферийна. 2 ГК противопоставляет в Евразии две зоны. Западную зону образуют вся Европа (кроме саамов и коми), Кавказ, Казахстан, менее выражено — Иран и Передняя Азия. Восточная зона включает всю Сибирь, Японию, Тайвань, Китай, а также тибето-бирманские, мундаязычные и дравидские группы

северо-восточной и средней Индии. В пределах Китая, островов Рюкю, севера Индокитая, Бирмы и в большинстве традиций Индии та же тенденция выражена менее резко. Причиной, скорее всего, служит неполнота данных: традиция тибето-бирманцев востока Аруначал-Прадеша (апатани и их соседи), для которой данных много, в отношении выраженности соответствующей тенденции аналогичная западносибирским, эвенской и нанайской. Деление Евразии на восток и запад близко совпадает с соответствующими данными генетиков [Балановский 2014] и, скорее всего, отражает движение разных популяций Евразии с юга на север после прохождения ледникового максимума 18-20 тыс. л.н. На востоке связи север — юг очевидны. На западе (Европа — Передняя Азия) они едва заметны. Причина наверняка в том, что древние мифологии Передней Азии известны лишь по отрывочным данным древних источников, а в неарийской Индии и в Юго-Восточной Азии, так же как и в Сибири, традиционные наборы мотивов не были стерты в ходе распространения мировых религий и сохранялись до недавних пор.

Литература

Балановский 2014 — *Балановский О.П.* Генетические данные о заселении Высоких Широт // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды. Атлас-монография / отв. ред. В.М. Котляков, А.А. Величко, С.А. Васильев. М., 2014.

Березкин 2015 — *Березкин Ю.Е.* Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический Форум. 2015. 26: С. 153–170.

Васильев и др. 2015 — *Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табарев А.В.* Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб., 2015.

Базы данных по традициям старообрядцев: от полевого материала к решению научных проблем¹

Наталья Душакова

В докладе будет рассмотрено, как разработанные базы данных по традициям старообрядцев Северо-Западного Причерноморья помогают решать фундаментальные научные проблемы, стоящие перед исследователями старообрядцев.

Любая база данных — это не только первичные полевые материалы, но и определенная исследовательская оптика, которая выражается в способе организации материала. Несмотря на то, что элементы интерпретации содержатся в каждом этапе антропологического исследования, базы данных, включающие фольклорно-этнографические материалы, зачастую подвергаются критике за то, что, будучи во многом сконструированными конкретным исследователем, они не могут быть использованы коллегами-антропологами. Другим поводом для критики базы качественных данных является то, что сведения в ней представляются как объективные единицы, доступные для сбора в полевых условиях [Yanow, Schwartz-Shea 2006: XVII]. Принимая во внимание ограничения данного инструмента, в докладе будет показано, ответы на какие вопросы он позволяет получить.

В настоящее время в рамках исследовательского проекта, посвященного культуре русских старообрядцев Северо-Западного Причерноморья, подготовлено два раздела базы данных²:

1. Жилище липован и некрасовцев: традиционные практики, ритуалы и мифологические представления (http://ruthenia.ru/folklore/dbases/dushakova_dwelling/). Единица описания — фрагмент интервью носителя старообрядческой традиции (225 текстовых единиц). Для наполнения базы данных использовались преимущественно

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-60024 мол_а_дк.

² Выражаю благодарность Д.С. Николаеву за помощь в разработке базы данных.

полевые материалы по традициям липован и некрасовцев, собранные с 2008 по 2014 гг. в старообрядческих поселениях Республики Молдовы, Южной Украины, Румынии. Кроме этого, были привлечены опубликованные материалы по результатам экспедиций в поселения липован и некрасовцев в России. Всего рассмотрено 19 локальных традиций. База данных представлена в виде трехуровневого инвертированного каталога, в котором поиск можно осуществлять по локальным традициям и параметрам описания.

2. Актуальные религиозно-мифологические представления старообрядцев: каталог запретов и предписаний липован и некрасовцев (http://ruthenia.ru/folklore/dbases/dushakova_prohibitions/). Источники — полевые материалы, собранные автором в 2009–2015 гг. в 12 поселениях Республики Молдовы, Южной Украины, Румынии, а также архивные материалы Межкафедральной археографической лаборатории МГУ (Фонд дневников). Всего в базу данных было включено 136 текстовых единиц — фрагментов интервью. Каталог насчитывает 46 формул запретов и предписаний, снабжен полнотекстовым поиском по словам, фрагментам слов и их сочетаниям (без морфологического анализа).

Базы данных были структурированы по-разному, поскольку в первом случае даже в рамках одного старообрядческого согласия имеет место локальная вариативность сюжетов и практик. Что касается запретов и предписаний, то разработка базы данных проявила практическое отсутствие регионального варьирования в рамках традиции (среди липован, некрасовцев и кацапов поповского направления), поэтому и была выбрана форма представления информации в виде каталога.

Благодаря созданию базы данных, выстраиванию разрозненных сведений в единый ряд, стало возможным: а) типологизировать зафиксированные тексты (так, актуальные запреты и предписания были разделены на предметные, темпоральные, локативные и акциональные в зависимости от культурного кода, в котором определяется суть инструкции); б) проследить трансформацию практик (как на примере вербализованных инструкций, так и в отношении

строительных ритуалов); в) выявить сходства и различия (или их отсутствие) в практиках микрогрупп липован и некрасовцев в разных регионах очерченного ареала на уровне конфессиональных и региональных форм традиций; г) обнаружить наиболее устойчивые и значимые элементы культуры, благодаря подсчетам частотности распространения той или иной культурной формы на конфессиональном и региональном уровнях (от отдельных конструктивных элементов жилища до обрядовых практик и текстов).

Кроме того, разработанные базы данных проявляют неизученные аспекты старообрядческой культуры: практически нет исследований, посвященных мифологическим представлениям липован и некрасовцев России; слабо освящены в научной литературе запреты и предписания старообрядцев поповского направления.

Литература

Yanow, Schwartz-Shea 2006 — Yanow D., Schwartz-Shea P. Introduction // Interpretation and method: empirical research methods and the interpretive turn / ed. by D. Yanow and P. Schwartz-Shea. New York, 2006.

Указатель сюжетов традиционных игр как инструмент структурного анализа

Мария Гаврилова

В исследованиях, посвященных традиционным играм, систематизация материала до сих пор остается нерешенной проблемой. Сюжетный указатель игр был составлен мною в качестве одной из попыток ее решения. Хотя отдельные игры рассматривались другими авторами посюжетно [Gomme 1898; Всеволодский-Гернгросс 1933; Бернштам 1986; Мазалова 2000; Ключева 2012], этот принцип раньше не применялся систематически ко всем играм определенной традиции.

В сюжетном указателе систематизированы сведения о традиционных восточнославянских играх с формализованными правилами¹. На данный момент он содержит ссылки на три десятка источников XIX — начала XX в. и постоянно пополняется. Указатель организован иерархически. На первом уровне все игры разделены на: класс I — игры с противоборством двух сторон за внутриигровую цель (антагонистические) и класс II — игры с целью, внешней по отношению к игре². На втором уровне игры класса I разделены на четыре группы по типу цели, а игры класса II делятся на группы по способу достижения внеигровой цели. На третьем уровне игры, где это возможно, делятся на сюжетные подтипы.

Игры класса I	Игры класса II
1) <u>Борьба за смену роли:</u> а) «Прятки» / «Казаки-разбойники» б) «Жмурки»	1) <u>Упражнение</u> «Ножик», «Свайка», «Камешки», «Мяч об стену», «Классы» и др.

¹ Они противопоставляются «импровизационным» («имитационным») играм.

² Среди таких целей: конкурентная борьба участников за внеигровую ценность, состязание в удаче и/или мастерстве, ритмичное движение ради кинетического удовольствия.

<p>в) «Догонялки» г) «Кошки-мышки» д) «Горелки» е) «Ловля с присоединением»</p>	<p>2) <u>Простое состязание (поединок)</u> Перепрыгивание через препятствия, бег наперегонки, испытание смехом, молчанка, парная борьба, перетягивание на палке, адекватное реагирование, загадки и др.</p>
<p>2) <u>Борьба за игрока:</u> а) «Ворота» / «Без соли соль» б) «Кандалы» в) «Краски» г) «Гуси» / «Овцы» д) «Коршун» («Ворон») е) «Кот и крыночки» ж) «Редька» («Хрен»)</p>	<p>3) <u>Разыгрывание предметов</u> Игры с бабками, яйцами, монетами и др.</p> <p>4) <u>Жребий</u> «Курилка», «Чет и лишка», «Орел и решка».</p>
<p>3) <u>Борьба за собственность:</u> а) «Кума, продай дитя» («Горшки», «Кольшки») б) «Зоря» в) «Жгут прятать» («Колечко») г) «Золото хоронить» д) «Ветчина» е) «Уголки»</p>	<p>5) <u>Перебор</u> «Я сижу-горю-пылаю...», «Подушечка», «Со вьюном хожу», «Соседи»</p> <p>6) <u>Аттракцион</u> «Заплетание плетня», «Долгая лоза», «Куча мала», «Дробушки», «Колесо», качели, катание с гор и т.п.</p>
<p>4) <u>Борьба за территорию:</u> а) «Дук» / «Мазло» б) «Муха» в) «Лапта» / «Чиж» г) «Качало» д) «Городки» е) «Круглым городом»</p>	<p>7) <u>Песня-игра:</u> а) «Мак», «Перепелка», «Олень», «Ящер», «Кострома» б) «А мы просо сеяли», «Бояре» в) «Лен», «Пиво»</p>

Помимо того что сюжетный указатель помогает ориентироваться в материале³, он служит мне инструментом структурного анализа игр. Он является своего рода «сеткой», при наложении которой на материал в каждую из ячеек попадают структурно и сюжетно гомогенные тексты. Иерархическая организация указателя помогает выстроить иерархию вариантов и инвариантов игровых сюжетов. Наименование класса I «Антагонистические игры» — это сюжетный инвариант для всех входящих в этот класс игр; название сюжетного типа является инвариантом для всех входящих в него подтипов; сюжетные подтипы в пределах типа варианты по отношению друг к другу; наконец, описание сюжетного подтипа представляет собой инвариант для всех входящих в него конкретных игр. Класс II менее однороден по составу, входящие в него игры не сводятся к общему инварианту. Однако наименования сюжетных типов («Поединок», «Разыгрывание предметов», «Жребий» и т.д.) могут рассматриваться в качестве инвариантов по отношению к сюжетам игр, входящим в соответствующие группы.

С одной стороны, данная система помогает мне анализировать перечисленные в указателе восточнославянские игры. Сопоставляя в рамках каждой из ячеек указателя сюжетно гомогенные игры, отмечая в них совпадения и расхождения, можно: а) оценивать, типичны ли те или иные элементы для данного сюжета; б) описывать комплексы мотивов, характерные для различных игровых сюжетов; в) выявлять принципы, по которым игровые объекты получают наименования; г) описывать принципы построения и функционирования каждого из игровых сюжетов.

С другой стороны, подобным же образом можно систематизировать игры различных национальных традиций. Если сопоста-

³ Первоначальная цель указателя — помочь избежать описаний игр в научном тексте и громоздких библиографических ссылок. Все это заменяется указанием на код сюжета, например: «Коршун» (I–2д) — игра относится к классу I (антагонистические игры), типу 2 (игры с борьбой за присоединение игрока к своей команде), сюжетному подтипу «д» (*Коршун (Ворон)*).

вить игры одного и того же сюжетного типа, бытующие в разных регионах, то совпадающие элементы можно трактовать в качестве констант игрового сюжета, а различающиеся отнести к местной специфике его реализации. В перспективе ареал распространения каждого из сюжетов должен быть нанесен на карту, на основе чего возможно будет судить о происхождении и путях распространения игровых сюжетов.

Литература

Gomme 1898 — *Gomme A.B.* The Traditional Games of England, Scotland and Ireland. Vol. II. London, 1898.

Бернштам 1986 — *Бернштам Т.А.* К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // Советская этнография. 1986. № 1. С. 24–35.

Всеволодский-Гернгросс 1933 — *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Игры народов СССР. М.-Л., 1933.

Ключева 2012 — *Ключева М.А.* Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Йошкар-Ола, 2012.

Мазалова 2000 — *Мазалова Н.Е.* Детские игры в животных у восточных славян // Народные игры и игрушки. СПб., 2000.

Презентация проекта «Электронный архив полевых исследований по еврейской истории и культуре в странах Восточной Европы»

Светлана Амосова, Михаил Васильев

В ходе семинара слушателям будут представлены результаты международного исследовательского проекта, посвященного созданию электронной базы данных, обобщающей опыт и материалы полевых исследований в области еврейского культурного наследия и исторической памяти о еврейском населении в России, странах Балтии и СНГ.

Данные исследования проводились в рамках научно-исследовательских экспедиций и полевых школ по иудаике, организуемых Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» с 2003 г. по настоящее время. За 10 лет реализации проекта участниками экспедиций были исследованы более 50 бывших еврейских местечек на территории России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литвы и Грузии. Полевая работа велась по трем основным направлениям: этнографическому, эпиграфическому и архивному, в рамках которых было записано несколько сотен интервью, составлено несколько полных каталогов еврейских кладбищ, найдены и введены в научный оборот многочисленные архивные документы и свидетельства по истории восточноевропейских евреев в XVII–XX вв. Часть из этих материалов опубликована в виде академических изданий Центра «Сэфер» и Института славяноведения РАН (см. [Лепель... 2015; Евреи... 2015; Желудок... 2013; Утраченное соседство... 2013]).

В 2015 г. был начат проект по созданию базы данных для публикации, обработки и систематизации материалов полевых исследований Центра «Сэфер» в виде открытого электронного архива. В настоящий момент запущена пилотная версия сайта с ограниченным доступом, включающая в себя материалы по этнографии (аудиозаписи и расшифровки интервью с еврейскими и нееврейскими информантами) и эпиграфике (каталоги еврейских некрополей), собранные в ходе экспедиций 2015 г. Ведется тести-

рование и отладка интерфейса базы, системы поиска и вывода данных, разрабатывается дизайн ресурса. Одновременно продолжается наполнение базы данных архивными материалами полевых исследований прошлых лет, уже опубликованных в виде печатных изданий, а также ранее не публиковавшихся.

В ходе презентации мы планируем рассказать о ходе работ по созданию и дальнейшему развитию базы данных, познакомить слушателей с ее строением и принципами наполнения, а также продемонстрировать основные возможности и приемы работы с уже имеющимся материалом. При этом будут рассмотрены следующие темы:

1. Содержание электронного архива и виды данных:
 - этнография;
 - эпиграфика;
 - архивные исследования.
2. Структура базы данных:
 - разделы;
 - списки категорий;
 - списки записей;
 - страницы записей.
3. Принципы систематизации и представления данных:
 - географический (список городов, интерактивная карта);
 - хронологический;
 - предметный (многоуровневая система меток (тэгов), включающая именной, тематический и предметный указатели).
4. Наполнение базы данных:
 - принципы сбора и первичной обработки данных в ходе полевой работы;
 - внесение собранного материала в базу;
 - единица записи в этнографическом и эпиграфическом разделах: ее содержание и структурные элементы;
 - разметка текста (описи) интервью, расстановка меток;
 - разметка аудио и видеозаписей (временная привязка к тексту интервью).

5. Работа с электронным архивом:

- режимы отображения материалов (пользовательский и исследовательский);
- навигация внутри базы данных, переход между разделами, категориями и записями;
- поиск и вывод различных типов записей;
- сортировка записей по необходимым критериям, работа с фильтрами.

В заключение планируется кратко обсудить возможности для дальнейшего взаимодействия и партнерства с другими аналогичными проектами, существующими как в России, так и за рубежом.

Литература

Лепель... 2015 — Лепель. Память о еврейском местечке / отв. ред. С.Н. Амосова. М., 2015.

Евреи... 2015 — Евреи на карте Литвы: Биржай / отв. ред. И.В. Копченова. М., 2015.

Желудок... 2013 — Желудок: память о еврейском местечке / отв. ред. И.В. Копченова. М., 2013.

Утраченное соседство... 2013 — Утраченное соседство: Евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 гг. / отв. ред. С.Н. Амосова. М., 2013.

Сюжетно-мотивные указатели румынских колядок

Джорджия Бернарделе

В докладе будет представлен метод индексирования колядных сюжетов и мотивов, выработанный нами на основе румынского материала. Наш подход имеет немало точек соприкосновения с методом, предложенным Taloş [Taloş 2011]. По укоренившейся традиции привычные приемы индексирования колядок не особенно различаются от указателей необрядовых песен: с одной стороны, указатели колядок могут выстраиваться по модели указателей баллад [Brătulescu 1981]; с другой, колядные сюжеты могут оказываться включенными в указатели других жанров [Смирнов 1988]. Однако, несмотря на семантические сходства с балладами и лирическими песнями, колядные сюжеты имеют свою структурную специфику, изучение которой возможно только по мере разработки и использования специфических приемов упорядочивания материала.

Первая попытка индексировать румынские колядки была принята М. Братулеску. В корпусе румынских колядок Братулеску выделяет 217 сюжетных типов, для каждого из которых дается синтетическое описание, главные подтипы, библиографические ссылки на варианты, и там где они обнаруживаются, ссылки на международные параллели из мотивного указателя Томсона. Сюжетные типы сгруппированы в 10 тематических и прагматических разделов, которые, в намерениях автора, должны соответствовать стратификации текстов от более ранних к более поздним образованиям: церемониальные, космогонические, профессиональные, предсвадебные, семейные, о боярском дворе, назидательные и морализирующие, библейские и апокрифические, колядки-баллады, колядки-песни. Рассматриваемый указатель остается единственным «справочным» ресурсом, позволяющим легко и быстро сориентироваться в составе румынских колядок; его недостатки, однако, довольно очевидны. Во-первых, в основе классификации лежит далеко не целый корпус колядок, а только репрезентативная

его выборка — тексты, взятые из 108 антологий и архивных аудио-записей. Во-вторых, описание сюжетных типов недостаточно подробно, чтобы отразить содержание многих колядок, равно как и вычленение в подтипы далеко не охватывает разнообразность и разветвленность, присущие некоторым колядным сюжетам.

Специфической чертой, отличающей колядные сюжеты от сюжетов необрядовых песенных жанров, является наличие сети устойчивых мотивов, связывающих друг с другом отдельные варианты разных типов: эти мотивы, заимствованные из других колядок и вставленные в текст в виде «цитат», часто обрастают деталями или вовлекают в себя другие мотивы, порождая таким образом новые «ветви», радикально отдаленные от главного «тела». Для выявления этого сюжетно-мотивного фонда напрашивается выработка специальной системы индексирования, минимальной единицей которой служит не тип, а мотив: выделению и описанию сюжетных типов (синтетическое описание) должна предшествовать систематизация всех сходных вариантов через вычленение и распознавание их мотивов (аналитическое описание). Точность и функциональность описания прямо пропорциональна количеству анализируемых данных: поэтому в основе нашей системы лежит разбор всех зафиксированных вариантов как из печатных — антологий, периодических изданий — так и из архивных источников.

Составление индекса в нашем представлении должно проходить по трем фазам: 1) разбор вариантов по мотивам с помощью постепенно дополняемой в ходе работы таблицы; паспортизация вариантов с указанием места записи и — если она зафиксирована — функции, т.е. типичного адресата текста; 2) описание основной сюжетной схемы и основного набора мотивов каждого типа со ссылками на «сходные» варианты, наименее отклоняющиеся от этой схемы; 3) описание других мотивов, уточняющих или развивающих сюжетную схему со ссылками на соответствующие варианты.

Итак, предложенная нами классификация представляет собой систему разных взаимосвязанных указателей, каждый из которых

нацелен на описание и систематизацию данных, относящихся к одному сюжетному типу. В результате работы будет составлен общий указатель колядных мотивов, позволяющий быстро идентифицировать мотивы, найти параллельные текстуальные реализации в разных сюжетных типах. Кроме того, с помощью данного каталога становится возможным установить с большей долей точности географическое распределение вариантов, относящихся к разным типам, степень плотности их фиксаций, равно как и картографировать распространение отдельных мотивов.

Литература

Brătulescu 1981 — *Brătulescu M.* Colinda românească. The Romanian colinda (winter-solstice songs). București, 1981.

Смирнов 1988 — *Смирнов Ю.И.* Восточно-славянские баллады и близкие им формы. М., 1988.

Taloş 2011 — *Taloş I.* Scaldă sfinţilor și noua tipologie a colindei românești. București // Metode și instrumente de cercetare etnologică. Stadiul actual și perspectivele de valorificare. Studii închinare memoriei savanților Ion Muşlea și Ovidiu Bârlea. Cluj-Napoca, 2011. P. 289–300.

Корпусные методы в антропологии и фольклористике

Корпусные методы в языкознании: история и современность¹

Анна Дыбо

План лекции

1. Откуда лингвисты получают информацию о языке. Наблюдение («корпусное исследование», анализ текстов, порожденных с помощью исследуемого языка) и эксперимент («полевое исследование», опрос носителя языка; интроспекция как вырожденный случай).

Достоинства и недостатки обоих источников. Важность «отрицательного материала». Аналоги «отрицательного материала» при корпусном исследовании.

2. «Доцифровые» корпуса текстов и корпусные исследования. Корпуса канонических текстов. Письменные памятники языков. Изучение древних языков.

Грамматики, построенные на корпусах текстов, и предписывающие грамматики в истории языкознания.

Словари. Опросники и тексты как источники словарей в истории языкознания. Конкордансы / симфонии / «Словари языка такого-то». Исследования по частотности употребления языковых форм.

3. Электронные корпуса. Ранние корпуса.

Типы корпусов: а) по составу; б) по уровням представления текстов; в) по разметке. Процесс разметки корпусов (транскрипция/транслитерация, токенизация, лемматизация, морфологическая разметка и др.). Об автоматических средствах разметки.

Типы корпусов по намерениям составителя. Фиксирующие, исследовательские и обучающие корпуса.

4. Методы корпусного исследования. «Полная» и «представительная» выборки, «репрезентативность» и «сбалансированность» корпуса. Применение количественных методов. Возможности ко-

¹ Работа ведется по программе ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы».

личественных методов в изучении древних текстов. Установление тенденций в изменении языка. Количественные методы в синхронии: формализация различия между идиомами. Переход количества в качество: специфические возможности при работе с электронным корпусом.

Рекомендуемая литература

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Коптев М. Введение в корпусную лингвистику. Прага, 2014.
URL: <http://animedia-company.cz/ebooks-catalog/business-popular-science-catalog/vvedeniye-v-korpusnuju-lingvistiku/> (дата обращения: 16.04.2016).

Corpus Linguistics. An International Handbook / ed. by Anke Lüdeling and Merja Kytö V. 1–2. Leiden-Berlin, 2008.

Зачем рассказывать анекдоты? От корпусного анализа к социологии фольклора¹

Александра Архипова, Дарья Радченко

Как правило, после резонансного социально-политического события возникает «фольклорная реакция» — пользователи социальных сетей начинают продуцировать юмористические тексты, сконструированные как «ответ» недовольной части общества на ту или иную реплику власти. Такой тип реакции особенно востребован в ситуации, когда отвечающие могут действовать только в символическом поле, а не на уровне политических жестов (см. концепцию «оружия слабых» Джеймса Скотта).

Следовательно, подобные фольклорные тексты представляют собой своеобразную «лакмусовую бумажку», показывающую, как мы реагируем на события. Опросы общественного мнения, к которым все привыкли обращаться, чтобы узнать мнение людей по поводу того или иного события, имеют по крайней мере одно слабое место, о котором говорят сами социологи. При проведении опросов респондентам приходится выбирать между формулировками, которые предлагаются в готовом виде авторами анкеты. При этом от исследователя ускользает то, какими словами, действиями, образами люди сами выражают свое отношение к ситуации, выбирая подходящие формы из прошлого культурного опыта или присоединяясь к уже придуманным (например, через репост или пересказ удачной шутки).

Итак, в отличие от форм прямой реакции на событие, непрямая («фольклорная») реакция часто интенсивнее и способна захватывать более широкие социальные круги, поскольку имеет ряд преимуществ.

(1) Стереотипные модели, заполняемые актуальным содержанием, способствуют наилучшему запоминанию текста и содержащихся в нем смыслов.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 16-06-00286 «Мониторинг актуального фольклора: база данных и корпусный анализ».

(2) Ссылка на авторитет людей, передававших этот текст, увеличивает доверие к его содержанию.

(3) Наконец, реакция смеха, частотная для фольклорных форм, не только увеличивает удовольствие от восприятия и передачи текста и стимулирует к дальнейшей его трансляции, но и способствует складыванию групповой идентичности за счет символического снижения статуса «Другого». При этом «фольклорная реакция» не является непосредственным отражением события или даже его восприятия — она в обязательном порядке «упаковывается» в традиционные модели фольклора, риторику медиа и массовой культуры. Такая «оболочка» обеспечивает продуктивность текста и скорость его передачи — известный и структурированный сюжет легче запоминается и быстрее распространяется. Фольклорный текст оказывается наиболее быстрым и надежным способом распространения реакции на актуальное событие, что и формирует «фольклорную реакцию».

Другими словами, *актуальный фольклор* является тем инструментом, с помощью которого мы опосредованно описываем текущие события и наши впечатления. Носитель традиции, не выражающий прямо своего мнения по поводу некоего социально-политического события, тем не менее косвенно сообщает это мнение, становясь активным участником в «цепочке» передачи фольклорных текстов.

Проект «Мониторинг актуального фольклора», начавшийся в 2015 г., направлен на создание единого систематизированного корпуса текстов актуального фольклора и последующий анализ этого корпуса количественными и качественными методами.

Создание подобного полнотекстового корпуса фольклорных текстов, описанного по ряду формальных параметров, отличает проект от большинства исследований современного фольклора, которые ограничены качественными методами и не дают возможности оценить масштабы востребованности таких текстов и их циркуляцию в современном обществе.

Методы корпусного анализа позволят провести количественные, лексикографические и семантические исследования фольк-

лорных текстов; определить основные принципы порождения фольклорных текстов в контексте актуальных событий; выявить причины и динамику популярности таких текстов и практик, то есть выяснить, *как* именно устроена фольклорная реакция. Если возникновение и интенсивность «фольклорной реакции» является индикатором социального напряжения, то анализ корпуса (прежде всего количественными методами) фольклорных текстов позволяет в конечном счете увидеть, *почему* мы реагируем на те или иные события определенным образом.

Из чего состоят причитания? Корпусное исследование

Елена Югай

В докладе представлен опыт создания базы данных по вологодским причитаниям: обоснование, итоги, перспективы. Предлагаемое для презентации исследование представляет собой структурно-семантический анализ вологодских причитаний, выполненный с помощью электронной базы данных, тексты в которой снабжены специальными разметками.

Причитания начали осознаваться как фольклорный объект еще в XIX в. Их изучение имело несколько периодов: накопление материала (XIX — начало XX в.); описание текстов и условий бытования традиции (начиная со статьи М. Азадовского «Ленские причитания», 1922); изучение этнографического контекста, лингвистики и прагматики [Чистов 1960; Толстая 1999; Адоньева 2004; Алексеевский 2007] и др. Наиболее интересные исследования с точки зрения структуры текстов были проведены на материале карельских причитаний А.С. Степановой [Степанова 1985; 2004]. Точные методы и компьютерный анализ для изучения причитаний практически не применялись. Вместе с тем материал располагает к этому как нельзя лучше. За всю историю собирания был накоплен большой массив текстов, при этом сами тексты формульны (что позволяет выделить единицы для изучения) и вариативны.

Первый этап нашей работы: определение корпуса [Югай 2014]. Восток Вологодской области (несколько районов, связанных речными путями: река Сухона и ее притоки) — изолированный регион, обладающий диалектными особенностями и хорошо сохранившейся системой классического фольклора. В силу географических причин и особенностей колонизации рассматриваемая территория образовала анклав с моноэтническим (русским) населением. Запад Вологодской области имеет границы с Карелией, Бабаевский район — территория совместного проживания русского и вепского населения. Таким образом, в границах современ-

ной Вологодской области выделяются два локуса, фольклорные системы которых имеют отличия, вместе с тем они достаточно близки. Источник базы данных — материалы экспедиций центров традиционной народной культуры 1990–2010-х гг. и личный архив автора.

Второй этап работы — создание словаря семантических единиц (формульных сочетаний: метафорических замен и этикетных формул) [Югай 2014]. Анализ семантических единиц позволил сделать выводы относительно набора единиц (соотношения метафорических и прямых наименований), положения их в тексте и значения для организации текста, функции, а также выводы относительно частотности отдельных единиц. Неожиданным результатом стала низкая степень метафоричности вологодских причитаний (гораздо ниже, чем у карельских текстов), выявленная посредством подсчетов и компьютерного анализа.

Третий этап — изучение ритмико-фонетической структуры (тема, крайне мало разрабатываемая фольклористами в силу того, что методологический аппарат, разработанный в рамках литературоведения, не подходит для фольклора как принципиально другой системы) [Николаев, Югай 2015]. Для этой цели был создан мультимедийный подкорпус базы данных. Помимо узкоспециальных выводов относительно размера причитаний (тяготения отдельных текстов к тонике или силлабо-тонике), исследование показало зависимость ритмической и семантической связанности отдельных строк. То есть синтаксически и семантически связанные фрагменты имеют постоянный ритм внутри себя, что говорит о мнемонической функции ритма в причитаниях. Нарушение ритма может иметь несколько объяснений, в том числе генетическое (выделение фрагментов разных причётов, используемых исполнителем в одном тексте).

Результаты исследования причитаний посредством корпусного анализа показывают перспективность данного метода. Вопросы, которые при этом возникают: какой объем текстов необходим для достоверных выводов? насколько полученные результаты зависят

от первоначальных исследовательских установок разработчиков программы? и др.

Литература

Адоньева 2004 — *Адоньева С.Б.* Причитание: ритуальный текст и посвятельная процедура // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 130–145.

Алексеевский 2007 — *Алексеевский М.Д.* Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 227–262.

Николаев, Югай 2015 — *Николаев Д.С., Югай Е.Ф.* Мультимедийный подкорпус базы данных «Русские причитания». 2015. URL: <http://eurasianphonology.info/static/lamentsmetrics/> (дата обращения: 22.12.2015). Проект создан в ЦТСФ РГГУ при поддержке гранта РФФИ № 15-36-50983.

Степанова 1985 — *Степанова А.С.* Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985.

Степанова 2004 — *Степанова А.С.* Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск, 2004.

Фольклорист и «чужие» источники: корпус текстов неподцензурной советской мифологии¹

Наталья Петрова

При изучении неподцензурной («низовой», стихийной) советской мифологии 1920–1930-х гг. приходится обращаться к непривычным для фольклористов видам источников — письменным документам личного (дневники, мемуары, «письма во власть») и официального (информационные сводки партийных органов и ВЧК-ОГПУ-НКВД, формулировки приговоров, пресса) происхождения. Способы поиска в них значимой для фольклорных исследований информации уже рассматривались на одной из прошлых школ-конференций (см. об этом [Архипова, Петрова 2014]). В этот раз я остановлюсь на проблеме презентации исследуемого материала.

Материалы, подготовленные и опубликованные историками, архивистами, социологами, безусловно, важны и интересны для фольклористов, однако используемые в таких подборках источников принципы отбора и систематизации данных (например, по историческим периодам или значимым событиям — таким как гражданская война, коллективизация и пр.) естественным образом не соответствуют потребностям фольклористического исследования. Имеющиеся печатные сборники либо медийные базы личных или официальных источников советской эпохи (см., например, [Письма во власть... 1998; Совершенно секретно... 2001; Прожито; Воспоминания о ГУЛАГе]), даже если в них есть, например, разработанная система тегирования, все равно вынуждают фольклориста в поисках значимой для него информации заниматься сплошным просмотром огромного количества текстов.

Более продуктивной для целей фольклориста кажется другая форма представления материалов по советской неподцензурной мифологии, выстроенная как систематизированное по темам и комментированное собрание (корпус текстов). Пожанровое или сюжетное членение неприменимо к записям разных типов, встреча-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

ющихся в обозначенных источниках: собственно фольклорно-мифологическим текстам, их пересказам, описаниям практик.

В собрании, составленном мной из найденных в печатных либо архивных подборках текстов, содержащих информацию о советской неподцензурной мифологии, выделяется два крупных раздела, так или иначе отражающих столкновение «старого порядка» и новой власти в первые советские десятилетия.

Раздел А. «Новая власть и традиционная культура: тексты и практики» посвящен разным формам взаимодействий носителей дореволюционных традиций (речь идет не только о крестьянской, но и, например, о городской культуре; не только о восточнославянской, но и о различных этнических традициях, составлявших советское мультикультурное пространство) и советской власти. Показаны такие типы «диалога», как попытки игнорирования изменившейся социокультурной действительности, учитывание ее через восприятие советской администрации как инстанции, обладающей запретительными полномочиями, и наконец создание гибридных форм, в которых новые реалии вписываются в устойчивые модели и схемы. Раздел включает подрубрики «Политические и социальные события в слухах и представлениях», «Традиционный и советский календарь», «Народная метеорология», и «Мантические тексты и практики».

Раздел В. «Новая власть и ее враги в представлениях и практиках» включает тексты, относящиеся к советской социальной мифологии и рассматривающие власть и ее оппонентов не как некую безличную силу, но сквозь призму разнообразных персонификаций (как обобщенных — «коммунист», «вредитель», так и вполне индивидуальных — образы отдельных политических деятелей). Здесь приводятся тексты, отражающие реакцию общества на политические, экономические и общественные события. Подрубрики раздела: «Политические деятели: мифологизированные образы», «Коммунист как персонификация новой власти», «Враги советской власти».

Внутри рубрик тексты располагаются в хронологическом порядке — от ранних к более поздним. Записи приводятся с минимальным редактированием: исправляются опечатки, но не пунктуация и орфография (за исключением нескольких примеров, где

дореволюционное написание было приведено к современному виду), типы кавычек, используемые в исходных текстах, сохраняются. Знаком <...> отмечаются пропуски, сделанные в цитируемом издании. Знак [...] показывает собственные сокращения исходного текста. Каждая цитата сопровождается указанием на место и время действия (если они не указаны напрямую в тексте и восстанавливались, например, из биографий авторов, стоит знак *), о которых идет речь, типа источника (ДН — дневники, И — исследовательская литература, М — мемуары, ПВ — «письма во власть», ПЛ — личные письма, ПР — пресса, СВ — информационные сводки ВЧК-ОГПУ-НКВД, УС — устное сообщение, ФП — формулировки приговоров), в квадратных скобках дается шифр публикации / архивного документа с указанием года издания / создания и цитируемой страницы. См. пример оформления текста (рис.).

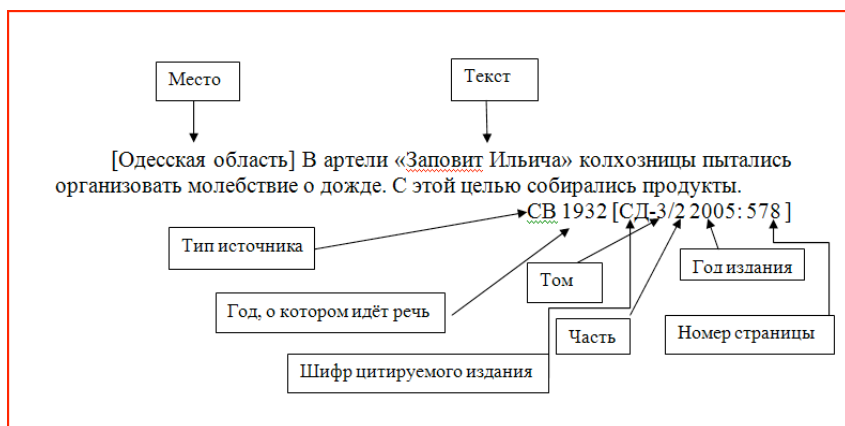

Рис. Пример оформления текста

В результате мы имеем корпус текстов различных видов источников и времени создания, на материале которого можно рассматривать ситуации фиксации определенных фольклорных сюжетов и мотивов либо описаний практик, сравнивать контексты бытования фольклорных явлений, анализировать механизмы распространения неподцензурного советского фольклора. Тексты

из «нефольклорных» источников сопровождаются комментариями, в которых отмечается наличие у того или иного текста/практики фольклорно-обрядовых параллелей.

Литература

Архипова, Петрова 2014 — *Архипова А.С., Петрова Н.С.* «Информант недоступен»: как изучать неподцензурную советскую мифологию // *Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога: тезисы и материалы Междунар. школы-конференции.* М., 2014. С. 58–60.

Воспоминания о ГУЛАГе — Электронная базы данных общественного центра им. А. Сахарова «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы». URL: <http://www.sakharov-center.ru/projects/bases/gulag.html> (дата обращения 05.04.2016).

Письма во власть... 1998 — Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998.

Прожито — Прожито: база данных личных дневников XX в. URL: <http://prozhito.org/> (дата обращения: 05.04.2016).

Совершенно секретно... 2001 — «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 годы) в 8-ми т. / под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2001–2008.

Автоматизация текстового анализа: преимущества и проблемы применения

Ирина Душакова

Увеличение количества и доступности данных, цифровой и лингвистический повороты привели к широкому использованию программного обеспечения для обработки текстовых данных.

Привлечение современных компьютерных программ для текстового анализа имеет ряд серьезных преимуществ, как, например, масштабирования задач [Пильщиков 2015: 26–27] при возможности максимально детализированного анализа, автоматического произведения сложных обчислений (например, конкордансы и коллокации, кластерный анализ и др.), возможности удобной организации исследовательского процесса (преимущественно ПО для качественной обработки данных), а также широкие возможности визуализации полученных результатов. Однако за обращением к ПО стоит ряд серьезных методологических проблем, требующих глубокой исследовательской рефлексии [Herrera, Braumoeller 2004; Morgan 2014; Choi 2016; Куракин 2009].

Кроме того, представление о возможности ускорения исследовательского процесса за счет применения программ в случае с обработкой текстовых данных зачастую оказывается неверным, и процесс подготовки данных для их компьютерной обработки может занимать гораздо более длительный период времени, чем подготовка данных для ручной обработки.

Процесс такой подготовки зависит от выбранного программного обеспечения, его функций и технических возможностей. И хотя компьютерные программы методологически не являются нейтральными (Rizkallah E. на основе идеи диспозитива Фуко), происхождение анализируемого текста, его содержание и другие важные для исследователя характеристики оказываются нерелевантными для самой машины. В этом смысле компьютерная обработка фольклорного текста от медийного в автоматизированной ее части ничем не отличается. Поэтому корректное использование ПО

предполагает, что исследователь выберет программу, наиболее подходящую для целей его исследования и поставленного исследовательского вопроса, а также в соответствии с выбранным ПО и целями исследования подготовит данные для обработки.

Подробнее процесс подготовки корпуса текстов и иллюстрация того, какие технические и методологические вопросы при этом возникают, будет рассмотрен на двух примерах:

1) подсчета абсолютной частотности релевантной лексики в репрезентации этнических групп в СМИ Молдовы при помощи авторского ПО, разработанного в рамках диссертационного исследовательского проекта (что требует решения вопросов о включении или исключении гапаксов, (не)применении лемматизации или стемминга и выборе в пользу ручного или автоматизированного его осуществления, а также учета наличия двух языковых кодов в корпусе);

2) применения кластерного анализа для выявления различий в репрезентации Молдовы на американских телеканалах при помощи Lexico 3.6 (что требует решения таких вопросов, как конвертация корпуса в распознаваемый программой формат, очистка корпуса от «информационного шума», исключение метаданных из количественного анализа при помощи регулярных выражений в текстовом редакторе jEdith, а также учета языка текстов корпуса).

Литература

Куракин 2009 — Куракин Д. Массовые опросы как «эпистемическая машина»: социология в стиле «киберпанк» // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 84–91.

Пильщиков 2015 — Digital Humanities — это что-то новое или мы давно уже этим занимаемся? Интервью с Игорем Пильщиковым (беседовал Михаил Маяцкий) // Логос. 2015. Т. 25, 2 (104). С. 18–22.

Choi 2016 — Choi S. The Case for Open Source Software: The Interactional Discourse Lab // Applied Linguistics. 2016. 37/1. P. 100–120.

Herrera, Braumoeller 2004 — *Herrera Y.M., Braumoeller B.F.* Introduction to the Symposium // *Qualitative Methods*. 2004. Vol. 2. No. 1. P. 15–19.

Morgan 2014 — *Morgan D.L.* Pragmatism as a Paradigm for Social Research // *Qualitative Inquiry*. 2014. 20 (8). P. 1045–1053.

Структурно-типологические, семиотические и семантические методы анализа

**Методология типологической реконструкции
фрагментарных памятников традиционной словесности
(на примере сюжетного анализа сохранившихся отрывков
из «сказок» Древнего Египта)¹**

Сергей Неклюдов

Среди дошедших до нас текстов древнеегипетской словесности есть несколько повествовательных произведений, которые в отечественных публикациях, переводах и исследованиях называются «сказками» или «повестями» (в западных работах — *Märchen, Sagen, tales, stories, romans, contes* и пр.); за этой терминологической неустойчивостью скрывается поиск уместного литературного обозначения и, в сущности, нерешенность жанровой проблематики, важность которой для адекватного прочтения данных повествований не в полной мере осознана.

Из-за плохой сохранности текстов и наличия в них многочисленных лакун, перед исследователем встают проблемы реконструктивного характера. Кроме решения первоочередных текстологических и палеографических задач, требуется заполнение содержательных пробелов, без чего многие поврежденные фрагменты вообще не могут быть адекватно поняты.

Изучение литературных памятников такого рода предполагает обязательный компаративный аспект, поскольку без включения рассматриваемого предмета в соответствующие типологические ряды невозможно понять его подлинное значение в культурной традиции. Установление структурно-семантических параллелей между подобными текстами и отдельными сюжетами, эпизодами, мотивами в устной и письменной повествовательной словесности народов мира показывает, до какой степени данные произведения вписаны в ее систему.

Дополнительные возможности для прочтения подобных памятников способен дать инструментарий сравнительной фольклористики. Их сопоставление с устными вариантами тех же сюжетов

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

проясняет некоторые темные места поврежденных текстов, а их нарративная разработка к тому же точно соответствует устойчивым фольклорно-мифологическим моделям и, следовательно, принадлежит не мастерству древнеегипетского книжника, но устной традиции.

От фигуры к гипермотиву: методы интерпретации средневековой иконографии

Дмитрий Антонов

Любой визуальный образ представляет собой текст, насыщенный смыслами, которые, естественным образом, требуют дешифровки. Даже в такой безусловно близкой нам в культурном плане традиции, как русская иконография, считывание сюжета происходит зачастую на поверхностном уровне, без учета множества значимых нюансов. Многофигурные композиции наполнены взаимосвязанными знаками, для прочтения которых и, следовательно, для максимально корректного понимания самой композиции требуются серийный анализ и детальная семантическая реконструкция. Результат такой работы — своеобразное «насыщенное описание», раскрывающее смыслы, которые заключены не только в различных фигурах и знаках, но и в гипертемах (по определению Ж. Баше) и визуальных параллелях: они вписывают образы в определенные смысловые ряды, наделяя важными коннотациями, которые зрители считывали и на которые могли реагировать по-разному в разные эпохи.

В работах европейских специалистов (Э. Панофски, Э. Маль, Г. Бельтинг, Ж. Вирт, Ж. Баше и др.) не раз поднимались вопросы о принципах анализа средневековых изображений, «антропологии искусства» и синкретическом «пространстве образов», lieu d'image. На материале романского и в особенности готического искусства многое удастся сделать с опорой на схоластические труды и другие средневековые тексты, посвященные символическому значению предметного и животного мира, а также визуальным образам и художественному языку в целом. Большим подспорьем служат тут иконографические базы данных по лицевым рукописям, выложенные многими европейскими архивами в интернете, — некоторые из них дополняются системой аналитического поиска, где единицей оказывается отдельная иконографическая фигура или мотив. На русском материале таких баз не существует;

очень слабо проработаны и сами принципы серийного анализа. Древнерусские нарративные источники не растолковывали значение предметов и знаков так, как это происходило на Западе. Неудивительно, что большинство работ по русской иконографии сфокусированы на эстетике изображения и особенностях художественной школы, а не на семиотике искусства и не на принципах интерсемиотического перевода письменного текста в визуальный ряд. Несколько лет назад выработать новую методологию, которая позволила бы системно изучить знаковый код русских миниатюр, попыталась Н.Э. Юферева. В 2013 г. она опубликовала книгу «Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая текстология», однако на фоне интересных практических наблюдений здесь предлагается совершенно искусственная и неконструктивная методика. И сама эта попытка, и тот факт, что, несмотря на явную методологическую неудачу, автору удалось собрать довольно ценный материал, лишь подчеркивает, насколько актуальны исследования русского «визуального Средневековья».

В лекции на основе ряда композиций XV–XVIII вв. (Страшный суд, цикл Творения и др.) будет показано, как иконографические фигуры превращаются в мотивы и насыщаются смыслами, зачастую сложно дополняющими друг друга; как формируются кластеры мотивов и как, в редких случаях, происходит десемантизация фигур на иконе. Кроме того, мы рассмотрим, как функционирует в русской иконографии самый разработанный здесь гипермотив — «отечество» и как жест (минимальная визуальная фигура) вносит неожиданные смысловые оттенки в распространенные иконографические сюжеты.

Рекомендуемая литература

Баше Ж. Средневековые изображения и социальная история: новые возможности иконографии // Одиссей: Человек в истории. М., 2005.

Юферева Н.Э. Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая текстология. М., 2013.

**«Давно не бывал я в Донбассе...» От биографической
легенды к популярной советской песне:
историко-типологический анализ культурной традиции
и сюжетопорождающих механизмов¹**

Сергей Неклюдов

Сюжетной основой песни являются воспоминания артиста С. Лукьянова о некоем подлинном происшествии, которое со слов поэта Н. Доризо записал и опубликовал журналист из Донбасса А. Питонов. Однако в прототипической житейской истории данная встреча выглядела несколько иначе, чем в песне, — разумеется, насколько можно верить ее тройному пересказу. Мы не знаем, в каком из звеньев устной трансмиссии произошли переосмысления подлинных событий (и какие именно), кому принадлежит финальная редакция текста. Несомненно одно: мы имеем дело с продуктом фабулизации личного нарратива, а подобный процесс предполагает активацию одной или нескольких текстопорождающих моделей, с помощью которых производится отбор и обработка исходного жизненного материала. Процесс фабулизации продолжился при сочинении песни — с тем отличием, что ее автор имел дело уже не с «жизненным материалом», трансформируемым в собственных воспоминаниях героя мемората, а с предшествующим текстом, заключающим в себе итог предшествующей фазы фабулизации.

1. Первая из таких моделей связана с вектором пространственных перемещений персонажа, имеющих различную направленность: от периферии к «центру мира» (центростремительная модель) и из «центра» к его периферии (центробежная модель). Основой является идея удаленности героя/повествователя от центра (социального, государственного, культурного), где сконцентрированы богатства и блага мира, что приводит к стремлению

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

всем этим овладеть, причем предполагается и наличие здесь матримониальной темы. Овладение ценностями «центра» — и на символическом, и на практическом уровнях — осуществляется не только путем внедрения в него, но и благодаря престижному браку. Связь же с «периферией» осуществляется через удерживающие героя на родине любовные отношения с «женщиной периферии», социально, а иногда и имущественно стоящей ниже, чем «женщина центра». Разрыв с ней драматичен, иногда трагичен. Это чрезвычайно продуктивная модель — и для литературы, и для жизненных сценариев; примеры ее реализации весьма многочисленны (в частности, в новой и новейшей литературе).

2. Другая модель связана с темой возвращения героя на родину и его встречи с бывшей возлюбленной. Малозначительная на первый взгляд деталь 'встреча у колонки', видимо, удерживается в меморате благодаря ее подобию трафаретной ситуации 'встреча у колодца' (имеющей множество воплощений в словесных и изобразительных текстах). Не исключено, что сохранению ее в воспоминаниях Лукьянова способствует подспудный символический смысл 'узнавания', 'знакомства', а также 'первого любовного свидания'. Доризо, однако, в полной мере не использует эту деталь, но сохраняет тему 'воды', заменив 'питье из колонки' на 'стирку белья', которая в данном контексте вполне может рассматриваться как синонимическая 'встрече у колодца'.

3. Особое значение получают в песне темы 'сохранения молодости'. Суждение о том, «что мужчины бывают с годами / Моложе ровесниц своих», вполне можно было бы оставить в статусе житейского наблюдения, бытовой сентенции (каковой оно и представлено в размышлениях героя), если бы не литературный контекст, размещение в котором дает ему хоть и неявное, но все же другое значение — мифологическое: сохранение молодости героем, странствующим в чужих краях и потому неподвластным естественному ходу времени.

Языковая картина мира и семантический метод ее анализа: на примере песни «Давно не бывал я в Донбассе...»¹

Елена Левкиевская

Настоящую лекцию можно считать ответной репликой на работу С.Ю. Неклюдова о структурном анализе советской песни «Давно не бывал я в Донбассе...». Цель лекции: 1) показать, как можно выбирать и варьировать методологические инструменты в зависимости от изменения задач, стоящих перед исследователем, при анализе одного и того же текста (и сколь разные результаты можно при этом получать); 2) показать, что полноценный анализ смысла текста отнюдь не сводится к выявлению его структуры, а наряду с этим предполагает системное описание основных концептов, содержащихся в тексте. Необходимость семантического анализа объясняется тем, что тексты, восходящие по своей структуре к одной модели (и содержащие один сюжет), могут значительно отличаться по смыслу и по-разному интерпретироваться адресатом в зависимости от представленных в них языковых картин мира, не совпадающих друг с другом.

Задача семантического анализа заключается в том, чтобы описать наивную картину мира, представленную в совокупности текстов, функционирующих в той или иной культуре (или в одном из ее репрезентативных текстов), через анализ ее основных концептов. Это можно сделать путем интегрального описания лексики, разработанного Ю.Д. Апресяном [Апресян 2006] или с помощью изучения языковых стереотипов (этнолингвистический метод Е. Бартминьского [Бартминьский 2005: 133–213], или привлекая метод семантических примитивов, созданный А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996: 326–370], а также с помощью близкого к ним подхода Н.Д. Арутюновой («логический анализ языка») [Арутюнова 1999]. Все перечисленные методологические инструменты, не-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование»).

смотря на некоторые методологические особенности и разные названия, объединяет ряд общих принципов: установка на реконструкцию языковой картины мира, стоящей за текстом, и выбор в качестве объекта исследования не лексемы, а концепта (языкового стереотипа) — языковой единицы, отражающей ценностно-оценочные представления носителей языка о действительности и в совокупности составляющих аксиологическую систему (а в итоге и языковую картину мира), принятую в данной культуре. Становление этих методов приходится на последнюю четверть XX в., а основные результаты их применения стали трендом гуманитарного знания первого десятилетия XXI в.

Объектом настоящего исследования являются два текста: песня «Давно не бывал я в Донбассе...» (написана Н. Доризо в 60-е гг. XX в.) и воспоминания актера Сергея Лукьянова (того же времени) о случае из собственной жизни, якобы легшем в основу данной песни. Как убедительно показал С.Ю. Неклюдов, оба этих текста восходят к одному сюжету: «После долгих странствий герой возвращается к своей первой возлюбленной, когда-то им брошенной» (сюжет пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт»). Однако иллюкативные задачи советской песни с ее изначальной установкой на оптимистический финал значительно отличаются от иллюкации, содержащейся в воспоминаниях С. Лукьянова о безрадостной судьбе его прежней любви: «Увы, но первая любовь, которая в памяти осталась молодой и красивой, изменилась до неузнаваемости...». Семантический анализ текстов позволяет выявить принципиально разные концепты (или языковые стереотипы, если пользоваться термином Е. Бартминьского), на которых строятся два описания героини в пожилом возрасте: «Вдруг подходит старуха, смотрит на него и плачет...» (воспоминания С. Лукьянова) и «Седая хозяйка на чистой террасе спокойно стирает белье...» (в песне). Исследование таких концептов, как «старуха», «плакать», в одном случае, и «седой», «хозяйка», «чистый», «спокойно», «стирать белье», в другом, и их контекстуальный анализ позволяют говорить о существенном различии смыслов в исследуемых текстах:

в воспоминаниях это жалкая старуха с неудавшейся судьбой, в песне — это достойная пожилая женщина, нашедшая свое место в жизни, независимо от покинувшего ее героя.

Очевидным языковым стереотипом является имя героини — Галя, Галина, включенное в ряд народных и литературных песенных контекстов, преимущественно украинских, в которых оно устойчиво принадлежит девушке с несостоявшейся любовью или обманутой возлюбленным. Ср., например: «Несе Галя воду...», «Галю, Галю молодая...», «Галина» в исполнении Николая Гнатюка — сюжет последней песни идентичен сюжету исследуемых текстов.

Литература

Апресян 2006 — Языковая картина мира и системная лексикография / ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.

Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.

Бартминьский 2005 — *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.

Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Прагматика на службе у фольклористики: речевые жанры мифологического текста

Виктория Черванёва

В отличие от традиционной фольклористики, полагавшей предметом своего изучения исключительно вербальный текст, рассматривавшийся как самодостаточный феномен, в фольклористике начала XXI в. наметился комплексный подход к изучению фольклорного текста — в единстве текста и контекста его экспликации, как включенного в речевой поток, с учетом прагматических аспектов ситуации произнесения текста.

«Антропологический поворот» в фольклористике расширил предметную область фольклора и обусловил изменение методов исследования фольклорного текста. Особенно важным это изменение научной парадигмы стало для изучения мифологического текста, который принципиально существует в рамках диалогической речи и форма которого находится под значительным влиянием экстралингвистических факторов.

Рассмотрение мифологического текста, прежде всего как элемента разговорной коммуникации, привело к идее репрезентации мифологического знания в традиции в форме речевых жанров, в которых текст-инвариант получает конкретную речевую реализацию. Автор концепции Е.Е. Левкиевская выделила четыре их разновидности — *быличку, поверье, дидактическое высказывание, обращение к мифологическому персонажу* — в зависимости от коммуникативной ситуации, в которой они порождаются, от иллокутивных целей текста и от способов подачи информации [Левкиевская 2007]. Эти жанры представляют собой систему с четко противопоставленными дифференциальными признаками — тип речевого акта (информатив/директив), характер информации (личный/коллективный опыт), соотношение статусов говорящего и слушающего.

Применение инструментария прагматики ко всему текстовому массиву интервью, полагаю, позволяет выделить еще один речевой жанр, занимающий пограничное положение между быличкой

и поверьем, который был условно обозначен как *личная интерпретация мифологических представлений*. Это бессюжетные тексты-информативы, представляющие собой личные рассуждения информанта на мифологическую тему, часто с попыткой рационализировать верования и включить таким образом необъяснимые факты в поле позитивного знания. Однако в этих текстах прослеживаются общие для традиции мифологические модели интерпретации и мифологические механизмы представления информации, поэтому считаю возможным отнести эти тексты к области фольклорных фактов и рассматривать их как отдельную жанровую разновидность мифологического текста.

У текстов этого речевого жанра (или субжанра) выделяются следующие дифференциальные признаки:

- 1) по типу речевого акта — это информатив;
- 2) по характеру информации — текст, передающий личный опыт (мнение) говорящего;
- 3) по соотношению статусов говорящего и слушающего — текст, предполагающий неодинаковый статус собеседников, поскольку трансляция своего мнения сопряжена с восприятием говорящим себя как имеющего более высокий статус по сравнению со слушающим.

Кроме того, обращает на себя внимание обилие в таких текстах лексических маркеров субъективной модальности (мне кажется, я думаю, *это мое мнение* и др. под.).

Вовлечение в поле фольклористических исследований и такого рода переходных жанров, видимо, правомерно, поскольку эти тексты также отражают «ментальную сторону традиции в „наивном“ осмыслении ее носителей (так называемое „фольклорное знание“» [Неклюдов 2011], как и поверья, и экспликации обычаев, и их статус также можно определить как факт фольклора.

На семинаре будет рассмотрено понятие речевого жанра в применении к мифологическому тексту и показана методика анализа текстового массива интервью с целью определения фрагментов различной жанровой природы по набору дифференциальных признаков.

Литература

Левкиевская 2007 — *Левкиевская Е.Е.* Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. д-ра филол. наук. М., 2007.

Неклюдов 2011 — *Неклюдов С.Ю.* «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография. К 90-летию со дня рождения К.В. Чистова / отв. ред. А.К. Байбурин, Т.Б. Щепанская. СПб., 2011. С. 40–47. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov65.pdf> (дата обращения: 18.02.2016).

Методы микроанализа городских песен¹

Надежда Рычкова

В изучении городских песен² со времени их первых фиксаций (середина XVIII в.) и до настоящего момента выделяются несколько периодов: от полного забвения до тотального увлечения (подробнее об истории изучения городских песен см. [Рычкова 2015]), в их числе — два пиковых периода, когда исследователи проявляли наибольший интерес к такого рода песням. Второй по хронологии, но больший по продолжительности и важный в методологическом плане — с 1980-х и до настоящего времени. Фольклористы, обратившиеся в это время к «отложенной» теме, «открыли» период первый — 1920-е — начало 1930-х гг., когда главный фольклорист страны Ю.М. Соколов и многие его коллеги были увлечены фольклором деклассированных элементов и улицы (см. об этом [Лурье 2011; Цехновицер 2012; Лурье 2015]). Основная цель ученых — записать как можно больше материала, так как маргинализированный фольклор находился на грани исчезновения. Однако продолжить заниматься песнями, которые создавались в классово чуждой среде, в последующие годы не было возможности. Уже с конца 1920-х гг. руководство страны усилило классовую борьбу, которая распространялась не только на людей, но и на враждебный новому обществу фольклор. Ученые вынуждены были «положить в стол» накопленный материал, таким

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

² Термин «городские песни» покрывает довольно разнородный песенный материал, эту весьма пеструю картину попытался упорядочить А.С. Башарин [Башарин 2003]. Однако объединить песни под общим названием позволяет ряд общих черт: позднее по сравнению с традиционной крестьянской песней происхождение (пополнение корпуса городских песен новыми образцами происходит до сих пор); нередко наличие литературного текста-прототипа, ориентация на книжную форму — строфическая структура (часто с неточной рифмой); противостояние господствующей культуре.

образом блатная песня и так называемый жестокий романс на несколько десятилетий исчезли из исследовательского фокуса. Работы того времени в основном представляют собой собрания песен с комментариями исследователей, таком образом 1920-е — начало 1930-х гг. можно назвать периодом накопления материала. Второй период — периодом «открытий» — в это время фольклористы открывают архивные коллекции и вырабатывают методологию исследования городских песен.

Попробуем обобщить, какие существуют подходы к изучению городских песен. По характеру материала, выбранного для анализа, можно выделить корпусный и сюжетный подходы. На основе корпусного подхода исследователи решают задачи, касаемые группы сюжетов:

- 1) выявляют жанровые особенности (например, всех любовных сюжетов с трагическим финалом и т.д.);
- 2) характеризуют тематическое деление внутри поджанра;
- 3) описывают поэтические особенности;
- 4) анализируют структуру и т.п.

Сюжетный подход характеризуется вниманием исследователей к одному сюжету. Однако методы анализа выбранного сюжета могут быть различными: текстологический анализ максимально большого количества вариантов с целью, например, установления последовательности изменений в тексте, определения хронологии вариантов и т.д.; историко-культурный анализ, позволяющий предположить время появления сюжета, причины его популярности; социально-антропологический, задачей которого является выяснение среды бытования сюжета, способов распространения и т.д. Однако, как справедливо замечает М.Л. Лурье, к использованию последних двух должен располагать прежде всего материал, в частности, ранние фиксации того или иного сюжета [Лурье 2015].

Описанный сюжетный анализ сформировался в серии статей С.Ю. Неклюдова (см., например, [Неклюдов 2005а; 2005b; 2006; 2008а; 2008b; 2008с]) и был продолжен А.С. Архиповой [Архипова 2008; Архипова, Неклюдов 2008], М.Л. Лурье [Лурье 2009; 2015], Н.Н. Рычковой [Рычкова 2014].

На семинаре участникам будут предложены варианты одного сюжета городской песни, для анализа которых будут использованы приемы сюжетного подхода.

Литература

Архипова 2008 — *Архипова А.С.* Как погибла Оля и родился фольклор // «Кирпичики»: культурная антропология и фольклористика сегодня: сб. статей / сост. А. Архипова, М. Гистер, А. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 563–591.

Архипова, Неклюдов 2008 — *Архипова А.С., Неклюдов С.Ю.* Два героя / два уркана: привал на пути // *Natales grate numeras?*: сб. ст. к 60-летию Г.А. Левинтона. СПб., 2008. С. 27–75.

Башарин 2003 — *Башарин А.С.* Городская песня // Современный городской фольклор / ред. кол. А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 503–534.

Лурье 2011 — *Лурье М.Л.* Творцы, певцы, и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А. М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 2–6.

Лурье 2009 — *Лурье М.Л.* Народная баллада «В одном городе близ Саратова...» (постановка вопросов и публикация вариантов) // Вестник РГГУ. № 9/09. М., 2009. С. 216–258.

Лурье 2015 — *Лурье М.Л.* Песня «Алиментики»: вопросы и ответы // Вестник РГГУ / отв. ред. Н.Н. Рычкова. 2015. № 6. С. 7–40.

Лурье 2016 — *Лурье М.Л.* «Варианты „Кирпичиков“» как часть «современного фольклора» (из истории советской фольклористики) // *Genius Loci*: сб. статей в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова / сост. М.А. Ахметова, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова (отв. ред.). М., 2016. С. 265–328.

Неклюдов 2005а — *Неклюдов С.Ю.* «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник: Историко-филологический сб. к 60-летию Р.Д. Тименчика. М., 2005. С. 271–303.

Неклюдов 2005б — *Неклюдов С.Ю.* «Цыпленок жареный, цыпленок пареный...» // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005. С. 637–649.

Неклюдов 2006 — *Неклюдов С.Ю.* «Гоп-со-смыком» — это всем известно... // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сб. ст. к 60-летию А.Ф. Белоусова. СПб., 2006. С. 65–85.

Неклюдов 2008a — *Неклюдов С.Ю.* Почему отравилась Маруся? // Габриэлиада: К 65-летию Г.Г. Суперфина. [2008]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov39.htm>

Неклюдов 2008b — *Неклюдов С.Ю.* Фольклорные переработки русской поэзии XIX века: баллада о Громобое // И время и место: историко-филологический сб. к шестидесятилетию А.Л. Осповата. М., 2008. С. 574–593.

Неклюдов 2008c — *Неклюдов С.Ю.* Фольклорные переработки русской поэзии XIX века: «Песнь грека» Д.В. Веневитинова // Неоконченный разговор: сб. памяти Е. Пермякова. М., 2008. С. 380–391.

Рычкова 2014 — *Рычкова Н.Н.* Исторические трансформации балладного сюжета о Ванюше-ключнике // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 11–19.

Рычкова 2015 — *Рычкова Н.Н.* Собрание и изучение городских песен в России // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики / сост.: М.В. Ахметова, Н.В. Петров. М., 2015. С. 22–53.

Цехновицер 2012 — *Цехновицер О.В.* [Тюремные песни] / Вступит. ст., подгот. текстов Т.С. Царьковой, коммент. М.Л. Лурье // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 г. / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб., 2012

Может ли фольклорный текст быть стихотворным?

Евгения Коровина

С одной стороны, ответ на этот вопрос представляется очевидным: да, поэтические фольклорные тексты существуют, например индонезийский пантун. С другой стороны, как кажется, это ставит перед исследователем вопрос: что же такое стихотворный текст и в какой мере это понятие соотносимо со свойствами, которыми обладает поэтический фольклорный текст, иначе говоря, насколько применимы методы стиховедения к текстам такого рода.

Согласно определению М.Л. Гаспарова, стих — это речь, расчлененная на относительно короткие отрезки, строки, соотносимые и соизмеримые между собой [Гаспаров 2001: 6]. При этом следует отметить, что и сопоставимость, и соизмеримость строк может пониматься в стиховедении очень широко, что представляется удобным по отношению к различным видам неклассического стиха, поскольку жесткое задание этих понятий существенно ограничивало бы возможность рассмотрения в рамках стиховедения текстов неклассической поэзии. Таким образом, фактически единственным формальным критерием стихотворного текста в стиховедении является наличие строк, разделение на которые предполагается фиксированным для данного текста и не связанным напрямую со свойствами носителя. Соответственно, это предполагает, что стихотворный текст записан и уже поделен некоторым конкретным способом на строки.

Однако в текстах фольклорного происхождения так скорее не происходит. Во-первых, если речь идет о народных песнях в бесписьменных культурах, то все они были записаны относительно недавно и поделены на строки зачастую не носителями традиции, а исследователями, например, так произошло при записи полинезийских текстов. Важно отметить, что в таких текстах для разбиения на «строки» авторы такого деления ориентируются, прежде всего, на музыкальную составляющую песни, а не, например, на то, сколько в той или иной «строке» слогов, поскольку при испол-

нении некоторые гласные могут тянуться. Во-вторых, следует заметить, что не всегда, то, что получило впоследствии название поэзия, было в момент записи разделено на строки, например, в *Cantares mexicanos* первоначально отсутствовало деление на строки (издание рукописи см. [Bienhorst 1985: 134–426]), и в издания оно было добавлено позднее. Также в некоторых случаях в принципе затруднительно установить, является ли в данном случае разбиение на строки намеренным или случайным, как произошло, например, с текстом «Хеттской песни об Улликумми», которая большинством исследователей, например, [Melchert 1998, 2007; Kloekhorst 2011, 2014] рассматривалась как пример тонической поэзии, где большинство строк содержит 4 ударных слова. Однако детальный разбор системы позволяет предположить, что предполагаемая метрическая структура данного текста, во-первых, не является четкой — так не более трети строк текста состоят из 4 слов, а во-вторых, возможно, обусловлена лишь физическими свойствами табличек, на которых текст был записан [Коровина 2015].

Эти и другие примеры показывают, что отнесение всех фольклорных поэтических текстов к стихотворным и соответственно применение к ним методов, хорошо себя показывающих при анализе авторской поэзии, может быть не всегда оправданным.

Литература

Bierhorst 1985 — *Bierhorst J.* *Cantares mexicanos: Songs of the Aztecs.* Stanford, 1985.

Kloekhorst 2011 — *Kloekhorst A.* *Accentuation and Poetic Meter in Hittite / Hethitische Literatur Überlieferungsprozesse, Textstrukturen, Ausdrucksformen und Nachwirken.* Münster, 2011. S. 157–176.

Kloekhorst 2014 — *Kloekhorst A.* *Accent in Hittite: A Study in Plene Spelling, Consonant Gradation, Clitics, and Metrics,* Wiesbaden, 2014 (= *StBoT* 56).

Melchert 1998 — *Melchert H.C.* *Poetic Meter and Phrasal Stress in Hittite // in Mír Curad. Studies in Honor of Calvert Watkins.* Innsbruck, 1998. P. 483–495.

Melchert 2007 — *Melchert H.C. New Light on Hittite Verse and Meter?* // Proceedings of the Eighteenth Annual UCLA Indo-European Conference. November 3–4, 2006. Washington, 2007. P. 117–128.

Гаспаров 2001 — *Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях.* М., 2001.

Коровина 2015 — *Коровина Е.В. К вопросу о метрической структуре «Песни об Улликумми»* // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІХ (чтения памяти И.М. Тронского): материалы Междунар. конференции, 22–24 июня 2015 г. / отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2015.

Язык в поле, на карте и под микроскопом

Полевые методы в экспедициях на Филиппины: общий язык и как с ним бороться¹

Мария Станюкович

Лучкин указывал на разные предметы и называл их, причем, при малейшей возможности исковеркать слово, коверкал его, говоря вместо рубаха — «рубах», вместо мачта — «мачт», уверенный, что при таком изменении слов они более похожи на иностранные и легче могут быть усвоены Максимкой.

К.М. Станюкович. *Морские рассказы*

Долговременное погружение полевого исследователя в культуру неизбежно связано с выработкой искусственного «общего языка». Чем ниже лингвистическая компетенция исследователя и чем дальше его интересы от собственно лингвистических задач, тем больше погрешностей в «общем языке». Убеждение наивных носителей языка, что иностранец лучше поймет искаженное («рубах») или любое иностранное слово, универсально.

Вспомним так называемый «баллал-маклай», на котором говорил Н.Н. Миклухо-Маклай в Новой Гвинее. Маклай полагал, что молодые папуасы свой язык забыли, потому что при разговоре с ним они бегали к старикам спросить то или иное слово. В самом деле молодежь, по-видимому, плохо знала упрощенный торговый волапюк, на котором, с их точки зрения, следовало говорить с ‘варягом’. Однако и он в процессе общения претерпел изменения:

...Естественные при такой осложненной коммуникации недоразумения, помноженные на престижность в глазах папуасов того, как говорит Маклай, неизбежно приводили к закреплению в баллал-маклай и лексики с неясной этимологией. В этом

¹ В работе использованы материалы, собранные во время экспедиций на Филиппины, поддержанных полевыми грантами Wenner-Gren (1994–1995), SIL (2006), МАЭ РАН (2008–2015), Президиума РАН (программа корпусной лингвистики, 2013 и 2014 гг.) и Фонда фундаментальных лингвистических исследований (А-15-2013 и А-35-2015).

отношении показателен пример со словом *киринга*, которое довольно долго использовалось обеими сторонами в значении ‘женщина’, при этом Маклай считал его папуасским, а папуасы — русским [Беликов 1997].

Совсем свежий пример. Рецензируя статью по негрито группы агта Северо-восточного Лусона (Филиппины), предложенную к публикации в журнале Международного общества исследований охотников и собирателей, я обратила внимание, что список названий промысловых животных включает, наряду с терминами агта, слова из других языков — илоканские и тагальские. Углубление в материал показало, что это норма, принятая (в других отношениях первоклассной) школой этнобиологических исследований (van den Top, van der Ploeg, van Weerd et al.). Англоязычный исследователь работает с полученным от предшественников списком терминов, взятых из трех названных языков. Переводчик переводит его вопросы на илоканский (большинство агта знают этот язык-посредник). При обработке интервью выбираются наиболее частотные термины, использованные респондентами. Не удивительно, что полученный на выходе список практически совпадает с исходным.

Подобных казусов немало в моем собственном полевом опыте. С колониальной историей Филиппин связано употребление двух европейских языков — испанского и английского. Роль испанского как языка-посредника была очень ограничена, поскольку изучать его было привилегией высших слоев общества. При смене колонизатора он быстро уступил свои позиции английскому. Американская колониальная администрация, напротив, сделала английский не только языком государства и права, но и образования, а значит — межнационального общения. По сей день вся система образования на архипелаге (с начальной школы) базируется на английском; введение родных языков находится в зачаточной стадии [Клименко 2010].

Сегодня на Филиппинах два государственных языка — английский и филипино. Последний подается как общенациональный,

но на самом деле представляет собой тагальский с несущественными модификациями орфографии и лексическими заимствованиями из других филиппинских языков. Роль тагальского как языка-посредника неуклонно растет, в первую очередь в связи с распространением в деревнях телевидения. Региональным *lingua franca* на севере Лусона был и остается илоканский.

Двадцать лет назад, когда я начала свою полевую работу в провинции Ифугао, мой тагальский был неприменим: здесь его никто не знал; сегодня он настолько распространен, что именно им пользуется мой коллега-лингвист С.Б. Клименко. В «общем языке», который за эти годы сформировался между мной и моими ифугаоскими информантами, первоначально была значительная доля илоканской лексики, что ясно показывают записи 1995 г. Совместные экспедиции с молодыми коллегами, включившимися в проект, помогают мне узнать о других особенностях своего «баллал-маклай».

Литература

Беликов 1997 — *Беликов В.И.* Баллал-маклай (‘слово Маклая’) // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. СПб., 1997. Т. 2. С. 27–31.

Клименко 2010 — *Клименко С.Б.* Первая филиппинская конференция-симпозиум по многоязычному образованию на родных языках (19–20 февраля 2010 г., Кагаян де Оро, Филиппины) // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории: Статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг. / отв. ред. Е.В. Ревуненкова. СПб., 2010. С. 114–119.

Языковые карты: создание и применение¹

Юрий Коряков

Зачем нужны тематические карты? Тематические карты, будь то языковые, этнические или фольклорные, позволяют показать расположение в пространстве, точнее на географической плоскости, интересующих нас объектов или явлений. Например, распространение языков или языковых явлений, этнических групп, типов одежды или фольклорных мотивов.

В докладе внимание прежде всего будет уделяться языковым картам, но сказанное можно применить и к другим тематическим картам.

Так, в лингвистике различают языковые карты (language maps), которые показывают распространение самих объектов: языков или их диалектов (тогда они называются диалектными) (см., например, карты в [ALICPAA 1996; АКЯ 2006]); и лингвистические карты (linguistic maps), которые показывают распространение языковых явлений [ОЛА 1965–2011; WALS 2005].

Помимо того, что тематические карты являются наглядной иллюстрацией к описанию предмета исследования, сам процесс создания карт побуждает исследователя более детально изучать многие аспекты, связанные с соответствующей темой.

Создание карт. Карты объектов и карты явлений частично соответствуют двум типам карт, которые различаются с точки зрения того, на что делается акцент при их создании.

На сплошных картах (чаще используются для картографирования объектов) акцент делается на ареалах и точных границах. Про каждую территорию должно быть понятно, какой язык/диалект ее занимает, не должно быть участков, про которые читателю ничего не ясно. В таких картах широко применяются заливки (на цветных) или штриховки (на черно-белых) территорий, хотя на достаточно крупномасштабных картах носителем информации могут быть пунсоны населенных пунктов (если масштаб карты позволяет отобразить их все). Такие карты обычно статические, хотя мож-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-06-02643.

но делать и динамические карты, показывающие, например, изменение ареалов во времени.

На выборочных картах (обычно применяются для иллюстрации явлений) точечным способом показывают некоторое подмножество объектов, иллюстрирующих распространение того или иного явления. Это может быть как специально подобранная представительная выборка, так и просто те объекты, про которые нашлась информация. В таких картах точные границы самого объекта не принципиальны, важно его примерное положение относительно других объектов. Такие карты часто делаются сериями, отдельные карты в которых показывают одно или несколько явлений. При этом набор и положение объектов (почти) не меняются, меняются лишь их цвет и/или форма/вид пунсона. При создании именно таких карт широко применяются геоинформационные системы (ГИС), так как они позволяют подключать базы данных, в которых одним и тем же объектам соответствуют разные явления или характеристики. С помощью таких карт интересно анализировать взаимосвязи между разными явлениями или даже типами явлений. Например, количество согласных фонем в зависимости от высотной поясности или среднегодового количества осадков.

Языковые и этнические карты могут составляться на основе данных переписей по каждому населенному пункту. Сначала на карту наносятся языковые или этнические профили всех населенных пунктов, которые затем в той или иной степени обобщаются. Благодаря такому методу можно создавать очень подробные и точные карты. Данные переписей могут использоваться не только для создания современных карт, но и для более ранних исторических периодов. Например, для многих территорий бывшего СССР после переписи 1926 г. были изданы сборники, содержащие этноязыковые данные о каждом населенном пункте. Для переписи СССР 1959 г. существуют аналогичные архивные материалы. К сожалению, далеко не во всех странах в переписях собирается информация о языках или народах, и уж совсем редко для какой страны можно потом найти поселенные данные.

Особой разновидностью языковых карт являются исторические языковые карты. Они показывают распространение языков в некоторый исторический период. Как правило, мы знаем мало или не знаем ничего о территориях распространения языков, но для письменных языков часто известны места находок письменных памятников, которые позволяют хотя бы примерно обозначить границы языковых ареалов. Кроме того, используются описания современников, распространение топонимов и особенно гидронимов, привязка к политическим границам и физико-географическим объектам. С точки зрения техники исполнения исторические карты обычно бывают смешанными: скажем, политические объекты даются заливкой или границами, а места нахождения памятников древних языков — точками.

Литература

АКЯ 2006 — *Коряков Ю.Б.* Атлас кавказских языков. М., 2006.

ОЛА 1965–2011 — *Общеславянский лингвистический атлас.* М., 1965–2011.

ALICPAA — *Atlas of Languages of Intercultural Communication in the Pacific, Asia, and the Americas* / S.A. Wurm, P. Mühlhäusler, D.T. Tyron (eds.). Berlin; New York, 1996.

WALS 2005 — *The World Atlas of Language Structures* / M.S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). Oxford, 2005.

Жизнь фольклорной традиции в ситуации языкового сдвига: методы исследования

Ольга Казакевич

Предполагается рассмотреть методику фиксации и исследования жизни и трансляции фольклорной традиции в этнолокальных группах автохтонного населения Сибири с 1920-х гг. до сегодняшнего дня. Речь преимущественно пойдет об этнолокальных группах селькупов, кетов и эвенков.

Фиксация фольклорных текстов

Фольклорные тексты сибирских народов записывали лингвисты¹, этнографы, историки, краеведы, путешественники. Два важных параметра фиксации текста — язык и способ. Очевидно, что для фиксации предпочтителен язык традиции, и кажется, сейчас это общепринято, однако известна масса случаев фиксации фольклорных текстов (сюжетов) на языке исследователя. Вплоть до 1960-х гг. за редчайшим исключением тексты записывали графически, под диктовку информантов. Появившиеся в 1960-е гг. у лингвистов, фольклористов и этнографов магнитофоны позволили вести аудиофиксацию материала. Подобно восковым валикам начала XX в., магнитофонная пленка в первую очередь использовалась для записи музыкального фольклора. Следует отметить, что довольно длительное время аудиозапись и графическая запись существовали параллельно, далеко не всегда дополняя друг друга. С одной стороны, вплоть до 1990-х гг. некоторые лингвисты старой закалки предпочитали графический способ фиксации текстов как «более надежный». С другой — мы имеем сейчас немало

¹ Для лингвиста, занимающегося документацией исчезающего языка, фиксация фольклорного текста – это частный случай фиксации текста на языке, всегда желанный, поскольку в фольклорном тексте больше шансов найти вымываемую в других типах текстов лексику и редкие грамматические формы, но далеко не всегда доступный: в некоторых этнолокальных группах фольклорная традиция уходит раньше языка.

аудиозаписей фольклора 1960–1980-х гг. без графической расшифровки, требующих «оживления» для дальнейшей работы с их текстами. Видеофиксация фольклорного материала, эпизодически осуществлявшаяся этнографами и фольклористами (или при их участии) для создания этнографических фильмов, в 1990-е гг. с появлением портативных видеокамер стала широко использоваться, а в 2000-е превратилась в документационный стандарт, отклонение от которого сегодня случается, но не приветствуется. Вместе с бурным развитием компьютерных технологий это способствовало появлению и быстрому росту мультимедийных фольклорных архивов и более или менее организованных корпусов текстов, по которым может вестись всевозможный поиск.

Как правило, записи сибирских фольклорных текстов, сделанные в прошлом веке профессионалами, сопровождаются данными о контексте записи, так что вряд ли можно говорить, что интерес к контексту — это что-то новое, характерное для рубежа тысячелетий. Скорее это хорошо забытое старое. Такие контекстные параметры, как время и место записи текста, имя, возраст и этнолокальная группа рассказчика, комментарии о его старших родственниках, о том, от кого и в какой ситуации он слышал исполненный им текст, а также о распространении знания фольклора в его этнолокальной группе, мы находим как в научных публикациях фольклорных записей прошлого века, так и в архивах исследователей.

Рассказы о жизни членов этнолокальной группы как источник информации о бытовании и трансляции фольклорной традиции

Для лингвиста попросить рассказать о жизни — это довольно стандартный способ получить текст на языке. Между тем рассказы о жизни оказываются ценнейшим источником информации о самых разных вещах — от истории страны до истории фольклорной традиции. Не случайно в последние 10-15 лет запись историй жизни стала чрезвычайно популярной и среди историков, и среди социологов, и среди лингвистов, даже тех, кто работает с «большими»

ми» языками. Предполагается более подробно остановиться на некоторых фрагментах воспоминаний о ситуациях трансляции фольклора из наших корпусов селькупских, кетских и эвенкийских рассказов о жизни, чтобы показать взгляд на фольклорную традицию и ее изменение изнутри культуры.

Опрос как источник информации о бытовании и трансляции фольклорной традиции

В рамках проводимых в этнолокальных группах селькупов, кетов и эвенков социолингвистических обследований задавались вопросы о знании респондентом фольклорных текстов разных жанров, умении их воспроизвести и ситуациях, в которых происходило знакомство с текстами. Будут показаны варианты ответов и возможность реконструкции общей ситуации бытования фольклора в группе в соответствующий ответам отрезок времени.

Лингвист/фольклорист как недостающее звено современной ситуации бытования и трансляции фольклора: чрезвычайно включенное наблюдение

Сегодня среди селькупов, эвенков и кетов еще есть сказочники, передающие (или способные передать) услышанное в детстве и юности. Но поскольку большинство селькупских и эвенкийских детей своего этнического языка не знают, а у кетов младшим носителям языка и вовсе сильно за 40, ситуация, в которой сказка может быть рассказана, а песня спета «на языке оригинала», возникает нечасто². На этом фоне весомый вклад в создание коммуникативных ситуаций трансляции фольклора вносят лингвисты, фольклористы и антропологи. Для современных сказочников они превращаются в важную целевую аудиторию, а их звуко- и видео-записывающие устройства становятся порукой в сохранности рассказанного для будущего, подобно тому, как раньше такой порукой были внимательные молодые слушатели.

² Если, конечно, не считать выступлений фольклорных ансамблей по праздникам (см., например, [Тузакова, Коробейникова 2015]).

Литература

Тузакова, Коробейникова 2015 — Тузакова В.П., Коробейникова И.А. Обские напевы селькупов Нарымского края. Парабель. Томск, 2015.

Лингвополитический конфликт «Беларусь vs. Белоруссия»: методы изучения

Антон Сомин, Андрей Полий

Некоторым россиянам известно, что белорусы негативно реагируют на вариант топонима *Белоруссия*, предпочитая вариант *Беларусь*. При этом, по-видимому, ни в одной научной работе этот факт не отмечен; в публицистике же это явление рассматривается только в белорусских изданиях, где неприятие варианта *Белоруссия* подразумевается как данное и, соответственно, причины конфликта не описываются.

Нам удалось обнаружить лишь два незначительных исключения. Первое — это единственная публицистическая статья в российском издании, где на это обращается внимание. Речь идет о статье С. Заварина «Lonely republic: Беларусь — территория легенд», где разбираются 10 мифов об этой стране, и в мифе № 6 под заголовком «Беларусь — это Белоруссия» сообщается, что «белорусов, которые не сильно скучают по советскому прошлому, сильно раздражает название „Белоруссия“. Если не хотите их обидеть, следуйте правилам русского языка» [Заварин 2015: 24]. Второе — это оксфордский учебник «Handbook of language and ethnic identity», где в статье о белорусском языке отмечается, что «the more traditional English names „Belorussia“ and „Byelorussia“ are derived from the Russian name of Belarus (*Belorussia*). They thus symbolize the former dominance of Russia over Belarus and are considered politically incorrect by the Belarusians today» [Sloboda 2011: 396].

Несмотря на скудность освещения этой проблемы в научных работах и публицистике, тему можно считать весьма актуальной: достаточно вспомнить количество и силу конфликтов в комментариях в социальных медиа, которые даже получили особое название — *бульбосра́чи* (от бел. *бу́льба* ‘картошка’, ср. пейоративное прозвище белорусов *бульбаши́*). Апогеем конфликта (среди прочего вызвавшим новую волну споров) стал иск белоруса Кирилла

Лапинского к трем российским СМИ в связи с использованием ими варианта *Белоруссия*. Наконец, кроме вариативности топонимов, встречающейся преимущественно у россиян, у белорусов (и в меньшей степени у россиян) существует и вариативность этнонима (*белорус vs. беларус*) и прилагательного (*белорусский vs. беларус(с)кий*), распределение между которыми отличается от такового у самих топонимов.

Чтобы понять структуру и причины конфликтов, мы применили целый ряд методов.

1) Интроспекция: один из авторов родом из Беларуси;

2) Работа с архивными газетами: откуда взялся вариант *Беларусь*, как он развивался и распространился;

3) Корпусное исследование по базе СМИ «Интегрум»: как сейчас распределены частоты употребления вариантов *Беларусь* и *Белоруссия* в СМИ России и СНГ?

4) Эксперимент: испытуемым предлагалось определить десять государств, их язык и название жителей по флагу, столице и численности населения; одним из них была Беларусь. Эксперимент проведен для четырех групп: россияне, белорусы, русскоязычные за пределами этих двух стран, нерусскоязычные иностранцы; всего более 600 участников. Данные позволяют попробовать установить корреляции между социальными параметрами и выбором одного из вариантов.

5) Свободное интервью: пилотные разговоры с белорусами на тему их рефлексии относительно варианта топонима.

6) Письменный опрос: опросник, составленный на основе интервью, позволяет напрямую получить информацию об отношении белорусов к топонимам, этнонимам, а также об их готовности исправлять собеседников; 74 опрошенных.

7) Анализ дискурса-1: изучение большой выборки споров в комментариях в социальных сетях и интернет-медиа о правильном варианте топонима и последующее выделение основных тезисов и аргументов обеих сторон конфликта. Как оказалось, в качестве аргументов приводятся не все имеющиеся причины не-

довольства. Так, например, многие опрошенные белорусы характеризовали слово *Белоруссия* как уничижительное или пренебрежительное; утверждалось, что оно не только фонетически близко к названию России (что в том числе запутывает иностранцев), но и по своему морфологическому и фонетическому составу якобы указывает на зависимое, периферийное относительно России положение государства — однако по понятным причинам этот пространенный аргумент отсутствует в онлайн-спорах.

8) Анализ дискурса-2: «рефлексия на рефлексю». В марте 2016 г. на крупнейшем белорусском новостном портале TUT.by вышла публицистическая статья, написанная по мотивам настоящего исследования [Мельникова 2016]. Статья собрала 527 комментариев на самом портале и 240 комментариев в анонсе статьи в группе портала «ВКонтакте». Их анализ можно считать в некотором смысле отдельным методом, хотя и формально близким к предыдущему.

9) Сбор и анализ фольклорного материала по теме: шутки и графический юмор. Предполагается, что в нем отражаются примерно те же идеи, что и в спорах в комментариях.

В докладе будут кратко описаны все девять методов и результаты, которые были получены каждым из них и в совокупности.

Литература

Заварин 2015 — *Заварин С.* Lonely republic: Беларусь — территория легенд // Профиль. 2015. № 891 (2). С. 20–25.

Мельникова 2016 — *Мельникова Е.* «Это вариант слишком советский». Филологи из Москвы изучают, почему россияне говорят «Белоруссия». URL: <http://news.tut.by/society/488405.html> (дата обращения: 24.03.2016).

Sloboda 2010 — *Sloboda M.* Belarusian // Handbook of language and ethnic identity: The success-failure continuum in language and ethnic identity efforts. Vol. 2 / ed. by J.A. Fishman and O. García. Oxford, 2010. P. 381–398.

Методы изучения языка интернета (на примере междометий умиления)

Надежда Чайко

Язык интернета — явление само по себе достаточно новое и потому вызывающее исследовательский интерес. Бурное развитие блогосферы и социальных сетей стало причиной не только сближения стилистики письменной и устной (разговорной) речи, но и появления ряда специфических «интернетных» слов, которые широко распространены в сетевом общении и иногда проникают в устную речь.

В социальных сетях и блогосфере часто встречаются междометия, выражающие умиление или близкие к нему эмоции. Наиболее известны и описаны *мимими* и *ня* [Кронгауз 2013: 310–312], но кроме них существуют и весьма употребительные *уруру*, *аняня*, *уооо* и др. Все они несколько различаются семантикой, но выражают примерно одни и те же эмоции — чаще всего умиление, реже радость, восторг. Эти междометия могут являться отдельными репликами (*А еще нашел аудиокниги моего раннего детства. – Уруру!*) и приобретать в этом случае добавочное значение одобрения либо использоваться в качестве членов предложения, не обязательно при этом меняя внешнюю форму и частеречную принадлежность (ср.: *Он такой мимишный. Видео — концентрация мимими и уруру*).

Для изучения таких междометий необходимо комбинировать количественные и качественные методы, поскольку для полноценного описания необходимо:

- 1) уточнить список междометий и их дериватов, определить наиболее частотные формы;
- 2) описать их семантику и выявить семантические различия между ними;
- 3) выяснить, как они могут функционировать в предложении;
- 4) составить социолингвистический портрет людей, регулярно использующих такие междометия;

5) отследить, как и когда эти слова получили широкое распространение.

Основными методами исследования в этом случае становятся интернет-опросы (для задач 1, 3, 4, 5) и изучение корпусов текстов (для задач 1, 2, 3, в меньшей степени 4). Использование двух подходов для одних и тех же задач позволяет, во-первых, перепроверить полученные данные, во-вторых, расширить выборку.

Остановимся на методах подробнее. Пилотное исследование в форме интернет-опроса нацелено на уточнение списка междометий и их дериватов (*ня – няшка*) данной семантической зоны и их семантических различий. Для этого респондентам предлагаются контексты, содержащие исследуемые слова, и ряд вопросов, уточняющих, насколько респондент с ними знаком, использует ли он их сам и если да, то в какой форме (например, *уоо* или *уооо*), какие написания ему знакомы. Также некоторые контексты предлагается переформулировать без использования исходного междометия для уточнения его семантики.

Для основного исследования составляется два корпуса текстов. Один корпус состоит из текстов из блогов и записей на страницах в социальных сетях, другой — из сообщений из личных переписок. Анализ корпусов позволяет узнать, какие функции в предложении могут выполнять интересующие нас междометия и их производные, а какие — нет, какие формы наиболее частотны, а также выяснить, взаимозаменяемы ли эти слова (например, равнозначны ли фразы *Он такой мимими* и *Он такой уооо*) и отследить, когда они получили широкое распространение (известно, например, что *мимими* появилось в Рунете в 2005 г., но стало популярным лишь в 2010 [Кронгауз 2013: 310–312]).

Для подтверждения и уточнения результатов корпусного исследования проводится еще один интернет-опрос, в котором респондентам предлагается сначала вставить подходящее междометие в тексты с пропусками, а потом объяснить, какие эмоции в этих контекстах выражались междометиями.

В силу новизны явления на данный момент не существует ра-

бот, подробно освещающих интересующую нас тему. В связи с этим работа носит в основном экспериментальный характер, однако для создания полноценного описания также используется опыт исследователей «литературных» междометий, например, [Вежбицкая 1999; Добрушина 1995; Шаронов 2008].

Литература

Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Добрушина 1995 — *Добрушина Н.Р.* Принципы и методы системного лексикографического описания междометий: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995.

Кронгауз 2013 — *Кронгауз М.А.* Самоучитель Олбанского. М., 2013.

Шаронов 2008 — *Шаронов И.А.* Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008.

Между опросом и интервью

Фабрикация общественного мнения: что скрывают социологи¹

Алексей Титков

Критика опросов общественного мнения как из соображений повседневного здравого смысла, так и с позиций академической науки (например, Бурдье считает, что «общественного мнения не существует») — уже привычный жанр, говорящий, в том числе, о важности самой процедуры опросов.

«Фабрикация» общественного мнения здесь понимается в нейтральном смысле: как техническая процедура создания записей и их последующей обработки, необходимая, чтобы «знание общества о самом себе» — создаваемое, как считается, массовыми опросами — стало возможным. Такая позиция предполагает, в частности, что массовые опросы не столько «отражают» общественное мнение более или менее корректным образом, сколько создают его как научный и социально значимый факт. Отношение к знанию и фактам как к производному от механизмов и практик регистрации и обработки — распространенная позиция в современной социальной науке (Дж. Ло, А.-М. Мол, К. Кнорр-Цетина, Б. Латур и др.), и массовые опросы заслуживают такого отношения не в меньшей степени, чем другие явления наблюдаемого мира.

Исходное пред-знание (или предрассудок), делающее массовыми опросы возможными, состоит в идее общества, устойчивого образования, которое структурировано некоторым известным нам образом, с делениями демографическими, социально-статусными, экономическими, политическими, культурными и др., пересекающимися друг с другом более-менее упорядоченным образом. Тому представлению об обществе мы обязаны в значительной мере социологической классике, прежде всего Э. Дюркгейму с его идея-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00068) «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

ми социальной морфологии и коллективных представлений, двух взаимосвязанных явлений, которые создают общество, поддерживают его и помогают нам его познать. Позицию такого типа нельзя считать беспроблемной, один из распространенных способов оспорить ее — левая критика (марксизм, Бурдьё), которая обнаруживает в массовых опросах один из механизмов, воспроизводящих социальное неравенство и поддерживающих доминирование правящих групп. Один из прикладных методических доводов, которые следуют из такой критической позиции: соображение, что людям задают вопросы, которые их не интересуют, спрашивают в категориях, которыми они не думают, вынуждают выражать мнение, которое люди не собирались выражать. Приняв этот критический довод, мы будем склонны чаще использовать более гибкие, чувствительные к респондентам, методы исследования, прежде всего опрос.

Следующая сложность, с которой связано использование массовых опросов: в какой мере они подходят для понимания явлений, которые плохо сочетаются с понятием устойчивого структурированного общества, например, праздниками или митингами. Прийти с анкетой на митинг или праздник — технически возможное действие, вопрос только в том, в какой мере такое действие поможет нам понять, с чем мы имеем дело. Хорошо известная антропологам терминологическая пара В. Тернера, повседневное упорядоченное «социетас» и выходящее за привычные рамки «коммунитас», дает подходящие слова, чтобы выразить проблему. Массовый опрос — инструмент, изначально созданный для измерения социетас, мало подходит для всего, что происходит за его пределами. Мы можем выяснить, откуда, из каких ячеек социетас, приходят люди, но не поймем, что происходит с ними дальше. Значительная часть исследовательских задач, которые решают этнографы и фольклористы, относятся к данностям, которые лучше описываются в терминологии потоков и волн, то есть альтернативных классической социологии версий «социологии за пределами общества».

Донаучные основания массовых опросов лежат в первом приближении к их истокам, к социально-философским идеям Ж.-Ж. Руссо о суверенном народе, который проявляет свою фундаментальную «общую волю» и основанную на ней «волю всех», относящуюся к актуальным практическим ситуациям. Более ранние основания лежат в механизмах репрезентации, которые в досовременной социальной организации были связаны или с фигурой руководителя (вождя, короля), или с ритуалами. Опросы общественного мнения представляют собой новую, сильно видоизмененную версию этих традиционных механизмов в современных демократиях. Проблемы, связанные с опросами общественного мнения, могут поэтому быть поняты в категориях «осквернения» или сбоя, вызванного или ошибочными действиями исполнителей (например, некорректно заданными вопросами), или отказом людей, не желающих быть респондентами.

Еще одну проблему для опросов общественного мнения создает реальность медиа, средств коммуникации, которые в значительной мере определяют собой порядок взаимодействия людей, их картину мира и характер высказываемых ими суждений. Идея массовых опросов возникла в конкретном типе социальной организации, в котором разные средства массовой коммуникации конкурируют друг с другом и тем самым взаимно гасят влияние друг друга. Каждый человек находится на пересечении сталкивающихся потоков массовой коммуникации и может выбирать между ними, опросы фиксируют именно этот момент относительно свободного выбора между альтернативами. Для основателя современной техники опроса Дж. Гэллапа существование такого рода медийной конкуренции было принципиально важным, в отсутствие таких условий техника массовых опросов, даже корректно выполненных, фиксирует уже какую-то другую реальность, не предусмотренную изначальной логикой этого инструмента.

Изучение политической субъективности с помощью анализа интервью: нарративы vs. классификации

Олег Журавлев

«Лаборатория публичной социологии» провела масштабное сравнительное изучение российских и украинских протестов, пользуясь методом глубинного биографического интервью. Сравнивая российское «Движение за честные выборы» и украинский «Майдан», мы обнаружили, что разные дискурсивные жанры выражают разные пласты социального опыта и разные предпочтения и интересы. Например, рассказывая об опыте участия в акциях и проживания в лагере Майдана — об опыте вовлеченности в уникальное событие — респонденты воспроизводят тезис о единстве — не только протестующих, но и разных регионов Украины. Согласно многим респондентам, до Майдана страна была разделена на запад и восток, русский и украинский языки, однако протест привел к объединению страны. В то же время, отвечая на вопросы о том, чем отличаются между собой разные регионы Украины и какие действующие лица и группы участвуют в военном конфликте, многие респонденты воспроизводят риторику «двух Украин». Таким образом, нарративы о событии и ответы на вопросы, предполагающие прояснение сходств и различий разных групп, входящих в украинское общество, выражают не просто разные типы опыта и знания, а потенциально конфликтные политические мировоззрения.

Многие российские респонденты, рассказывая об опыте участия в митингах за честные выборы, говорят о гражданском характере протеста, подчеркивая его автономию от любых социально-экономических требований. Более того, на вопрос о том, следует ли включить социальные требования в повестку митингов, многие отвечают, что подобный шаг привел бы к расколу и распаду движения «За честные выборы». Однако отвечая на вопросы о том, что лично им мешает развиваться и достигать жиз-

ненного успеха, многие респонденты говорят о социально-экономических проблемах, требующих политического решения на уровне государства и общества в целом. Как объяснить эти парадоксы?

На мой взгляд, наше исследование показывает, что в данном случае нарратив как дискурсивный жанр выражает опыт события и событийности, предполагающий определенные политические риторики и интуиции, а высказывания, предполагающие усилия по классифицированию, могут отсылать к контрастному набору политических предпочтений (каждый раз речь идет об одном и том же респонденте!).

В ходе семинара мы обсудим как социологические теории события перекликаются с социологическими, историческими и литературоведческими работами, посвященными анализу нарративов. Также мы рассмотрим конкретные эмпирические примеры.

Рекомендуемая литература

Обязательная

Polletta F. “It was like a fever ...” Narrative and identity in social protest // *Social Problems*. 1998. 45(2). P. 137–159.

Дополнительная

Sewell W.H. Historical events as transformations of structures: Inventing revolution at the Bastille // *Theory and Society*, 1996. 25. P. 842–881.

Moore A. The eventfulness of social reproduction // *Sociological Theory*. 2011. 29(4). P. 294–314.

Somers M. The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. No. 5.

Zhuravlev O. From Presence to Belonging: Eventful Identity of Euromaidan // *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*. 2015. Vol. 12. No. 3. P. 69–8.

Boltanski L., Thévenot L. „Finding One's Way in Social Space: A Study based on Games“ // *Social Science Information*. 1983. 22 (4-5).

Rodgers P. Understanding regionalism and the politics of identity in Ukraine's Eastern Borderlands, Nationalities // The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2006. 34(2). P. 157–174.

**От диктатуры банта к анархии заколки:
что расскажет анкета о нормах и аномалиях
советской «школьной семиотики»?¹**

Александра Архипова, Анна Кирзюк

В последние десятилетия советская повседневность стала популярным исследовательским направлением для антропологов, историков и социологов культуры [Доценко 2007; Лебина 2006; 2015; 2015а; Беловинский 2015 и др.]. Источниками для работ по «археологии практик» служат официальные документы, мемуары и дневники, иногда — глубинные интервью с носителями традиции [Гурова 2008; Утехин 2004; Келли 2004]. Проблема в том, что «поле зрения» автора дневника или сколь угодно компетентного информанта ограничено, поэтому ни десяток дневников, ни несколько десятков интервью не позволяют делать обобщающих суждений о бытовании тех или иных практик. Официальные документы часто не способны дать представление о системе повседневных норм и запретов, а работая с документами, синхронными эпохе, исследователь лишен возможности задать наводящий или уточняющий вопрос.

Между тем работы по социальной истории (в частности, по истории советской повседневности) полны утверждениями вроде «в эпоху X ослаб контроль за сферой Y» или «в эпоху X все носили Z», которые не проходят критерий фальсифицируемости Поппера.

Исследователь, занятый «археологией практик», стремится реконструировать систему кодов через выявление границы между нормой и девиацией. Инструментом для этого могут послужить количественные данные. Поэтому первым шагом к реконструкции советской «школьной семиотики» (с ее системой контроля и самоконтроля, запретами и предписаниями) в динамике и статике, стал наш опрос «Что мы помним о советских школьных прическах» (через гугл-форму), содержащий открытые и закрытые вопросы. Также мы взяли у части респондентов «уточняющие

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-00068) «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

интервью». В опросе приняли участие 280 информантов женского пола с 1935 до 1996 год рождения, из разных городов и республик бывшего Советского Союза.

Почему при наличии задачи реконструировать внутреннюю «школьную семиотику» мы занялись именно прическами? Дело в том, что не существовало никаких циркуляров, формально регламентирующих прическу школьника: норма конструировалась администрацией школ и родителями и основывалась на некоторых общекультурных представлениях о «детском» и «взрослом» с одной стороны, и о «мужском» и «женском» — с другой. Внешний вид ученика определялся системой неписаных правил и запретов, которые эксплицировались только через спорадические или регулярные акции контроля и наказания. В результате в каждой школе находились агенты, которые тратили значительные усилия на нормирование внешнего облика учеников:

На входе на лестницу, ведущую наверх к классам (из раздевалки), проверяли длину юбки, отсутствие серёжек (любых), отсутствие каблуков в сменной обуви, наличие на ногах сменной обуви, и убраны ли волосы (не распущены ли). И надета ли форма, конечно. Нельзя было поверх формы ничего носить тоже (ж., 1969 г.р., Киев).

Очень хорошо помню, как утром при входе в школу заместитель директора останавливал старшекласниц, сделавших начес и пучок, и доставал из последних подложенный чулок или консервную банку с вырезанной сердцевиной (ж., 1954 г.р., Московская обл.).

Сразу оговоримся, что подобные опросы не являются универсальным способом решить такие научные проблемы, в частности потому, что в отличие от профессионального социологического опроса, здесь гораздо труднее сбалансировать выборку. Однако конкретно здесь на руку играет тот факт, что все советские дети, за редчайшими исключениями, ходили в школу, и кодификация внешнего облика касалась всех девочек, поэтому в данном случае случайность выборки информантов частично оправдана.

До аналитической и статистической обработки полученного материала у нас была гипотеза, согласно которой регулирование причесок строилось на двух системах:

1. Представление о «правильной» прическе школьницы основывалось на оппозиции «ребенок — взрослый»: норма поддерживалась через подавление любых признаков взрослой женской сексуальности (распущенные волосы, начесы, завивка и окрашивание волос), соответственно, контроль над этим был весьма силен в младших и средних классах и ослабевал в старших.

2. Вторая система была связана с существованием правил будничной и «праздничной» прически: празднику соответствовали «верх» и объем прически (большие белые банты, убранные наверх волосы), а будням — «низ» и «гладкость» туго убранных волос (коса с темным бантом внизу, а не наверху, банты обычного размера).

3. Каждая из этих систем поддерживалась агентами контроля (детским коллективом, семьей или учителями — разными в разные годы), который был направлен на выявление отклонений. Согласно нашей первоначальной гипотезе, и структура представлений о норме, и система контроля за ее соблюдением существовали в динамике, развиваясь синхронно и проходя через одинаковые этапы: либерализация в 1960-е, консервация оттепельного канона в 1970-е, эрозия — во второй половине 1980-х и полный распад в 1990-е. Однако судьба этой гипотезы может служить типичным примером того, как исследовательские стереотипы разбиваются о статистические данные. Мы предполагали, что и канон, и связанная с ним система контроля развивались по пути неуклонной либерализации. Однако данные опроса показывают, что это не совсем так. Уровень контроля и вербальных типов вмешательства во внешний вид примерно одинаков на протяжении всего советского времени и не снижается даже в 1990-е: около 60 % респондентов, поступивших в первый класс в периоды 1941–59, 1960–69 и 1970–70 гг., рассказывают о контроле за прическами, чаще всего — в отношении их самих; 49 % информантов 1980–90-х гг. говорят то же самое. Причем в отдельных случаях контроль распространяется не только на будничную прическу, но и на ее праздничный вариант. Учительница ругала за банты, отличные от

черных и коричневых, по будням, и за черные и коричневые с белым фартуком в праздничный день (ж., 1980 г.р., Ижевск). В то же время наказаний за отступление от нормы действительно становится меньше: о них сообщила половина респондентов, посещавших школу в 1940–1970-е гг. и треть тех, чьи школьные годы пришлись на 1990-е гг. При этом меняется состав признаков, подлежащих искоренению (в 1990-е гг., например, таким признаком становится малоизвестная школьницам предыдущих лет практика окрашивания волос).

Итак, на семинаре пойдет речь, во-первых, о системе норм и запретов, которая эксплицитировалась через регулярные или нерегулярные акции контроля; во-вторых — о существовании системы наказаний за нарушение семиотического кода. Так же на семинаре мы обсудим, какие детали позволяет или не позволяет увидеть «оптика анкеты», и какие задачи следует оставить для качественных исследований.

Литература

Гурова 2008 — Гурова О. Советское нижнее белье между идеологией и повседневностью. М., 2008.

Доценко 2007 — Доценко А. Повседневная жизнь советского города начала 1950 — первой половины 1980-х годов на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области: автореф. дис... канд. истор. наук. Самара, 2007.

Келли 2004 — Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104–155.

Лебина 2006 — Лебина Н. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006.

Лебина 2015 — Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

Лебина 2015а — Лебина Н. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция Большого стиля. СПб., 2015.

Утехин 2004 — Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2004.

**Это страшное слово «каста»: проблемы
социолингвистического анкетирования
в «индийском» поле**

Евгения Ренковская

Одним из важных этапов полевой экспедиционной деятельности в русле гуманитарных наук является сбор социолингвистической информации о тех людях — носителях языка или традиции — с которыми ведется работа. Что касается социолингвистического анкетирования на территории Индии, основной проблемой до сих пор остается вопрос об этнической идентификации информанта. Дело в том, что, несмотря на крайне разнообразный этнолингвистический состав населения, традиционная индийская система общественной организации не подразумевает подразделение на этносы, а складывается на основе религиозно-кастового деления. А последнее прямо подразумевает социальное неравенство. Несмотря на то, что согласно Конституции Индии 1950 г. касты официально утратили свой статус, они продолжают играть значительную роль в общественной жизни. Поэтому вопрос о принадлежности к той или иной касте, заданный исследователем в рамках социолингвистического анкетирования, может быть воспринят информантом как некорректный и неприемлемый, что приведет к отказу от дальнейшего сотрудничества. То же самое относится и к вопросу о вероисповедании, поскольку кастовое деление базируется на индуизме, а кроме того, оно распространилось также на отличные от индуизма религии, например, ислам и христианство.

Описанная выше проблема чаще возникает у зарубежных исследователей, поскольку местные ученые, хорошо знакомые со спецификой общественного устройства конкретного региона, могут по фамилиям информантов определять их кастовую принадлежность. Кроме того, между индийским исследователем и информантом могут сложиться определенного рода иерархические отношения, неприятные в западной науке. При этом

консультация по такому вопросу с представителями местной научной среды также может быть воспринята нежелательным образом.

Наиболее «безопасными» с точки зрения идентификации анкетуемого социальными характеристиками являются место рождения, место проживания и родной язык — по ним можно сделать первые выводы об этнической принадлежности. Важно также, на каком языке составляется анкета. При условии неплохого знания информантом английского и, таким образом, понимания внеиндийских реалий можно использовать понятия *ethnicity* или *nationality*. В индийских языках аналогичные понятия отсутствуют.

Одним из наиболее результативных способов избежать некорректной постановки вопроса об этнической идентификации, как показывает практика, является метод перечисления. То есть, например, вместо общего вопроса «ваша религиозная принадлежность» в анкете дается формулировка с вариантами, из которых нужно выбрать — например, такая: «какую религию вы исповедуете: индуизм, ислам, христианство, другое» — это дает понять информанту, что религия понимается исследователем в более глобальном смысле, нежели в рамках кастовой принадлежности.

То же самое относится и к вопросу про этническую принадлежность. Например, так называемые «списочные племена» (*scheduled tribes*), перечисленные в Конституции (коренные народы доарийского происхождения, имеющие низкий кастовый статус), имеют свои названия, и в таком случае вопрос о принадлежности к племени, во избежание прямого «*your tribe*», можно сформулировать следующим образом:

Are you: *Saora* __, *Mundari* __, *Ho* __, other __.

В случае социальной общности более однородной по этническому составу можно предложить на выбор культурно-географические варианты. Например, для жителей региона Кумаон штата Уттаракханд можно составить в анкете следующий вопрос:

Are you: *Pahari* __, *Kumaoni* __, *Soryali* __, other __,

где *пахари* (букв. «горец») является общим термином для жителей штатов Уттаракханд и Химачал-Прадеш, *кумаони* — обозначением жителей Кумаона и *сорьяли* — названием жителей округа Питхорагарх, говорящих на одноименном диалекте. Очевидно, что при такой формулировке неизбежно происходит навязывание информанту выбора самоидентификации, но в таком случае вопрос может быть дополнен уточняющими вопросами вида «когда/в каких ситуациях вы скорее назовете себя каким-то конкретным из перечисленных терминов» и т.д. С одной стороны, понятно, что термин будет выбираться в зависимости от социального окружения (в частности от того, находится человек на территории своего округа / региона или за его пределами). С другой стороны, у каждого из этих терминов есть свои культурные коннотации, которые могут быть выяснены в процессе обсуждения. В любом случае подобное построение вопроса задает направление мысли, и человек может предложить свой вариант в пункте *other*.

Сам вопрос о кастовой принадлежности тоже крайне важен для культурно-социологического исследования, так как внутри кастовых сообществ складываются свои традиции, обычаи, ритуалы, вплоть до кастовых диалектов. Непосредственную информацию о касте можно получить, узнав полное имя анкетированного и имена его родителей, а также род занятий / профессию. Профессия часто напрямую связана с кастовой принадлежностью, но вопрос о ней обычно воспринимается индийцами более спокойно. Также информацию о касте исследователю приходится получать из контекстных упоминаний (поэтому предпочтительно, чтобы социолингвистическая анкета заполнялась информантом в присутствии исследователя) и косвенных факторов (как то: намеренное умалчивание информантом своей фамилии и т.п.).

**Оптика для изучения вернакулярных
теорий и ритуальных практик**

Как изучать вернакулярные теории и практики? На примере *witchcraft studies*¹

Ольга Христофорова

Способы изучения повседневных ритуализованных практик и мифологических представлений зависят от научной дисциплины, в рамках которой оно производится. Так, фольклористы заинтересованы в первую очередь в текстах, чтобы на их основе описать местную мифологическую традицию, изучить отдельный мотив или решить другую исследовательскую задачу. Эти цели определяют и язык дисциплины: для фольклориста информант становится «носителем традиции», а он сам — «собирателем».

Социолог, напротив, заинтересован прежде всего в изучении самого сообщества, и вернакулярные теории и практики будут для него иметь значение не сами по себе, а как путь к их авторам и акторам.

Некоторый компромисс предлагает социальная/культурная антропология. С самого своего возникновения как полевой дисциплины в 1910–1920-е гг. антропология была фиксирована на идее холизма, или целостности культуры, когда ни один из ее институтов (фольклор, ритуалы, экономические отношения, социальные системы, отношения власти и т.д.) не может быть сочтен более важным, чем другие, или понят как способ изучить что-то иное (Б. Малиновский). Через полвека К. Гирц писал о том, что ключ к пониманию культуры — в обнаружении связей социального действия с его символическим контекстом, и это вопрос «не социальной механики, но социальной семантики» [Гирц 2014: 508]. Культура, по Гирцу, — не паттерн, а процесс; существование человеческих сообществ и индивидов представляет собой движение в локальных символических вселенных по определенным траекториям.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

Как же изучать социальную семантику (или символическое действие, или культуру как текст, если пользоваться иными терминами Гирца, роднящими его концепцию культуры с другими семиотическими подходами)?

В лекции мы рассмотрим эту проблему на примере *witchcraft studies*, или исследований локальных верований в колдовство и связанных с ними практик. Это направление антропологических штудий стало мейнстримом после выхода в свет в 1937 г. книги Э.Э. Эванса-Причарда о колдовстве у азанде Судана [Evans-Pritchard 1937]. Программная работа, рассматривавшая колдовские представления одного из африканских народов как символическую систему и социальный институт одновременно, сделала колдовство одним из центральных объектов антропологии.

Какими способами с тех пор изучались представления, связанные с идеей колдовства (или, иными словами, вернакулярные теории колдовства)? Среди этих способов можно упомянуть структурно-функциональный, неомарксистский, психоаналитический и постструктуралистский подходы, кейс-метод, а также метод «насыщенного описания», дискурс-анализ, прагмасемантический и нарративный анализ. В рамках каждого из этих подходов, во-первых, формулировалась и оценивалась вернакулярная (местная, «народная») теория колдовства, и, во-вторых, формировалось собственное (научное) понимание того, что такое вера в колдовство и чем она обусловлена. Соотношение вернакулярной и научной теорий в рамках каждой из методологий — отдельная интересная проблема. Мы рассмотрим и ее, и то, как «работают» упомянутые способы исследования. Некоторые из этих методов и подходов не потеряли своей актуальности и могут быть пригодны для изучения не только колдовства, но и других вернакулярных теорий и практик.

Отдельные положения лекции будут проиллюстрированы этнографическим фильмом «Witchcraft among the Azande» («Колдовство у азанде») (52 мин., Великобритания, 1981. Авторы: Андре Сингер, Джон Райл).

Авторская аннотация: Книга Эванса-Причарда «Колдовство, оракулы и магия у азанде» была написана по итогам полевой работы в Центральной Африке в 1926–1930 гг. В конце 1970-х к азанде приехали представители нового поколения британских антропологов, чтобы проверить точность описаний учителя и выяснить, что изменилось в этой области за полвека.

Комментарий: Методика этнографического анализа, динамика социума и ее влияние на ментальные модели.

Литература

Гирц 2004 — *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004.

Evans-Pritchard 1937 — *Evans-Pritchard E.E.* Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande. Oxford, 1937.

**От функции к смыслу, от паттерна к процессу,
от анализа к чтению: англоязычная антропология
в XX — начале XXI в.¹**

Ольга Христофорова

Лекция предполагает анализ динамики развития британской и американской антропологии с 1920-х гг. по начало XXI в., в то время, когда она не только определяла характер антропологических исследований в мире в целом, но и в значительной мере влияла на ход общественных дискуссий и даже на политические процессы.

В первой части лекции, «от функции к смыслу», речь пойдет об изменениях внутри структурно-функционалистской парадигмы, когда от поиска законов социальной жизни и функций культурных институтов (Б.К. Малиновский и А.-Р. Рэдклифф-Браун) исследовательский интерес сместился к выявлению значений и смыслов явлений культуры с точки зрения ее носителей (Э.Э. Эванс-Причард, «символическая антропология» В. Тэрнера, М. Дуглас и др.; справедливости ради надо сказать, что эта цель антропологической работы была заявлена еще Малиновским).

Во второй части лекции, «от паттерна к процессу», пойдет речь о переходе от понимания культуры как установленной модели (ранний структурный функционализм в Британии, школа «культура-и-личность» в США) к рассмотрению ее как процесса (В. Тэрнер и другие антропологи манчестерской школы в Англии, К. Гирц в США).

В третьей части лекции, «от анализа к чтению», будет обсуждаться формирование дискурсивного поля «объединенной» социокультурной антропологии и ее постепенный шифт из области *social sciences* в область *humanities*. Не последнюю роль в этом процессе сыграла интерпретативная антропология К. Гирца. Гирц

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

предложил метод «насыщенного описания» и показал, как он работает, однако здесь (как и в случае других методик) слепое копирование без творческого развития вряд ли приведет к успеху.

Лекция будет состоять из теоретической части и практического разбора исследовательских методов. Занятия имеют не только историографический характер; они нацелены на формирование навыков методологической рефлексии и овладение конкретными исследовательскими приемами.

Рекомендуемая литература

Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: сб. статей / ред. и сост. А.Л. Елфимов. М., 2012. URL: <https://yadi.sk/i/A-Swttsnp6Co5> (дата обращения: 16.04.2016).

Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004 (статьи: «Насыщенное описание: в поисках интерпретативной теории культуры», «Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев»). URL: <http://yadi.sk/d/Q4sHdzlm92bZp> (дата обращения: 16.04.2016).

Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008. URL: <https://yadi.sk/i/A-Swttsnp6Co5> (дата обращения: 16.04.2016).

Сообщества vs. практики: война концептов и перемирие методов

Виктор Вахштайн

В прикладной социологии повседневности понятия «сообщество» и «практики» используются через запятую. Идет ли речь о «конструировании сообщества X в повседневных практиках Y» или о «практиках Y, распространенных в сообществе X». Однако за такой внешней непроблематичностью скрывается давняя теоретическая вражда двух социологических языков описания, каждый из которых пытается утвердить свою собственную онтологию социального мира. Как возник этот конфликт и как он был «снят» на уровне конкретных методологических решений — об этом и пойдет речь в лекции.

Рекомендуемая литература

Грановеттер М. Сила слабых связей. URL: https://vk.com/doc31783954_437368019?hash=61425a5895b3ef4481&dl=2e7236ac34c9d75712 (перевод 2009 года) (дата обращения: 16.04.2016).

Laurier E., Whyte A., Buckner K. Neighbouring as an occasioned activity: «Finding a lost cat» // Space & culture. 2002 5, 4, 346–367. URL: <http://ericlaurier.co.uk/resources/Writings/Laurier-2002-Neighbouring.pdf> (дата обращения: 16.04.2016).

Корбут А. Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие. URL: [http://socofpower.ane.ru/uploads/1-2\(2013\)/Korbut%20Gobbsova%20problema.pdf](http://socofpower.ane.ru/uploads/1-2(2013)/Korbut%20Gobbsova%20problema.pdf) (дата обращения: 16.04.2016).

Вахштайн В. К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками. URL: [http://socofpower.ane.ru/uploads/3\(2013\)/SV2.pdf](http://socofpower.ane.ru/uploads/3(2013)/SV2.pdf) (дата обращения: 16.04.2016).

**Между правилом и практикой:
«скептический парадокс» как последний гвоздь
в крышку этнометодологического гроба**

Виктор Вахштайн

Одним из самых надежных теоретических инструментов изучения повседневных практик долгое время оставалась философия позднего Л. Витгенштейна. Переописание «социального действия» как «правилосообразной практики» позволило социологам повседневности захватить две области теоретического фронта — исследования города и социологию науки. Однако в 1970–1980 гг. наступил явный спад в апелляции к повседневным, рутинным, нерелексивным практикам ученых и горожан как незримому основанию научного знания и городской жизни. Почему это произошло и как единый фронт социологов повседневности распался в результате междоусобной братоубийственной войны «скептицистов» и «антискептицистов»?

Рекомендуемая литература

Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/03.pdf> (дата обращения: 16.04.2016).

Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии URL: <http://www.twirpx.com/file/238920/> (дата обращения: 16.04.2016).

Линч М. Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. 2013. 1-2. URL: <http://www.twirpx.com/file/1342143/> (дата обращения: 16.04.2016).

От классических этнографических методов к концепции перформативности в исследовании спонтанных коммеморативных практик¹

Анна Соколова

Практики спонтанной мемориализации являются одним из существенно новых явлений в современном похоронно-поминальном обряде: появившись в современном виде в 80-х гг. XX в., они быстро стали глобальным феноменом. Наиболее известные случаи такого рода — мемориализация Принцессы Дианы в Великобритании и по всему миру в 1997 г., жертв терактов 11 сентября в США, мемориал Борису Немцову на Москворецком мосту в Москве. Случаи спонтанной мемориализации также известны не только по всему миру, но и в интернет-пространстве.

Под спонтанной мемориализацией понимается следующий комплекс ритуализированных действий: отдельные люди или целые сообщества спонтанно собираются в некотором месте, чтобы почтить память людей, погибших неестественной смертью (в результате ДТП, террористического акта, авиакатастрофы, убийства). В результате на этом месте возникает мемориал или памятный знак, который составлен из предметов, принесенных этими людьми (цветов, изображений, стихов, игрушек и т.д.).

Многообразие, а также пограничный характер подобных практик — между похоронно-поминальным обрядом и социальной манифестацией — делают их привлекательными для антропологического исследования. Впрочем, конкретные методы и концепции их изучения до сих пор являются предметом дискуссии. Например, для изучения онлайн-мемориализации подходят онлайн-опросы (количественные и качественные) и контент-анализ; для больших спонтанных мемориалов в городах — пассивное и умеренное включенное наблюдение, анализ визуальных данных; для изучения мемориалов на обочинах дорог — методы ви-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 16-06-00286 «Мониторинг актуального фольклора: база данных и корпусный анализ».

зуальной антропологии, подробное описание объектов и создание геоинформационных систем.

Например, практики и ритуалы спонтанной мемориализации естественным образом можно было бы рассмотреть в контексте традиционной похоронно-поминальной обрядности. Действительно, по ряду характеристик они чрезвычайно близки, однако при детальном анализе выявляются несоответствия: спонтанная мемориализация не может быть напрямую соотнесена ни с одним из элементов традиционных похорон, но по отдельным чертам она близка целому ряду отдельных обрядов — прощание с покойным, гражданская панихида, поминки и др. Однако если мы применим к анализу материала не классические этнографические методы, а методы визуальной антропологии и качественной социологии и концепцию американского фольклориста Джека Сантино, предполагающую, что «люди, вовлеченные [в практику мемориализации] скорбят (оплакивают) в знак протеста... Они хотят привлечь внимание к некоторому социальному вопросу и убедить широкую общественность в правильности своей позиции» [Santino 2011], то мы сможем увидеть, как такие практики становятся своеобразным каналом коммуникации между обществом и государством и даже субститутотом отдельных институтов гражданского общества.

Концепция перформативности предполагает, что практики спонтанной мемориализации содержат в себе два измерения. Первое — собственно поминальное, наиболее близкое по своему содержанию и форме к похоронной обрядности. Второе — перформативное, которое позволяет участникам практик выражать свое мнение о социальных, политических, экономических и многих других проблемах общества. На практике перформативная сторона мемориализации может реализовываться в разных формах — в плакатах, стихах, фотографиях, граффити, времени «жизни» мемориала, и даже в самом факте его возникновения. Оба эти измерения — поминальное и перформативное — не присутствуют во всех мемориалах в равной степени, а скорее должны быть по-

няты как два полюса спонтанной мемориализации, а каждый конкретный мемориал может быть проанализирован в зависимости от того, к какому полюсу он тяготеет.

В ходе лекции с элементами семинара будет предложено на разбор два кейса — мемориал Борису Немцову в Москве и мемориализация футбольного болельщика Егора Свиридова. Будет продемонстрировано, как концепция коммеморативной перформативности позволяет анализировать ритуальную сферу.

Литература

Santino 2011 — Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death / ed. by J. Santino. New York, 2011.

Мы и они: конспект по антропологической этике¹

Евгения Литвин

Семинар предполагает обсуждение ключевых идей в антропологии последних 30-40 лет, касающихся отношений собиратель/информант и методов написания научного текста. В качестве центральной работы я выбрала книгу «Писать культуру: поэтика и политика этнографии» [Clifford and Marcus 1986]. Эта книга до сих пор не переведена на русский язык и относительно редко упоминается в российском научном контексте. Тем не менее она важна для понимания многих новых течений в гуманитарных науках, а спровоцированная ею бурная дискуссия не утихает до сих пор. Так, в вышедшем в 2008 г. номере журнала *Cultural Anthropology* [Marcus 2008] разгорелся спор, который затем продолжился в нескольких других изданиях². Причиной его послужили пессимистические суждения основателя журнала, американского антрополога Джорджа Е. Маркуса. Он утверждал, что, во-первых, научные журналы больше не служат идее распространения профессионального знания, но лишь продвигают карьеры ученых, а во-вторых, традиционные методы полевой работы концептуально устарели, а принципиально новых теорий в антропологии не было с периода 1970-х — начала 1990-х гг.

Оба этих замечания являются составными частями одного большого вопроса: как должны выстраиваться отношения антрополога с окружающим миром: с информантами, с широкой публикой, с представителями смежных дисциплин, внутри собственно профессионального сообщества. Иными словами, это вопрос о том, каким образом циркулирует информация, которую антрополог по-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14–18–00590, «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование»).

² George Marcus: “No New Ideas” (2.0) & the After-Life of Anthropology (1.1). URL: <http://zeroanthropology.net/2008/04/04/george-marcus-no-new-ideas/>; George Marcus: “Journals? Who cares?”. URL: http://www.anthropologi.info/blog/anthropology/2008/george_marcus_journals_who_cares.

лучает в поле и распространяет дальше, кому принадлежат права на нее и в каком виде она должна быть представлена.

Важной поворотной точкой этой дискуссии можно считать уже упоминавшуюся книгу “Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography”, изданную в 1986 г. при участии самого Маркуса. В ней обсуждаются способы конструирования этнографического текста и влияние на него автора. Авторы монографии рассуждают о том, насколько объективно любое описание того, что ученый видит в поле, как литературные техники, используемые при написании научного текста, влияют на его убедительность и на реакцию читателя, и какие элементы «своей культуры» привносит в текст автор, сознательно или нет. В некотором смысле это развитие идеи Фуко о *power-knowledge*, [Foucault 1986: 92–102] поскольку речь идет о власти исследователя и автора текста.

Книга вызвала волну критики и массу ответных реакций³, повлияв на становление нескольких течений в современной антропологии. Часть таких работ предлагает новый взгляд на отношения исследователь/информант. Уже в предыдущие десятилетия интерпретативная антропология и работы, посвященные различиям этического и эмического подходов, ставили вопрос о том, что такое «культура», анализируемая антропологом, и о том, как бэкграунд самого исследователя влияет на его работу. Отказ от «европоцентризма» антропологии, поиск новых подходов к изучению постколониальных стран и глобализации повлекли за собой идеи о равноправном сотрудничестве (*collaboration*) исследователя и информанта и развитие теорий антропологии современности.

Большое влияние книга оказала и на изменение литературных

³ О популярности книги можно судить хотя бы по тому, как часто ее название используется в названиях последующих работ. Вот лишь несколько примеров: “Writing culture and writing fieldwork: The proliferation of experimental and experiential ethnographies” [Poewe 1996]; “After writing culture: epistemology and praxis in contemporary anthropology” [James, Hockey and Dawson 1997], “Writing against culture” [Abu-Lughod 1991], “Beyond Writing culture: Current intersections of epistemologies and representational practices” [Zenker and Kumoll 2010].

техник и методов описания поля. Появились различные «экспериментальные этнографии» и тексты, балансирующие на грани художественной и академической литературы. Эти эксперименты отчасти были результатом общественной дискуссии о том, для кого и как следует писать антропологию, что привело к появлению таких терминов, как *public anthropology* и *engaged anthropology*. Эти и другие дискуссии последних лет о том, кто является субъектом и объектом антропологии, где проходят ее дисциплинарные границы и каковы ее перспективы, будут подробнее затронуты на семинаре.

Литература

Abu-Lughod 1991 — *Abu-Lughod L.* Writing against culture // *Recapturing anthropology: Working in the present* / ed. by R.G. Fox. Santa Fe (NM), 1991. P. 137–162.

Clifford and Marcus 1986 — *Clifford J., Marcus G.* (eds.) *Writing culture: The poetics and politics of ethnography*. Berkeley, Los Angeles, 1986.

Foucault 1986 — *Foucault M.* *The History of sexuality*, vol. 1. Harmondsworth, 1986.

James, Hockey and Dawson 1997 — *James A., Hockey J., Dawson A.* (eds.) *After writing culture: epistemology and praxis in contemporary anthropology*. London, 1997.

Marcus 2008 — *Marcus G.E.* The End(s) of Ethnography: Social/Cultural anthropology's signature form of producing knowledge in transition // *Cultural Anthropology* 23. 2008. No. 1. P. 1–14.

Poewe 1996 — *Poewe K.* Writing culture and writing fieldwork: The proliferation of experimental and experiential ethnographies // *Ethnos* 61.3–4, 1996. P. 177–206.

Zenker and Kumoll 2010 — *Zenker O., Kumoll K.* (eds.) *Beyond writing culture: Current intersections of epistemologies and representational practices*. New York and Oxford, 2010.

Как сделана артековская ностальгия? Погрешности субъективной (пред)концептуализации в исследованиях памяти

Анна Козлова

Воспоминания о советском детстве — его материальном мире, ритуальной и рутинной организации времени и пространства, практиках социализации — чаще всего являются материалом, а не предметом исследования. Советский «детский мир» оказывается, таким образом, двойным конструктом — ретроспективным и исследовательским. В докладе на примере воспоминаний о пионерском лагере «Артек» (глубинных биографических интервью с пионерами и вожатыми 1960–1980-х гг., записанных в апреле — июле 2015 г.) я попробую осмыслить правила ретроспективного построения социального и материального мира лагеря исходя из интенций вспоминающих и двух теоретических исследовательских рамок — *oral history* и *memory studies*. Цель доклада состоит в том, чтобы объяснить, какие изменения в зависимости от используемой теоретической рамки претерпевает объект исследования и предоставить попытку минимизировать подобную деформацию, синтезируя подходы.

Как известно, и устная история, и исследования памяти зародились как общественные движения [Щеглова 2003: 33–37; Hamilton, Shopes 2009: vii–x]. Предпосылки первых собирателей «историй» о событиях большой истории были схожи, но не идентичны. Если устная история была сфокусирована на индивидуальном, субъективном опыте и неизвестном ракурсе исторических событий, то импульсом к зарождению исследований памяти стало открытие публичного дискурса о Холокосте, а авангард работ, написанных в рамках этой теории, и по сей день фокусируется вокруг аномалий и катаклизмов, фигур забвения и умолчания ([Ассман 2014], фокус внимания журнала «Memory and History»). Обе дисциплины пережили всплеск интереса и кризис: одна (*oral history*) была обвинена в недостаточной степени достоверности, другая (*memory studies*) —

в склонности «к сакрализации политических вопросов в ущерб социальным и культурным проблемам» [Confino 1997: 1394].

Насыщенные позитивными коннотациями, воспоминания о советском детстве (чаще всего поездка в «Артек» воспринимается именно таким образом) укладываются в классическое определение феномена ностальгии — тоске по утраченным ценностям, продуктам, одежде, невинности, идеализме [Платт 2012], одного из способов отрицания современности [Angé, Berliner 2014: 5 и др.]. Но, поскольку в центре внимания исследователей культурной памяти находится прагматика травматичных (по умолчанию) воспоминаний [Paperno 2009; Травма:пункты 2009; Ушакин 2011], насыщенная позитивными коннотациями память о советском чаще всего интерпретируется в рамках этой парадигмы как помеха для так называемой *проработки* тоталитарного прошлого [Адорно 2005]. Используя такую концептуализацию, исследователь прежде всего обратит внимание, как рифмуются или противопоставляются идеологии настоящей и предшествующей эпохи (в зависимости от того, с *реставрационной* или *рефлексивной* формой ностальгии мы имеем дело [Бойм 2013]), как ностальгическая интернализация идеологических установок прошлого не позволяет однозначно оценить его в негативном ключе или вовсе исключает возможность подобной критической оценки и т.д.

Если же подходить к изучению воспоминаний с точки зрения *oral history* (которая не склонна делить воспоминания на «ностальгические» и «травматичные») и рассматривать тот же самый материал как «субъективный неизвестный опыт» и «приватизацию» и «индивидуализацию» прошлого [Портелли 2003: 48–50], в фокус внимания попадут совершенно другие детали, а именно, как идеология предшествующей эпохи индивидуализируется и изменяется в соотношении с личным опытом, а следовательно, как изменятся устойчивые идеологические установки предшествующей эпохи в контексте личной биографии. Таким образом, значение одного и того же текста может оказаться проинтерпретировано как форма солидаризации с прошлым или способ его субъективной

переоценки. Как избавиться от «гражданского наследия» методологических установок обеих дисциплин? В чем методологический «изъян» синтеза этих двух способов анализировать прошлое и можно ли его нейтрализовать?

Нужно заметить, что и в самих воспоминаниях о советском «Артеке», с которыми я имею дело, также могут быть заложены обе этих субъективных интенции: информанты могут как задаваться целью рассказать про «неизвестный Артек», о котором «не писала «Пионерская правда» [Полюхович 2013] (и, следовательно, противопоставить его «общему знанию» интервьюера), либо «срифмовать» коллективную память о величественном прошлом Всесоюзного лагеря с контекстом современной реставрации (поскольку основной массив материала, с которым я работаю, записан в 2015 г., подобные переключки встречаются в текстах довольно часто). Более того, обе этих интенции могут уживаться в пределах одного персонального нарратива. Можно ли в таком случае однозначно определить прагматику и семантику насыщенных положительными коннотациями воспоминаний?

Как мне кажется, чтобы избежать подобных методологических ловушек теорий, необходимо и внутри ностальгического дискурса о «прошлом» различать уровень идеологии и практик. Как полагают литовские исследовательницы Сигита Краниаускене и Лайма Зилинскене, романтизация в воспоминаниях атмосферы советских праздников и других рекреационных фаз жизненного цикла не говорит о преданности информанта коммунистической идеологии, а обнаруживает лишь одну из стратегий нормализации и примирения с советским прошлым [Kraniauskienė, Žilinskienė 2015: 99]. В докладе я попробую посмотреть, какие воспоминания становятся предметом, а какие «слепыми пятнами» в рамках разных исследовательских парадигм, последовательно анализируя прагматику нескольких цельных текстов воспоминаний.

Литература

Angé, Berliner 2014 — *Angé O., Berliner D.* Anthropology of Nostalgia — Anthropology as Nostalgia // Anthropology and Nostalgia / Ed. by O. Angé, D. Berliner. Oxford, 2014. P. 1–15.

Confino 1997 — *Confino A.* Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // The American Historical Review. 1997. Vol. 102. № 5. P. 1386–1403.

Hamilton, Shopes 2009 — *Hamilton P., Shopes L.* Building Partnership between Oral History and Memory Studies // Oral History and Public Memories / ed. by Paula Hamilton and Linda Shopes. Temple University Press, 2009. P. viii–xvii.

Kraniauskiene, Zilinskiene 2015 — *Kraniauskiene S., Zilinskiene L.* Research Ethics in Soviet Memory Studies // The Soviet Past in the Post-Socialist Present: Methodology and Ethics in Russian, Baltic and Central European Oral History and Memory Studies. New York and London, 2015. P. 92–110.

Paperno 2009 — *Paperno I.* Paper Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams. Cornell University Press, 2009.

Адорно 2005 — *Адорно Т.* Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html> (дата обращения: 18.02.2016).

Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. М., 2014.

Бойм 2013 — *Бойм С.* Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/11s.html> (дата обращения: 5.05.2015).

Платт 2012 — *Кевин М.Ф.* Платт. Аффективная поэтика 1991 года: ностальгия и травма на Лубянской площади // НЛО. 2012. № 4 (116). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2532> (дата обращения: 28.03.2016).

Полюхович 2013 — *Полюхович Д.* Артек, об этом не писала «Пионерская правда». Киев, 2013.

Портелли 2003 — *Портелли А.* Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб., 2003. С. 32–50.

Травма:пункты 2009 — Травма:пункты / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М., 2009.

Ушакин 2011 — *Ушакин С.* Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u3.html> (дата обращения: 14.01.2016).

Щеглова 2003 — *Щеглова Т.К.* Устная история: учеб. пособие. Барнаул, 2010.

Микроисследование как метод в социокультурной антропологии¹

Дмитрий Доронин

Трансформации подходов и поля «колониальной антропологии» в 1950–1960-е гг. привели к возникновению новых концептуальных установок в качественной методологии. Одна из важнейших тенденций при этом заключалась в отходе от «глобальных тем» (эволюция социальных структур, ритуалов, материальной культуры, описание институтов, мифологическое мышление и пр.) к *микроисследованиям повседневной жизни* [Маркус 2012: 55]. Иными словами, наметилась тенденция к производству *локального знания*, отмеченная в названии известной книги К. Гирца “Local Knowledge” [Geertz 1983]. С 1990-х гг. похожая тенденция характерна и для российской этнографии/антропологии, здесь она была связана с отходом от формационной концепции и с острой дискуссией вокруг субстанциалистских и конструктивистских подходов к этничности, тлеющей до сих пор. Этому уже посвящено значительное число публикаций, в частности, в одной из них сообщается о смещении внимания исследователей с «основных» явлений на «периферийные», от «главных обрядов» к «ритуализованным формам поведения» [Современные тенденции... 2014: 7].

В докладе будет представлено несколько разновидностей микроисследования как метода / методологической установки к изучению современных этноконфессиональных течений (на примере Республики Алтай). Будут рассмотрены возможности методов «*микроэтнографии*», антропологического *перспективизма* и *полилокальной этнографии* (Multi-sited ethnography). Во всех разбираемых случаях объектом полевого исследования является не тексты, не структура общества и т.п., а *социальная ситуация*. Сбор текстов и наблюдение за поведением предпринимается не с целью со-

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ, проект № 16-06-00286 А «Мониторинг актуального фольклора: база данных и корпусный анализ».

ставления перечня/карты мотивов, объектов, социальных форм, но для того, чтобы, например, выяснить, с какой из разновидностей трансформаций мы имеем дело. К исследованиям ситуаций повседневности это можно пояснить так: ружья и снегоходы коренным образом трансформируют повседневность и способы трансляции информации у северных народов, в то время как такая новация, я как автомобиль, у народов Южной Сибири «поглощается» традиционными представлениями и ритуальными практиками.

С точки зрения подобного подхода не имеет смысла исследовать этноконфессиональные течения на Алтае как группы с определенными взглядами / мифологией / социальной структурой / границами. Поскольку, во-первых, мы получим статичный описательный материал, уже известный, например, по описаниям отечественных религиоведов и социологов, во-вторых, за редким исключением, этих течений как социальных групп не существует. Однако, судя, например, по дискуссиям в местной прессе, этноконфессиональные течения и соответствующие мифологические представления при этом существуют. Но каким образом, спросим себя, это возможно? Они существуют не как группы с процессами включения/исключения участников, но как различные ситуации, в которых конкретному человеку важно воспроизвести какие-то мифологические/ритуальные тексты, декларации, номинации, использовать какие-то вещи, употреблять какую-то пищу и пр. Здесь для нас чрезвычайно важна методология, основанная на критике «группистского подхода», разработанная Роджерсом Брубейкером [Брубейкер 2012].

Далее, описывая и анализируя эти ситуации, исследователь применяет ту или иную разновидность антропологического микроисследования. Например, в одном из случаев я столкнулся с тем, что развитие и трансляция мифологических текстов алтайцем X происходили не только и не столько в конкретном селе, но, как было выяснено, принципиальное значение имели его поездки и сотрудничества за пределами села — в столице Республики и в

других тюркских государствах (Киргизия, Турция). Пытаясь исследовать такую ситуацию, мы не можем оставаться в рамках классического включенного наблюдения, а говорим о полилокальной или мультиместной этнографии (*multi-sited ethnography*) — концепции, введенной в научный оборот Д. Маркусом в программной статье 1995 г. [Marcus 1995; см. также: Маркус 2012: 57, 66] и широко обсуждающейся в западной антропологической литературе вплоть до настоящего времени (см., напр., [Falzon 2009]).

В другом случае я стал свидетелем и участником автотранспортного происшествия, которое тут же повлекло за собой актуализацию ритуальных текстов, особую регламентацию поведения людей, затем я почти весь вечер был свидетелем долгого молчания, а потом, спустя несколько дней, эти же люди мне рассказывали мифологические тексты, относимые к пережитой ситуации. Таким образом, в течение этих ситуаций проявлялось одно из изучаемых мною этноконфессиональных течений, во взаимосвязи локуса, акторов, испытываемой ими проблемы, производимых слов и совершаемых действий. В свою очередь, описывая все это, я использую микроэтнографию / микроэтнографическое описание как метод и как результат описания [Ssorin-Chaikov 2016]. Таким образом, в своем поле антрополог обращается к разным методам микроисследования ситуаций.

Литература

Брубейкер 2012 — Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012.

Маркус 2012 — Маркус Дж. О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: сб. статей / ред. и сост. А.Л. Елфимов. М., 2012. С. 48–67.

Современные тенденции... 2014 — Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. №1. С. 6–101.

Falzon 2009 — Multi-sited ethnography: Theory, praxis and locality in contemporary research / ed. by M.A. Falzon. Farnham, 2009.

Geertz 1983 — *Geertz C.* Local knowledge. N.Y., 1983.

Marcus 1995 — *Marcus G.E.* Ethnography in/of the world system: The emergence of multi-sited ethnography // ARA. 1995. Vol. 24. P. 95–117.

Ssorin-Chaikov 2016 — *Ssorin-Chaikov N.V.* Two Lenins and the gift of modernity: a brief anthropology of time. 2016 (в печати).

История бурятской девушки от рождения до смерти и после нее: как анализируют фольклор в современной монголистике

Юлия Ляхова

За последние 20 лет методы изучения монгольского фольклора в западной науке достаточно сильно изменились. Длительная полевая работа, интерес к отдельным монгольским этносам и субэтносам и подробные case studies, расширение тематического поля и смещение интереса в сторону социальной и культурной антропологии в общих чертах характеризуют последние десятилетия развития западной монголистики. Тематические предпочтения исследователей изменяются, с одной стороны, следуя общим тенденциям в фольклористике и антропологии, с другой стороны, из-за того, что колоссальные изменения претерпевает само поле.

Исследования можно разделить на группы в зависимости от тематики и методов работы с материалом:

- Достаточно много внимания уделяется исследованиям национализма и монгольской идентичности в постсоветский период. Период социализма характеризовался навязанной Советским Союзом идеологией халха-центризма. Невозможность других монгольских субэтносов считать себя «настоящими» монголами сформировала у их представителей особый тип «кризисной идентичности» [Bulag 1998; Shimamura 2004].

Помимо отношений халхасцев с другими монгольскими народами активно исследуются монгольско-китайские отношения [Bulag 1998]. Нетерпимость к китайцам рассматривается через анализ циркулирующих в обществе слухов и сплетен, городских легенд и представлений о китайских духах [Delaplace 2010; Bille 2008]. К этому блоку тем примыкают исследования коллективной памяти в Монголии, базирующиеся на глубинных интервью о коллективном переживании репрессий, исследования о специфике восприятия истории и исследование политических анекдотов и юмора [Pedersen 2006; Humphrey 2002; Kaplonski 2000; 2004].

- Не теряет актуальности тема монгольского шаманизма. Однако методология ее изучения меняется. Исследователи уходят от традиционного разделения монгольских обрядов на буддизированные шаманистические и на чисто буддийские практики. На смену этого деления приходит метод рассмотрения системы верований как целого [Atwood 1996]. В русле продолжающегося отказа антропологии от универсальных теорий французские исследователи подробно разбирают и развенчивают теорию универсального шаманизма [Francfort, Namayon, Bahn 2001]. Одновременно продолжается интенсивная работа по исследованию современного городского фольклора и неошаманизма.

- Разрабатываются исследования в русле теории перспективизма Э. Вивейроса де Кастро [Viveiros de Castro 1998; Descola 1992]. Есть работы, в которых рассматриваются конкретные кейсы, например, в статье Катерины Сванкэтт речь идет об отношениях в отдельно взятой семье и об инновациях (новые защитные обереги и действия), которые один из членов этой семьи вводит в фольклорный обиход. С точки зрения перспективизма в данном случае рассматриваются шаманские практики, легитимирующие эти фольклорные инновации [Swancutt 2008]. Есть и более общие исследования, например, М. Педерсен, используя концепцию перспективизма, сравнивает общества севера Северной Азии и юга этого региона по способу восприятия и концептуализации мира, который он связывает с их социальной структурой [Pedersen 2007; Pedersen 2001].

- В США выходят сборники и отдельные статьи, посвященные исследованию приграничных территорий Монголии и Китая и монгольско-российских границ [Billé, Delaplace, Humphrey 2012].

- К этой теме примыкают исследования о мобильности в культуре монголов [Humphrey, Sneath 1999]. Номадизм и оседлость рассматриваются как взаимопроникаемые и влияющие друг на друга системы [Legrand 2006].

Таким образом, в последние десятилетия развития монголистики изменяется как круг тем, интересующих исследователей (он

расширяется, включая в себя новые области), так и методы исследования материала. К традиционным темам прибавляется новый материал, фольклористика продолжает социологизироваться. Инструментарий исследователей и терминология тоже не остаются неизменными. Расширяется круг идей, с помощью которых интерпретируется новый материал — например, для исследования шаманизма и монгольских актуальных верований начинают активно использоваться идеи перспективизма и возрожденный термин «анимизм», для рассмотрения некоторых аспектов постсоветского сознания, исследования конспирологии и слухов используется заимствованный из психологии термин «паранойя» и т.д.

В докладе будет рассмотрен один кейс, на примере которого я покажу применение некоторых из описанных методов. У бурят Осинского р-на Иркутской обл. существует сюжет об «улейском множестве»: история о том, как девушку насильно выдали замуж и она совершила самоубийство. С ней покончили с собой и ее подруги. Девушки превратились в злых духов бохолдоев. Каждый погибший не своей смертью рядом с этим местом присоединяется к этому множеству. Подобные сюжеты можно найти во многих традициях. Однако именно для этого сюжета характерны (1) множественность духов и одновременно их единичность как целого, с их привязкой к определенному месту (с. Улей) и с определенными функциями; (2) существование сюжета в нескольких жанрах одновременно: он рассказывается как легенда о появлении демонологического персонажа, как быличка о встрече с ним, как объяснение запрета и как шаманское призывание; (3) шаманистический подтекст; (4) почитание их как заянов, т.е. наравне с духами шаманов и др.

Сюжет может рассматриваться с нескольких точек зрения: 1. Исследования идентичности (с одной стороны, этот сюжет существует на уровне «классического» фольклора и рассказывается с установкой на достоверность, с другой стороны, он становится элементом формирования бурятской идентичности: существует

балет на его основе и сюжет входит в круг тем, разрабатываемых в наивной литературе и обсуждающихся на бурятских форумах).

2. Рассмотрение сюжета в русле перспективизма (рассказ в большинстве случаев ведется с точки зрения погибшей девушки, рассказчик проявляет сочувствие к героине, несмотря на то, что она становится опасным духом. В традиционном халха-монгольском фольклоре такие рассказы не распространены, в отличие от фольклора прибайкальских бурят и многих других народов).

3. Рассмотрение данного сюжета в рамках исследований по бурятскому и северомонгольскому шаманизму. 4. Социологическое исследование отношения бурят и монголов к самоубийствам (буряты, как и русские, не хоронили самоубийц на общем кладбище и верят, что их души остаются на земле неуспокоенными духами, однако, в случае, когда самоубийство совершается из-за несправедливости и жестокости мужа, оно рассматривается как единственный выход и не осуждается).

Литература

Atwood 1996 — *Atwood C.* Buddhism and Popular Ritual in Mongolian Religion: A Reexamination of the Fire Cult // *History of Religions* 36. No. 2. 1996. P. 112–139.

Bille 2008 — *Bille F.* Faced with Extinction: Myths and Urban Legends in Contemporary Mongolia // *The Cambridge Journal of Anthropology* 28. No. 1. 2008. P. 34–60.

Bulag 1998 — *Bulag U.* Nationalism and Hybridity in Mongolia. New York, 1998.

Delaplace 2010 — *Delaplace G.* Chinese Ghosts in Mongolia // *Inner Asia* 12. No. 1. 2010. P. 127–141.

Descola 1992 — *Descola P.* Societies of nature and the nature of society // *Conceptualising society* / ed. by A. Kuper. London, 1992.

Francfort, Hamayon, Bahn 2001 — *Francfort H.-P., Hamayon R., Bahn P.* The Concept of Shamanism. Budapest, 2001.

Billé, Delaplace, Humphrey 2012 — *Frontier Encounters. Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border* / ed. by F. Billé, G. Delaplace and C. Humphrey. Cambridge, 2012.

Humphrey 2002 — *Humphrey C.* Stalin and the Blue Elephant: Paranoia and Complicity in Post communist Metahistories, // Transparency and Conspiracy: Ethnographies of Suspicion in the New World Order // ed. by H. West and T. Sanders. Durham (NC), 2002.

Kaplonski 2004 — *Kaplonski C.* Truth, History and Politics in Mongolia. The Memory of Heroes. London, 2004.

Kaplonski 2000 — *Kaplonski C.* Victims and Victimhood: the moral legacy of political repression in Mongolia // Paper presented at the Mongolian and Inner Asia Studies Unit. University of Cambridge, 2000.

Legrand 2006 — *Legrand J.* Textes Relatifs Au Pastoralisme Nomade Mongol (1979–2005). Paris, 2006.

Pedersen 2001 — *Pedersen M.* Totemism, Animism and North Asian Indigenous Ontologies // The Journal of the Royal Anthropological Institute 7. No. 3. 2001. P. 411–427.

Pedersen 2006 — *Pedersen M.* Tarrying with Repression: Political Anecdotes and Social Memory in Northern Mongolia // Inner Asia 8. No. 2. 2006. P. 163–181.

Pedersen 2007 — *Pedersen M.* Multiplicity without Myth: Theorising Darhad Perspectivism // Inner Asia 9. No. 2. 2007. P. 311–328.

Shimamura 2004 — *Shimamura I.* The Movement for Reconstructing Identity through Shamanism: A Case Study of the Aga-Buryats in Post-Socialist Mongolia // Inner Asia 6. No. 2. 2004. P. 197–214.

Swancutt 2008 — *Swancutt K.* The Undead Genealogy: Omnipresence, Spirit Perspectives, and a Case of Mongolian Vampirism // The Journal of the Royal Anthropological Institute 14. No. 4. 2008. P. 843–864.

Williams 2002 — *Williams D.M.* Beyond Great Walls: Environment, Identity, and Development on the Chinese Grasslands of Inner Mongolia. Stanford, 2002.

Буддисты и даосы как информанты

Аглая Старостина

Во время интервью, проводившихся индивидуально и в составе группы в разных городах и деревнях провинции Хэбэй, в Пекине, в Сиани (главный город провинции Шэньси) и в ее окрестностях наше внимание привлекла такая группа информантов, как даосские и буддийские монахи, а также представители соответствующих общин.

В целом монахи и храмовая администрация довольно охотно идут на контакт с фольклористами, спорадически привлекая к общению некоторых мирян из общины и препятствуя общению с недостаточно просвещенными ее членами. Так, поговорить с уборщицей или с поваром в храме практически невозможно, если поблизости присутствует монах. Это связано с правилами общения с внешним миром и в том числе с иностранцами; правила, насколько можно судить, согласовываются на уровне уездной или провинциальной Буддийской или, соответственно, Даосской ассоциаций.

По сравнению с прочими информантами, среди монахов наблюдается более определенное представление о том, что есть суеверие. Как правило, непосредственному осуждению подвергаются различные локальные практики, традиционно связанные с данным культовым центром, но не получившие рационального объяснения в рамках школы, к которой принадлежит духовенство данного храма (сжигание хвороста на городской площади в храмовые праздники, обращение к местным гадателям для выбора имени и пр.). Кроме того, монахи могут демонстрировать нарочитое отсутствие интереса к легендам, связанным с храмом или с местностью, где он расположен, и утверждать, что ничего о них не знают (степень правдивости этих утверждений, по всей видимости, неодинакова). Монахи охотно признают, что знакомы с мифологическими рассказами, привязанными к местности, в тех случаях, когда они касаются, например, даосских бессмертных

(сянь/шэньсянь) — в случае с даосами, — или, соответственно, буддийских божеств, причем эти рассказы не должны противоречить признанным в данной школе агиографическим версиям, хотя и могут дополнять их.

Представителями буддийской общины, насколько удалось заметить, наиболее любимы рассказы о воздаянии (чаще рассказы о расплате за грех, вольный или невольный, чем о награде за благой поступок), включая рассказы о перерождениях. Героями этих рассказов бывают как герои/боги, жившие в прошлом (Гуань Юй), так и наши современники, знакомые рассказчика. Даосы (как монахи, так и миряне), по наблюдениям, предпочитают рассказы о достижении долголетия, об одержимости и ее преодолении, а также о священных животных.

Привлекает внимание четко очерченная группа табуированных тем: так, буддисты, в отличие от даосов, не любят говорить о сверхъестественных способностях адептов (хотя намеки на это регулярно проскальзывают); считаются неуместными разговоры с непосвященными о божествах, являющихся в медитации; даосы стараются обходить молчанием обычаи, связанные с локальными божествами, для которых не существует официальных храмов.

И буддисты, и даосы в большинстве случаев рассматривают исследователя как потенциального прозелита, но если монахи обычно облачают свою активность в данном направлении в формат более или менее ненавязчивой проповеди, то миряне, более свободные в общении, свои рассказы об истинности собственной религии обильно иллюстрируют примерами чудес, случившихся или долженствующих случиться с ними, их знакомыми или домашними животными.

Мировая синология располагает подробными описаниями жизни и верований буддистов и даосов, по большей части выполненными с 1850-х по конец 1930-х гг. В этот период европейские (включая сюда российских), американские и китайские ученые и путешественники успели пообщаться с множеством монахов и мирян и записали сотни мифологических сюжетов, бытовавших в

этой среде. Затем следовал значительный перерыв — вплоть до середины 1980-х, когда постепенно снова стали появляться возможности для этнографического изучения современного буддизма и даосизма.

Состав и характер функционирования буддийских и даосских общин в материковом Китае претерпели серьезные изменения в ходе последнего столетия. И священнослужителей, и верующих буддистов и даосов в стране стало заметно меньше; но в то же время традиционные религии в настоящее время переживают период возрождения и пользуются заметной поддержкой властей (с даосизмом, впрочем, все несколько сложнее). При контактах с буддистами и даосами целесообразно пользоваться результатами наработок исследователей, работавших в XIX — первой половине XX в. и одновременно фиксировать произошедшие после «глухого периода» 1940–1970-х гг. изменения.

Антропология города: методы исследования

Прикладная городская антропология: теория и практика

Михаил Алексеевский

В Великобритании термин «прикладная антропология» впервые был использован в научной работе еще в 1881 г., и спустя несколько десятилетий это направление исследований получило широкое признание как в Европе, так и в Америке [Sillitoe 2006: 6]. С тех пор история мировой прикладной антропологии знала как взлеты, так и падения, однако последние несколько десятилетий востребованность и популярность этой дисциплины в мире неуклонно растут. Если раньше большинство молодых специалистов, получивших антропологическое образование, находили работу в университетах и продолжали заниматься академической наукой, то теперь все больше выпускников находит работу в общественных и коммерческих организациях, где их задача заключается в том, чтобы проводить прикладные исследования [Brondo, Bennett 2012].

В России до недавнего времени прикладной антропологии в современном западном понимании практически не существовало, лишь в Институте этнологии и антропологии РАН с начала 1990-х гг. проводились научные исследования по «прикладной и неотложной этнологии», главным образом ориентированные на решение межнациональных конфликтов и корректировку национальной и этнорегиональной политики (подробнее см. [Лопуленко 2012]). Между тем мировой опыт показывает, что в настоящее время антропологические подходы и методы исследования являются востребованными и для решения тех проблем современного общества, где категории этничности не имеют большого значения.

Можно предположить, что в обозримом будущем прикладные антропологические исследования будут получать все большую популярность и в России. К сожалению, теоретические и методические принципы прикладной антропологии в отечественной науке очень слабо развиты, а мировой опыт также оказывается почти неизвестным. Следует добавить, что некоторые методические на-

работки западной прикладной антропологии не всегда могут быть успешно применены в российских реалиях из-за целого ряда социокультурных различий. В этих условиях особое значение имеет изучение опыта проведения подобных исследований в России, однако подобных кейсов еще недавно было совсем мало.

Предлагаемые занятия (теоретическая лекция и практический семинар) являются своего рода введением в проблематику современной прикладной антропологии, которая рассматривается на материале одной из субдисциплин — прикладного антропологического изучения современного города [Low 2014]. Во время лекции слушатели смогут бегло познакомиться с историей развития зарубежной городской антропологии и узнать, в какой момент и по каким причинам она начала развиваться в прикладном направлении. Также аудитории будет предложен анализ практических проблем и задач современного города, которые могут быть решены с помощью антропологических исследований. В завершении лекции речь пойдет о том, в чем заключаются основные различия между академическими и прикладными антропологическими исследованиями, проводимыми в городе, какие методы сбора и анализа рекомендуется выбирать в тех или иных случаях, как анализ собранного материала позволяет делать практические выводы и рекомендации, отвечающие на поставленные вопросы. Помимо нескольких показательных кейсов из зарубежных исследований во время лекции в качестве примеров будут рассмотрены исследования, проведенные автором и его коллегами в рамках деятельности Центра городской антропологии КБ «Стрелка» [Алексеевский 2015], небольшой научной структуры, которая с 2013 г. занимается прикладной городской антропологией в России.

Семинарское занятие будет посвящено практическим вопросам проведения прикладных антропологических исследований в малых городах России. Участники семинара, разбившись на команды, должны будут разработать программы исследовательских проектов, направленных на развитие Переславля-Залесского и улучшение уровня жизни его жителей.

Литература

Brondo, Bennett 2012 — *Brondo K.V., Bennett L.A.* Career Subjectivities in U.S. Anthropology: Gender, Practice, and Resistance // *American Anthropologist*. 2012. Vol. 114(4). P. 598–610.

Sillitoe 2006 — *Sillitoe P.* The Search for Relevance: A Brief History of Applied Anthropology // *History and Anthropology*. 2006. Vol. 17. Issue 1. P. 1–19.

Low 2014 — *Low S.* Spatializing Culture: An Engaged Anthropological Approach to Space and Place // *The People, Place and Space Reader*. New York; London, P. 34–39.

Алексеевский 2015 — *Алексеевский М.Д.* Прикладная городская антропология // *Управление развитием территорий*. 2015. № 1. С. 20–24.

Лопуленко 2012 — *Лопуленко Н.А.* Исследования по прикладной и неотложной этнологии (1990–2011): аналитический обзор. М., 2012.

Мегаполис в объективе: методы изучения визуальных материалов в городской антропологии

Дарья Радченко

В современном мире практики фотографирования приобрели особое значение в процессе освоения городского пространства. Фотография и маркирует сам факт пребывания на определенной территории, и формирует проекцию статуса, «престижности» территории на ее посетителя.

При этом фотографии становятся не только достоянием автора и его ближайшего окружения, но и выкладываются в социальные сети, где формируют «коллективный» взгляд на городское пространство. Несмотря на то, что цифровая фотосъемка и мобильная связь оказали значительное влияние на массовость практики и скорость распространения фотоснимков, до попадания в социальные сети они проходят селекцию, осуществляемую самим пользователем. В силу того что отбор материалов для публикации на подобных платформах жестко связан с социальными стратегиями публикующего, важным элементом этого отбора становится проективное представление о целевой аудитории и ее ожиданиях.

Такой социально-ориентированный взгляд на городское пространство характерен не только для туриста в традиционном смысле слова, но и для «местного туриста», посещающего те или иные территории и объекты в границах своего населенного пункта (см., например, [Garrod 2008]). В результате совокупность любительских фотоснимков в сети является одновременно фактором, формирующим представление о некотором городском пространстве, и отражением априорных представлений о нем определенных социальных групп.

Анализ большого массива пользовательских фотографий в сети качественными и количественными методами позволяет не только описать типичные практики любительской фотосъемки, но и увидеть территорию глазами ее посетителей, определить связанные с ней ключевые интересы, значимые объекты, «слепые зоны»,

проблемы, ограничивающие пользование территорией, гендерные особенности пользования территорией, выявить локальные и календарные практики, локальные сообщества и т.д. Ранее [van der Drift 2015; Tifentale, Manovich 2015] предпринимались проекты, связанные с изучением фотографий в масштабе big data. Этот подход, давший интересные результаты на крупных территориях, однако, не оправдывает себя при работе с отдельными объектами и отдельными городскими пространствами, требуя уточнения при помощи digital-антропологии, в том числе качественных методов. На семинаре будут показаны методы и подходы к анализу массивов любительских фотографий на материалах исследования отдельных территорий Центрального округа г. Москвы.

Литература

Garrod 2008 — *Garrod B.* Exploring place perception a photo-based analysis // *Annals of Tourism Research*. 2008. Vol. 35. No. 2. P. 381–401.

Van der Drift 2015 — *van der Drift S.* Revealing spatial and temporal patterns from Flickr photography. A case study with tourists in Amsterdam. Thesis Report GIRS-2015-09. Wageningen University, 2015.

Tifentale, Manovich 2015 — *Tifentale A., Manovich L.* Selfiecity: Exploring Photography and Self-Fashioning in Social Media // *Postdigital Aesthetics. Art, Computation and Design* / ed. by David M. Berry, Michael Dieter. Palgrave Macmillan, 2015. P. 109–122.

**Мобильные методы:
изучение восприятия городского пространства
и повседневных практик горожан**

Александр Стрелетов

Проблема поиска методологических подходов для исследования восприятия пространства существует почти столько же, сколько существуют современные науки об обществе. В то же время бурное развитие постмодернистской теории в общественных науках и науках о городе дало существенный толчок к эволюции исследовательских парадигм и методологий, применяемых в этой области. Новое понимание социальных процессов и явлений как текучих, непостоянных, неустойчивых, изменчивых, гибких [Bauman 2000: 1–17], стало поводом для постмодернистской критики традиционных методов сбора данных, применяемых в общественных науках, как не отвечающих ни новой социальной реальности, ни новому взгляду на нее. В рамках дискуссии о методологии исследования восприятия пространства города исследователями, ориентированными на постмодернистские идеи, были сформулированы следующие проблемы:

1) Люди обыкновенно воспринимают пространство города не в любой момент, но перемещаясь по нему. Традиционные методы сбора данных в то же время обыкновенно предполагают «стационарное» размещение исследователя и информанта. В такой ситуации исследователь в действительности сталкивается либо с воспоминанием о пространстве, хранящемся в памяти информанта, либо с его мнением о пространстве, но не с непосредственным восприятием.

2) Люди воспринимают пространство города и свое передвижение по нему неререфлексивно (как и любую повседневную практику).

3) Восприятие пространства обыкновенно плохо или совсем не поддается вербализации, поскольку в значительной степени происходит на уровне ощущений и впечатлений.

4) Ощущения от городской среды в целом, так же как ощущения от отдельных территорий, пространств и типов пространств, связаны не только с некими ее объективными характеристиками, и даже не только с непосредственным сиюминутным восприятием или сложившимся мнением, но и с личной жизненной траекторией. В определенном смысле каждый горожанин живет и существует в своем собственном городе, наполненном уникальным содержанием, понятным и значимым лишь для него одного.

Предлагаемый доклад будет посвящен группе методов, представляющих собой разновидность mixed methods research, применение которых способно, по крайней мере отчасти, снять описанные выше методологические проблемы. Речь идет о так называемых «мобильных методах»: биографической экскурсии [Стрельникова 2012], методе go-along [Kusenbach 2003], интервью в движении и других. Обобщая, отметим, что суть этих методов заключается в передвижении исследователя по городскому пространству вместе с информантом или группой информантов. Включенность в пространственные практики информантов способствует выполнению целого ряда разнообразных задач, которые могут стоять перед исследователем восприятия пространства или городским исследователем [Серто 2010]. Так, к примеру, уточняющие вопросы исследователя о выбранном маршруте, об объектах и людях, встречающихся на пути, об увиденном и услышанном, произошедшем и происходящем способны дать представление о множестве аспектов восприятия пространства, которые не могли бы быть схвачены «ретроспективно», впоследствии, то есть без прямого и непосредственного контакта информанта с городской средой.

Мобильные методы также помогают приблизиться к пониманию того, как люди связывают свое собственное прошлое и настоящее с прошлым и настоящим окружающей их пространственной среды. В этом смысле мобильное биографическое интервью, биографическая экскурсия обладает значительным сходством с обращением к фотоальбому: контакт с территориями, наполненными для ин-

форманта персональными значениями, вызывает к жизни воспоминания о событиях и образах пошлого, помогает выразить множественные связи между городским пространством и историей собственной жизни.

Литература

Серто 2010 — *Серто М. де. Практика повседневной жизни. Пространственные практики / пер. с англ. Н. Эдельмана // Прогнозис. 2010. № 1 (20). С. 151-184.*

Стрельникова 2012 — *Стрельникова А.В. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М., 2012.*

Урри 2012 — *Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М., 2012.*

Bauman 2000 — *Bauman Z. Liquid Modernity, 2000.*

Kusenbush 2003 — *Kusenbach M. Street Phenomenology: The Go-Along as Ethnographic Research Tool // Ethnography. 2003. № 4 (3). P. 455-485.*

Мифологический рассказ о городе: жанровые маркеры и оценки вариативности

Елена Малая

Одной из теоретических проблем, разрабатываемых фольклористикой и другими гуманитарными дисциплинами, является жанровая классификация фольклора и ее соотношенность с типами речевых актов, темами высказываний, сопроводительными практиками и особенностями речи (спонтанностью и регламентированностью, произвольностью и формальностью, лексическим набором и речевыми оборотами). Анекдот явно обособлен от остального текста разговора, в рамках которого он прозвучал, и его жанровый статус под сомнение не ставится. Менее тривиален вопрос, каким образом быличка, прозвучавшая в интервью, отграничивается от текста, в который она погружена; однако определенные способы решения этой проблемы все же существуют [Веселова 2000; Зиновьев 1974; Виноградова 2004; Левкиевская 2008]. Ситуация с другими текстами городской традиции намного сложнее — жанровая система постфольклора во многом неотчетлива и не вполне установилась. Некоторые жанры ее очевидны, а некоторые прячутся в языковой магме, и современных исследовательских инструментов недостаточно, чтобы их уверенно выделить и формализовать. Благодаря этому периодически случаются «открытия» ранее не описанных жанров — как фольклорных, так и принадлежащих более широкому антропологическому срезу (в свое время так были открыты советские «страшилки», которые сейчас, видимо, трансформировались в другой жанр [Трыкова 2001]; так была обнаружена игра в «страну-мечту» [Лойтер 2001; Гладких 2015]; так были выделены из «кухонных» разговоров лamentsии о «лихих девяностых», описанные Нэнси Рис [Рис 2005]). Таким образом, поиск устойчивых тектопорождающих моделей современного фольклора, определение в речевом потоке границ жанров, особенно «неявных» — актуальная методологическая проблема, в рамках которой находится и настоящее исследо-

вание. Если проанализировать интервью, в которых люди говорят о своем восприятии города, станет ясно, что перед нами неоднородный текст. Пока информанты говорят о своем детстве, об опыте переездов и основных маршрутах, о любимых местах, о даче или расположении школы (именно эти темы были «затравочными» в интервью), речь собеседников кажется вполне обычной, ничем не отличающейся, скажем, от разговора о погоде. Однако когда речь заходит о городских впечатлениях (особенно впечатлениях приезжего), об ощущении от «города вообще», стилистика высказываний меняется. Информанты переходят на другой речевой регистр, трансформирующий некоторые характеристики текста (методы анализа смены речевых регистров взяты из учебника Черемисиной-Еникополовой [1999] и из работы Дугласа Байбера [2012], опирающегося на программную работу Фергюссона о диалогии [2012]). Темп речи замедляется, говорящий тщательнее подбирает слова, причем при их выборе он ориентируется на литературный стиль, близкий к поэтическому («когда город окутывает тьма»; «сумрак клубится в окнах домов»). Все слова произносятся в полной форме, исчезают сокращения и сленговые лексемы, встречавшиеся в начале интервью и возвращающиеся в конце. Тембровая окраска меняется в сторону темных обертонов, звучащих загадочно, говорящий отстраняется от слушающего и словно бы озвучивает предание или сказку. Наблюдается плавный тональный переход между синтагмами. Интонационный контур строится как идущая сверху вниз диагональ, голос понижается к концу предложения и растворяется в многозначительной паузе. Именно в этих текстах появляется — эксплицитно или имплицитно — метафоризация города, его одушевление или аллегорическое олицетворение (город призрак смотрит пустыми окнами и не хочет пускать к себе гостей). Таким образом, фантастическое содержание подкрепляется формой изложения — человек излагает мистическое знание о городе и опирается в выборе и лексики, и регистра изложения на литературные или кинематографические образцы «рассказа о тайне». Однако такие повествователь-

ные тексты — не единственные, в которых встречаются представления об одушевлении городов. Помимо вышеописанной текстовой модели люди используют и нейтральную разговорную речь для вербализации данной мифологемы. В этом случае роль маркеров фантастического берут на себя только содержательные и структурные части текста, а не речевые особенности его порождения. Такие «разговорные» рассказы напоминают былички. В отличие от первого типа текстов, в них рассказ строится вокруг конкретного случая взаимодействия с одушевленным городом («город меня держал», «город меня водил», «город строил мне козники», «город ответил на мой вопрос»). Существуют промежуточные варианты, где человек погружает рассказ о личном опыте в богатый квазилитературный текст, полный обобщенной рефлексии и рассказанный, как сказка или древнее предание. Благодаря этому мы можем обсудить «шкалу вариативности» внутри жанра мифологического рассказа о городе. Полюсами ее будут «чистые» типы, довольно часто встречающиеся в интервью: полностью «разговорная» быличка, с одной стороны, и обобщенный текст, не содержащий рассказа о личном опыте, но позиционирующий одушевленность города как онтологическую данность, с другой. Подводя итог, следует отметить, что исследование мифологических текстов о городах выявляет корреляцию между речевым регистром рассказа и его содержанием. Истории, посвященные личному опыту столкновения с «волей» города, организуются как спонтанный, разговорный текст. Кроме того, именно в этих текстах встречаются рассказы о мифологических практиках, связанных с одушевлением города (гадания на «знаках», посылаемых городом, просьбы, обращенные к нему и т.д.). Истории же, посвященные обобщенному образу города, не делают акцент на личном опыте, а представляют собой устно-литературный текст, сказку или предание, что требует отстранения от собеседника и перехода на другой речевой регистр — регистр мистического или таинственного рассказа. Разделение текстов производится по двум соотносящимся друг с другом группам признаков: на основании

содержательного (структурного) анализа и на основании описания лингвистических особенностей речи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пример типа А. Интервью со сменой речевого регистра¹.

[Речь идет о сборнике стихов андеграундной поэтессы] [ИГ.:] Могу совершить акт кражи авторских прав и отправить его тебе, хочешь? [Соб.: Хочешь!] Зуб есть? [Соб.: Э...] Синий который. [Соб.: Кто-кто?] Синий зуб есть? Ну, блютуз². У меня есть. [Соб.: А... Есть.] Э... поищи меня. Я называюсь Леново Ко семьсот восемьдесят, щас сопряжемся... Щас, я его... ещё не взял... А ты вообще те... с Тенью сталкивалась раньше? С которой... Тень, которая Давыдова? Ну посмотри. Во. [ИГ пересылает файл собирателю.] [...]. [Соб.: А какой город ты считаешь родным? Ну, ну в смысле, какой город у тебя ассоциируется с детством?] Ну... Сложно сказать. Моё детство прошло в переездах, и тот город, который связан с моим самоопределением — это всё-таки Симферополь. Моё самоопределение и становление проходило в Симферополе. [Соб.: А можешь Симферополь в таком случае описать? Таким, какой он казался тебе.] Симферополь — это не... опять же маленький городок, со своими, своими хара... со своими

¹ К сожалению, расшифровка не передает особенности речи (интонацию, тембр, темп, эмоциональную окраску), которые важны для вышеизложенных выводов. Однако некоторые лингвистические особенности все-таки отражены. Например, видно, что ИГ, в начале разговора употреблявший слова в неполной форме, использовавший сленговые выражения и недоговаривавший фразы до конца, переходит от этого к литературно ориентированной речи при рассказе об одушевленном городе.

² Bluetooth (от слов англ. *blue* — синий и *tooth* — зуб) — устройство для беспроводной передачи файлов между электронными носителями (в т.ч. телефонами). По корпоративной легенде, названо в честь Харальда I Синезубого, объединившего и крестившего скандинавские племена.

характерными особенностями... своими характерными особенностями. Это именно тот маленький городок, у которого уже есть своё лицо, своя история, потому что — ... ну, тоже, когда по общим рассказам... в ряде случаев... Он похож на... субъективно, он похож для меня на большого зверя. Тёплого и пушистого. Чем-то похожего на кота, но не кота, а кого-то более фантастического. Который свернулся и спит. То есть можно услышать его урчание. Иногда. [...] Его нужно было слушать. Так как в местах, когда тихо, есть чувство, когда, знаешь, когда тонкая-тонкая грань между городом и не городом, его можно было услышать. Например, в нём были места, в которых без повода страшно. Были места, в которых без повода грустно. Это чувствовалось в тех местах, в которых передается настроение города... [...]. [Есть] легенда о башне. Башня, которая возле психиатрической больницы. [...] Если закрыть глаза, то можно увидеть, как из этой башни начинает разрастаться... разраста... она вырастает, превращается в огромную, в тень как будто... как будто огромного собора. А вокруг неё Симферополь меняется. Разрастается в старый готический город. [Соб.: Это ты от кого слышал?] [ИГ усмехается.] А... это был безымянный... мне везет на безымянных безумцев, которые подходят ко мне и начинают рассказывать истории. Это была одна из них [ИГ].

Пример типа Б.

Нейтральный разговорный регистр, текст, содержащий личный опыт.

Я бежал по метро и просил у Москвы, чтобы я уехал. Во-первых, силы прибавлялись, чтоб бежать. Уверенность была, что... я успею. [Соб.: Лично просил, обращался?] Да. Я думал про... потраченные усилия, про то, что если я не успею, то будет плохо, скажем так, словом — жопа. Притом что я представил, что регистрация закончится, и мне придется плохо,

ну, все вопросы решать, эт самое. На самолет, нет, не, не опоздал, но пришлось бы очень нервно, вапще. Я думал про машиниста, чтоб его задержало, или чтобы ждали, что все люди сядут — ну, ма-аленькая... Задержка. Ну и да, я просил, просил. В любом случае это работает, видно... Я думаю, что нельзя слишком часто просить, а то не сработает. [Ты именно у города просил?] Ну... да... Это ведь я из неё, из Москвы пытался. Ну, я просил, чтобы меня отпустили [СД].

Информанты

ИГ — 1989 г. р., муж., род. в г. Симферополе, обр. высшее, устное интервью, зап. Е.К. Малой, Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.

СД — 1988 г.р., муж. род. в г. Красноярске, обр. высшее, устное интервью, расшифровка Е.К. Малой с записанного телефонного разговора, май 2015 г.

Литература

Байбер 2012 — *Байбер Д.* Аналитическая рамка для изучения языковых регистров // Социолингвистика и социология языка: хрестоматия; отв. ред.: Н.Б. Вахтин. СПб., 2012. С. 257–291.

Веселова 2000 — *Веселова И.С.* Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции: дис. ... канд. филол. наук. М, 2000.

Виноградова 2004 — *Виноградова Л.Н.* Былички и демонологические поверья: Границы фольклорного текста // Живая старина. 2004. № 1. С. 10–14.

Гладких 2015 — *Гладких Н.В.* Маленькие боги. Во что играли советские дети в 1970-е годы // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики / под ред. С.Ю. Неклюдова и др. М.: Форум, 2015.

Зиновьев 1974 — *Зиновьев В.П.* Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974.

Левкиевская 2008 — *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М., 2008. С. 341–363.

Лойтер 2001 — *Лойтер С.М.* Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск, 2001.

Рис 2005 — *Рис Н.* Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки; пер. с англ. Н.Н. Кулаковой, В.Б. Гулиды; предисл. И. Утехина. М., 2005.

Трыкова 2001 — *Трыкова О.Ю.* О современном состоянии жанров детского фольклора // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 3/4. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/doskolnoe_obrazovanie/12_5/ (дата обращения: 13.04.2016).

Фергюсон 2012 — *Фергюсон Ч.* Диглоссия // Социоллингвистика и социология языка: хрестоматия; отв. ред.: Н.Б. Вахтин. СПб., 2012. С. 43–62.

Черемисина-Еникополова 1999 — *Черемисина-Еникополова Н.В.* Законы и правила русской интонации: учеб. пособие. М., 1999.

***В масштабе 1:1: изучая акционизм,
публичные акции и политический фольклор***

Три способа сделать практику видимой: повествование, фиксация, картография

Виктор Вахштайн

Одна из центральных методологических проблем в исследованиях повседневности — проблема индексичности. Индексичность повседневных феноменов предполагает отказ от генерализации: данная конкретная изучаемая практика здесь-и-сейчас всегда локальна и контекстуальна. Но как в таком случае она должна фиксироваться и анализироваться? Сам акт фиксации уже предполагает ее «изъятие из контекста». На лекции мы рассмотрим несколько возможных методологических решений и порождаемые ими теоретические проблемы.

Рекомендуемая литература

Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. URL: <http://old.eu.spb.ru/ethno/courses/conspects/garfinkel.pdf> (дата обращения: 16.04.2016).

Гарфинкель Г., Сакс Х. О формальных структурах практических действий URL: <http://goo.gl/5hwHzO> (дата обращения: 16.04.2016).

Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/model-teksta-osmyslennoe-deystvie-kak-tekst> (дата обращения: 16.04.2016).

Тело, праздник, событие, сообщение — как нам увидеть публичную акцию¹

Алексей Титков

«Увидеть» для исследователя — действие прежде всего теоретического порядка, которое предполагается даже исходным смыслом слова «теория». Полевые впечатления еще не означают «увидеть», это только исходные восприятие и опыт, которые нужно каким-то образом правильно понять.

Массовые протесты 2011–2012 гг. в России привлекли в тему публичных политических акций новых исследователей, которые принесли в изучение этого сюжета фоновые теоретические представления из своих прежних исследовательских областей.

Проблему могут пояснить четыре концепта, вынесенных в название. Они образуют две пары, связанных по смыслу, и одновременно предполагают существенно разные, до противоположности, взгляды на публичные акции. «Праздник» (или «ритуал») и «событие» одинаково противопоставляют публичную акцию повседневности, но предполагают в ней, соответственно, или изменение (возможно, необратимое) социального контекста (событие) или, наоборот, его устойчивость и воспроизводимость (ритуал, праздник). Определение через понятие ритуала, в свою очередь, может подчеркивать или высокую интенсивность переживаний или, наоборот, рутинный «механический» характер действий, предельно далекий от переживания сильных эмоций. На этот контраст обратил внимание Т. Шефф [Sheff 1977], предложивший в качестве решения понимание ритуала, которое включало бы оба этих полюса.

«Тело» и «сообщение» показывают по отдельности два измерения, которые в участниках митинга соединены вместе. Активный участник, идущий на акцию с плакатом или другим аналогичным предметом, представляет, по сути, «киборга», в котором телес-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00068) «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

ность, искусственная материальность и передаваемый смысл (сообщение) дополняют друг друга. «Сообщение», как и «ритуал», тоже может отсылать к разным данностям в зависимости от того, имеем ли мы в виду сообщение в семиотическом смысле (например, в значении Парижской школы семиотики) или же для нас важна коммуникативная среда, в которой это сообщение циркулирует. В последнем случае мы приближаемся к понятию публики в смысле Г. Тарда, который видел в массовых собраниях, «толпах» материализованные коммуникативные сообщества, объединенные общим медийным пространством [Тард 1902].

Если мы предположим, что все эти понятия могут быть не разрозненными деталями, а связанными аналитическими переменными по типу выделявшихся Т. Парсонсом, можно попробовать выяснить, к какой теоретической картине они ведут, какую социальную онтологию подразумевают. Такой теоретической основой оказывается, скорее, не классическая «социология общества», а современные альтернативы социологии «за пределами обществ» по Дж. Урри [Урри 2012], в начале 2000-х гг. нашедшие «свою классику» в наследии Г. Тарда [Тард 1901a; Тард 1901b и др.; см. также: Latour 2001]. Поточковые и волновые реалии (например, медийные или вернакулярные реакции типа слухов), диффузия культурных форм, координация и вовлечение в «миры», соединяющие представления о справедливости с материальными «испытаниями» (как в прагматической социологии Л. Болтански и Л. Тевено [Болтански, Тевено 2013]) — в публичных акциях мы можем обнаружить ряд ключевых сюжетов постклассической социологии последних десятилетий.

«Социологический поворот» в этнографии и фольклористике, интерес к социальному контексту, в котором создаются популярные повседневные тексты, приводит исследователей прежде всего к «основному течению» социологии XX в. или реже микросоциологической альтернативе второй половины XX в. В обоих случаях исследователям предлагается интуиция устойчивого упорядоченного контекста (в макро- или микромасштабе), к которому индивид, как правило, приучен заранее и которому он должен

следовать. Возможности такого подхода, при всем его значении, все-таки ограничены и не включают в себя важные для современных исследователей случаи, когда нужно изучить явления, которые не сводятся к повторению или оспариванию существующего порядка, а создают что-то новое (например, новый лозунг, песня, шутка), набирающее затем популярность среди все более широкого круга людей. Социологи, интересующиеся такого рода темами, вынуждены возвращаться к теоретическим дебатам начала XX в. между Г. Тардом и Э. Дюркгеймом, которые долгое время казались «перевернутой страницей», но затем вновь стали актуальными сначала в континентальной философии (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, П. Слотердайк), а затем и в социальных науках [Latour 2001; The Tard Durkheim Debates 2007]. Картина мира, которую предлагает «новая социология», для гуманитарных наук может оказаться более полезной и одновременно более знакомой, больше подходящей к привычным исследовательским сюжетам.

Литература

Болтански, Тевено 2013 — Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М., 2013.

Тард 1901a — Тард Г. Социальные законы. СПб., 1901.

Тард 1901b — Тард Г. Социальная логика. СПб., 1901.

Тард 1902 — Тард Г. Общественное мнение и толпа. СПб., 1902.

Урри 2012 — Урри Дж. Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XX столетия. М., 2012.

Latour 2001 — Latour B. Gabriel Tarde and the End of the Social // Joyce P. (ed.). The Social in Question. New Bearings in History and the Social Sciences. London, 2001. P. 117–132.

Sheff 1977 — Sheff T.J. The distancing of emotion in ritual // Current Anthropology. 2006. Vol. 18. No. 3. P. 483–505.

The Tard Durkheim Debates 2007 — The Tard Durkheim Debates: Reenactment of 1903 Debate // Bruno Latour. URL: <http://www.bruno-latour.fr/node/354> (дата обращения: 16.04.2016).

Практика локального активизма и ее политический смысл: защита садиков и сквериков до и после Болотной

Олег Журавлев

Когда социологи рассуждают о победе или поражении социальных движений, они, как правило, оперируют устоявшимися критериями успеха. Движение считают успешным, если оно смогло достичь декларируемых целей и смогло сохранить самое себя в виде коллективного субъекта [Amenta, Caren 2004]. Движение «за честные выборы» 2011–2012 гг. не добилось ни того, ни другого. Тем не менее сторонники движения не устают повторять, что «Болотная» добилась важной победы: она изменила российское общество. Что они имеют в виду?

«Болотная» была опытом политизации прежде аполитичных людей, иными словами, движение «За честные выборы» изменило самих протестующих. Многие из них теперь готовы выходить на новые, более «тематические» митинги. Однако единичные мобилизации не могут служить убедительным свидетельством «нового состояния» политизировавшейся части общества. Чтобы зафиксировать изменения, необходимо выбрать в качестве объекта исследования долгосрочный вид коллективного действия, который существовал как до протестов 2011–2012 гг., так и после их завершения, и испытал на себе их влияние. Пожалуй, лучшим примером подобного коллективного действия является локальный активизм. Цель лекции — рассмотреть, сходства и различия между доболотным и постболотным локальным активизмом и понять влияние на сам этот «жанр» политических событий 2011–2012 гг. Мы увидим, что сравнение «нового» и «старого» локального активизма обнаруживает две тенденции: политизацию этики «реальных дел» и политизацию принадлежности к локальному пространству, локальной идентичности. Если «Болотный» протест был слишком абстрактным и потому, в действительности, аполитичным, то доболотный локальный активизм был слишком конкретным и инструментальным, сосредоточенным на «реальных

делах» и поэтому также демонстрировал дефицит политического [Клеман, Мирясова, Демидов 2010]. Превращение этики «реальных дел» в политическую стратегию, а также политизация восприятия локального пространства, чувство принадлежности к которому питает коллективное действие, привели к трансформации локального активизма в России. В новых локальных активистских группах этика «реальных дел» остается активистским кредо, но при этом уже не противопоставляется «политике», а становится источником переопределения политического. В свою очередь, локальное пространство начинает мыслиться не как совокупность близких мест и вещей, но как гражданское общество в миниатюре.

Литература

Amenta, Caren 2004 — *Amenta E., Caren N.* The legislative, organizational, and beneficiary consequences of state-oriented challengers // *The Blackwell Companion to Social Movements* / ed. by Snow et al. UK, 2004. P. 461–88.

Клеман, Мирясова, Демидов 2010 — *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М., 2010.

Рекомендуемая литература

Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // *От общественного к публичному* / под ред. О. Хархордина. СПб., 2011. С. 69–304.

Журавлев О., Савельева Н., Ерылева С. Разобщенность и солидарность в новых гражданских движениях // *Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 гг.* М., 2014.

Журавлев О., Савельева Н., Алюков М. Куда движется движение: коллективная идентичность российского протеста // *Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 гг.* М., 2014.

Мирясова О. Движение за экологическую безопасность города Сасово и Сасовского района. Жить, чтобы бороться. Бороться, чтобы жить // Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М., 2013. С. 200–277.

Увидеть и прочитать: реконструкция текста митинга¹

Александра Архипова, Дарья Радченко, Алексей Тутков

Проект «Голоса протеста» изучает публичную политическую акцию (ППА) как сложный коммуникативный акт с сильными и слабыми высказываниями участников акции.

Участник может прийти на акцию без явных знаков выражения своей позиции: такое действие мы рассматриваем как «нулевое сообщение» со слабым кодом, который выражается только в самом факте участия. Участники с плакатами, речевками, значками и перформансами — то есть с публичным политическим высказыванием, артикулирующим позицию участников при помощи вербальных или невербальных сигналов, — рассматриваются нами как носители «сильного высказывания». При этом сильный код такого высказывания может быть вербальным, визуальным, артефактным, акциональным. Ненулевые сигналы («сильные высказывания») составляют лексикон митинга, при помощи которого его участники обращаются к власти, аудиториям СМИ и друг к другу.

База данных «Голоса протеста» по публичным политическим акциям, собранная в 2014–2016 гг. (около 7000 единиц, 450 интервью) в ходе непрерывной полевой работы, позволяет реконструировать *коллективное высказывание* митинга: как говорят участники ППА с помощью представленных на плакатах цитат, языковых игр, дисфемизмов и др., (см. [Архипова, Сомин, Шевелева 2014]), о чем говорят и, собственно, к кому они обращаются (как правило, у митинга есть как минимум два противоположных адресата — ingroup или outgroup).

Во время семинара будут разобраны две стратегии конструирования «коллективного высказывания» на примере акций движения «Антимайдан» (февраль 2015 г.) и маршей памяти Немцова — в марте 2015 и 2016 гг.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 16-06-00286 «Мониторинг актуального фольклора: база данных и корпусный анализ».

Литература

Шевелева, Архипова, Сомин 2014 — *Шевелева А.И., Архипова А.С., Сомин А.А.* Шершавым языком плаката: оппозиционный дискурс на протестных акциях // Антропология протеста в России 2011–2012 гг. / сост. А. Архипова, М. Алексеевский. Тарту, 2014.

Одиночный пикет как форма коммуникации: к вопросу о методике собирательской работы на уличных политических акциях

Ирина Козлова

Всплеск уличной политической активности, начавшийся с конца 2011 г., моментально привлек к себе внимание исследователей, так что на сегодняшний день изучению уличных политических акций уже посвящены две коллективные монографии [«Мы не немцы!»... 2014; Политика аполитичных... 2014]. Большинство авторов статей, опубликованных в указанных книгах, по сей день продолжают активную полевую и аналитическую работу, а с появлением группы МАФ¹ исследования стали проводится коллективно и систематически. На коммуникативный аспект политических акций исследователи обратили внимание еще на самом раннем этапе изучения этого явления в 2012 г. (см. [Шевелева, Архипова, Сомин 2012]). Однако в статье Архиповой, Сомина, Шевелевой о коммуникации говорилось только на основании текстов плакатов. Также, исходя из текстов плакатов, группой МАФ была выработана следующая классификация адресатов, к кому обращаются участники акций:

- 1) нулевой (когда адресат не указан);
- 2) ingroup (когда участники обращаются друг к другу);
- 3) outgroup (когда участники обращаются к посторонним);
- 4) власть (институты: ФСБ, Государственная дума и т.п.);
- 5) власть (персоналии: Путин, Медведев и т.п.);
- 6) страна;
- 7) СМИ.

Классификация разработана на основании сотен зафиксированных текстов плакатов и служит хорошим инструментом для

¹ Исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора», созданная осенью 2014 г. при Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ Института общественных наук РАНХиГС, с начала 2015 г. издающая ежемесячные «Бюллетени» мониторинга актуального фольклора.

работы с вербальным (письменным) кодом, но определение адресата только на основании текста плаката кажется мне недостаточным. Поскольку, как показывают интервью и наблюдение над топографией митинга, участники акций не всегда действительно подразумевают, что их текст прочитает собственно его адресат².

С помощью своего исследования мне бы хотелось: 1) расширить и дополнить атрибуцию адресата высказываний политических акций, принятую на данный момент в группе МАФ; 2) посмотреть по возможности на ответную реакцию адресата. Для этого мне кажется целесообразным шире использовать материалы интервью и фиксации случайных реплик прохожих, которые пока учитываются недостаточно (интервью не отражаются в достаточной степени в базах группы МАФ, а реплики прохожих, насколько мне известно, вообще никем пока не фиксировались).

В связи с этим возникает два вопроса: 1) как нам определять адресата, если по вербальному коду плаката он один, а по интервью другой? 2) добивается ли (и как часто и в полной ли мере) адресант своей цели, обращаясь к адресату?

1. Если человек стоит на Невском проспекте с плакатом «СК! Умерь аппетит! Свободу Бученкову!», но говорит, что вышел, чтобы информировать людей о несправедливом аресте героя плаката, то Следственный комитет будет неким, условно говоря, «идеальным» адресатом, реальным же адресатом становятся прохожие, оказавшиеся в данное время в данном месте. Конечно, здесь важно учитывать, кроме плаката и интервью, еще и топографию акции, специально ли плакат делается на данный пикет или используется повторно и т.п.

2. Поскольку адресат оказывается не один, то, говоря о его реакции, мы должны учитывать этих «разных» адресатов. С фиксацией реакции адресата текста плаката дело обстоит довольно сложно: если текст обращен к власти, то мы можем узнать о ка-

² Эта проблема была озвучена в докладе Анны Кирзюк, сделанном на рабочем заседании группы МАФ в феврале 2016 г., что и побудило меня заняться более подробно вопросом адресата в интервью.

кой-то реакции адресата через некоторое время после акции, следя за новостями. Однако далеко не всегда есть возможность быть уверенным в связи действий власти и политическими акциями. Даже если после пикетов за освобождение кого-либо из политзаключенных герою плаката был сокращен срок заключения, нам сложно установить какую роль в этом сыграли именно политические акции, если никто из представителей власти ничего об этом не сказал.

В отличие от реакции адресата текста плаката, реакцию прохожих мы можем фиксировать непосредственно на акции, с помощью метода включенного наблюдения. Здесь я отмечу, что коммуникация на пикетах будет отличаться от коммуникации на шествиях или митингах, поскольку акционер, стоящий в пикете, оказывается «один на один» с прохожими: любой человек может подойти к нему и задать вопрос или высказать свое мнение о его действиях. Если политический активист говорил в интервью, что хочет рассказать о том, что есть несправедливо осужденный человек и к нему подходит прохожий и спрашивает: «А кто такой Бученков? А за что его посадили?», то получается, что участник пикета добился своей цели. Если же к нему подходят с вопросом «Сколько тебе платят за то, что ты тут стоишь?», то можно сделать вывод, что информативная функция все-таки сработала, так как прохожий обратил внимание, но сработала не совсем так, как хотелось бы акционеру. Рефлексия по поводу реакции прохожих также фиксировалась мною в интервью с участниками пикетов.

В своем докладе я хочу предложить рассмотрение поставленных вопросов на материале 57 интервью, записанных мною с декабря 2015 по март 2016 г. на 8 однотипных мероприятиях (представляющих собой серии одиночных пикетов) и по результатам включенного наблюдения (фиксации реплик прохожих) на тех же 8 акциях.

Литература

«Мы не немцы!»... 2014 — «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России 2011–2012 гг. / сост. А. Архипова, М. Алексеевский. Тарту, 2014.

Политика аполитичных... 2014 — Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 гг. М., 2014.

Шевелева, Архипова, Сомин 2012 — *Шевелева А.И., Архипова А.С., Сомин А.А.* Язык власти в речевой игре оппозиции // Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и материалы Междунар. школы-конференции, Москва — Переславль-Залесский, 27 апреля — 2 мая 2012 г. М., 2012. С. 302–313.

***Mississippi Heard.* Опыт социологического исследования через акционизм**

Екатерина Кораблева

Mississippi Heard — проект со сложной идентичностью, зародившийся скорее в нише акционизма и журнализма и уже в последствии осознавший ценность своего опыта для социальных наук. Осенью 2014 г. в рамках проекта Екатерина Кораблева (Санкт-Петербург) и Ханна Миллер (Миссисипи) за шесть недель пересекли штат Миссисипи пешком с севера на юг, документируя прогулку на фото-, аудио- и видеоносители, а также в полевых заметках, вовлекая местных жителей посредством социальных сетей и собирая интервью. Помимо находок в области местного дискурса, полученных посредством документации нарративов, проект *Mississippi Heard* располагает эмпирическим материалом о механизмах коммуникации в современном традиционном обществе, оригинальным опытом успешного входа в поле, привлечения и поддержания связи с информантами и, помимо прочего, может быть рассмотрен в контексте современной дискуссии об этике и инновациях в исследовательском процессе.

Инициатива «прогулки» принадлежала Ханне Миллер. Прожив пять лет в других штатах и в России, Миллер хотела заново открыть свой штат, один из исторически беднейших и самых непопулярных в США, завоевавший свою дурную репутацию яростным сопротивлением движению за права человека в период форсированной десеграции. Миллер привлекла к проекту Кораблеву, российского специалиста по американистике, прожившей год в одном из южных штатов и живо интересовавшейся проблематикой региона. Для осуществления коммуникации с местным сообществом была создана группа в «Фейсбуке», на которую к началу «прогулки» (12.10.14) подписались 596 человек, значительную часть составляли жители Миссисипи и близлежащих штатов.

Проект идентифицировался как кросс-культурный, интервью предполагали разговор о современном положении дел в штате, а

также о представлениях информантов о России. Значительный акцент был сделан на предоставлении местным жителям платформы для самоопределения в свете негативной риторики на национальном уровне, периферийном положении их культуры в международном воображении, а также сложностей идентификации в контексте исторических травм региона.

Исследователи располагали походным снаряжением, позволявшим им готовить еду и ночевать на природе, но так как для разбивки лагеря на территории Миссисипи необходимо разрешение собственника земли, каждый день инициативный житель района, через который пролегал маршрут, выходил на связь с путешествующими и брал на себя ответственность за их ночлег. Подобный механизм ежедневно открывал Миллер и Кораблевой доступ к частному пространству и социальным связям местных жителей, а также обеспечивал их стабильно большим количеством интервью, в то время как гласность, достигавшаяся интенсивной работой с социальными сетями и местной инициативой по привлечению новых участников, местных институтов и медиа обеспечивали путешествующим достаточный уровень безопасности на протяжении похода.

В связи с тем, что условия, в которые поставили себя исследователи, воспринимались местным сообществом как экстремальные, инициативные жители брали на себя роль «спасателей», в то время как фактор нарушения нормы, производимый исследователями, (*обочина дороги не место для людей, нельзя ходить вооруженным, пройти штат пешком невозможно*) создавал органичную среду для обсуждения и артикуляции присущих сообществу норм.

В процессе воплощения проекта стала очевидна его терапевтическая функция для штата, заклеянного как один из наиболее расистских в стране, а также то, что, вне зависимости от расы информантов, проект виделся им как возможность реабилитации репутации Миссисипи, что привело к коллективному усилению местных жителей, властей и институтов к осуществлению исследовательской инициативы.

С точки зрения этики отношений между исследователем и исследуемыми, а также этики социологического вмешательства опыт *Mississippi Heard* может быть рассмотрен как стратегия партисипаторного акционистского исследования, где лидирующая роль принадлежит представителю поля (активист Ханна Миллер), а периферийная — приходящему исследователю (социолог Екатерина Кораблева), в ситуации, где необходимость исследования и его дизайн продиктованы изнутри сообщества.

Нельзя упускать из виду того, что привлекательность проекта для местных жителей во многом обуславливалась неформальностью его инициативы и личной ангажированностью исследователей (*экологическая, феминистическая, демократическая, биографическая и эмоциональная повестки «прогулки»*), а также того, что подобный формат, имея социологическое измерение, все же не может идентифицироваться исключительно как академический, и скорее принадлежит территории *art social science* и акционизма.

Мы надеемся, что «прогулка» может послужить кейсом в дискуссии об открытости и коллаборативности полевых исследований, ухода от утопии безликого, объективного социолога, а также разработки академических проектов, в которых заложен потенциал социального действия и появления новых исследователей. Мы также надеемся, что после усовершенствования метода и анализа ошибок «прогулка» может быть воспроизведена новыми людьми в новом контексте.

**«Было — не было»: как работать
со следственными делами сталинской эпохи
на примере молодежного сопротивления 1940-х гг.**

Алексей Макаров

Доклад построен на совмещении двух тем — методика описания протестной активности с одной стороны и способы, методы работы с источниками советского времени с другой.

Априорное, профанное понимание того, что информация в следственных делах всегда ложная, так как получена под пытками и сами дела сфальсифицированы, сталкивается с необходимостью понять, как же эти дела фабриковались. С другой стороны, возможно ли вычленил вообще какую-либо достоверную информацию из следственных дел, если даже анкеты арестованного нередко заполнялись неверно из-за малограмотности следователей? Необходимость выработки такой методики является одной из главных задач исследователя, который изучает религиозную активность 1920–1930-х гг., молодежные подпольные группы 1940-х (о существовании которых известно прежде всего из мемуаров и устных источников) и лагерные восстания 1950-х гг. Критический подход тем более важен, что его отсутствие с одной стороны может привести к полному отрицанию какого-либо сопротивления при сталинском режиме, а с другой — к безоговорочному доверию протоколам допросов, в результате чего выходят «научные» труды, в которых доказывается существование «заговора военных» в 1937 г.

Отдельным вопросом для исследователя является описание форм протеста в тоталитарном государстве. Можно ли использовать список из 198 способов ненасильственного сопротивления Джина Шарпа? Как отличить подростковую игру в подполье от сознательного решения бороться с политическим режимом? При этом надо помнить, что даже установленный факт наталкивается на три разных трактовки — обвиняемых, обвинителей и самого исследователя. Кроме того, само время трактовки, историческая

эпоха может влиять на трактовку человеком деталей своей биографии. Так, в 1990-е гг. было «модно» говорить о своем сопротивлении советской власти.

Отдельную сложность представляют групповые дела, так как кто-то из обвиняемых мог быть привлечен «по знакомству». Например, из 16 обвиняемых на процессе по делу «Союза борьбы за дело революции» членами организации, видимо, следует считать только 8 человек.

Рабочая гипотеза, что любой сознательный выход за строгие рамки, установленные тоталитарным государством, является актом сопротивления, наталкивается, с одной стороны, на возможное отрицание актором сознательности своего сопротивления, а с другой — на сложность доказательства «умышленности» каких-либо действий. Более того, так как советская власть создавала симулякр самой себя, то, вероятно, в ряде случаев сопротивлением придется считать строгое соблюдение человеком официальных норм и предписаний, которые не соблюдала сама власть. Например, при заявленной официально дружбе народов критика актов государственного антисемитизма в конце 1940-х гг. была, несомненно, актом сопротивления.

Для анализа причин возникновения протестного поведения автор использует теорию относительной депривации социальных и политических ценностей.

Используя метод компаративистики, автор работает с двумя кластерами источников — официального и личного происхождения. Стандартные официальные источники — протоколы допросов, обвинительные заключения и приговоры. Работая с этими источниками или справочниками, созданными на основе этих источников, подчас невозможно понять, существовала на самом деле подпольная группа, была ли это просто детская игра в революционеров или дело целиком сфальсифицировано.

Анализ официальных документов позволяет сказать, что для следственных органов разницы между словом и делом почти не существовало. Из допроса Сусанны Печуро 10 июля 1951:

Поскольку основными задачами «СДР» мы считали свержение советской власти насильственным путем, то, естественно, не отрицали применение террора вообще. Мы были за террор, но только тогда, когда наша организация будет настолько сильной, что в состоянии будет, думали мы, повести массы на борьбу с советской властью [ГА 2005: 507–508].

В результате Сусанна Печуро была осуждена в том числе по статье 58-8 («террористический акт»), как будто бы он состоялся, а на учетной карточке из Владимирской тюрьмы так и записано «террористка».

Из решения Верховного суда СССР о пересмотре дела «Союза борьбы за дело революции» мы узнаем, что не только применялись пытки, но и практиковалось составление «обобщенных протоколов допросов» (без участия обвиняемых) [ГА 2005: 514].

Сами сотрудники КГБ в конце 1980-х гг. могли искренне считать, что речь идет о людях, которые ничего не совершали. Цитируем интервью участницы подпольной группы «Союз борьбы за дело революции»:

Пришёл ко мне хмырь в погонах. Говорит: «Здрате». «Здрате». «Я капитан Семенов». Я говорю: «Здравствуйте, входите». «Вот, я Вам принёс бумагу. Прочитайте, распишитесь». Читаю: «Амнистия... то есть эта самая, реабилитация за отсутствием состава преступления, организации не было». Я говорю: «Неправда. Была». Он говорит: «Как была? Правда была?» Говорю: «Была». — «Ой, — говорит, — а расскажите» [ПСС 2008].

Для того чтобы разобраться, что же происходило 60-70 лет назад, необходимо привлечь второй кластер источников личного происхождения, прежде всего мемуары. Кроме того, так как речь идет о молодых людях, родившихся в конце 1920-х — начале 1930-х гг., то возможно использовать и методы устной истории, а при групповых делах — сверять источники и внутри самих кластеров.

Например, в протоколе осмотра дела «Союза борьбы за дело ре-

волюции» летом 1951 г. упоминается намерение совершить теракт в московском метро:

Наибольшее впечатление на население, говорил на этом сборище ГУРЕВИЧ, произвел бы такой диверсионный акт, как взрыв депо московского метрополитена [ГА 2005: 509].

Благодаря привлечению устных источников мы видим, что следователи писали в протоколах допросов то, что им самим казалось логичным.

Следователь сказал, что мы хотели взорвать метро, я очень удивилась: «Зачем?», следователь: «Ну, как, вы взорвете метро, люди утром пойдут на работу, увидят, что метро нет, тут вы залезете на ящик и крикните: «Долой советскую власть», и все пойдут за вами [ПСС 2007].

Информанты

ПСС 2007 — Печуро Сусанна Соломоновна, 1933 г.р., Москва, 2007. Интервьюер: А.А. Макаров.

ПСС 2008 — Печуро Сусанна Соломоновна, 1933 г.р., Москва, 18 октября 2008. Интервьюер: И.С. Островская (архив Международного Мемориала, проект «Последний свидетель»).

Литература

ГА 2005 — Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации. 1938–1953 / сост. Г.В. Костырченко. М., 2005. С. 502–519.

Прикладная фольклористика, или Имидж-мейкинг для Лукашенко

Анастасия Астапова

Это исследование основывается на многочисленных интервью, проведенных мною с белорусами в самой Беларуси и за ее пределами, а также на постоянном анализе белорусских официальных и оппозиционных изданий. Под последними я подразумеваю не только прессу, но также популярные и художественные публикации, посвященные фигуре бессменного президента Республики Беларусь с 1994 г. Александра Лукашенко. Доклад посвящен официальной и фольклорной биографии Лукашенко, хотя уже при ближайшем рассмотрении оказывается, что разделить эти два явления невозможно. После Независимости не только белорусская история, но и биография первого белорусского президента переписывалась несколько раз. Так, например, Александр Лукашенко изменил собственную дату рождения. Белорусам, в свою очередь, не успевающим за подобными изменениями, в поисках настоящей биографии президента часто приходится надеяться на слухи. Слухи заполняют лакуны в биографии президента, о которых умалчивает официальный дискурс. Тогда как официальный дискурс, например, совершенно не объясняет, кто является матерью младшего сына президента (который, тем не менее, постоянно появляется на публике), многочисленные слухи заполняют этот пробел, приписывая материнство личному врачу Александра Лукашенко, Ирине Абельской. Интересно, что эти слухи часто распространяются группами с различными, а часто отличными от официального белорусского дискурса интересами, что легко доказывается с помощью анализа оппозиционной прессы. Но еще более интересная ситуация прослеживается на примере самых популярных слухов, связанных с рождением президента и его родителями. Эта тема не просто обходится самим президентом: ее официальные версии чаще всего меняются, в зависимости от политической ситуации. Так, в период дружбы с Россией Лукашенко

заявляет, что родился в российско-белорусской деревне, а в период раздора — что он чистый белорус. Рождению Лукашенко посвящены не только его собственные интервью: об этом создаются тексты, сравнимые с новинами, только в прозе. Но интереснее всего на нехватку информации, искусственно перекрываемую восхвалением президента, реагируют опять же слухи. Чаще всего в народе обсуждают вопрос о национальности отца Лукашенко и, соответственно, самого президента. Именно эта тема становится самой притягательной для негативных слухов и с помощью отрицательных этнических стереотипов, закрепившихся в Беларуси, циркулирующие не без поддержки оппозиции слухи создают отрицательный образ президента. В то время как оппозиция, говоря о ранней биографии Лукашенко, отказывает президенту в легитимности, записывая в ту или иную традиционно отчуждаемую этническую группу, официальный дискурс делает акценты на совсем других фольклорных мотивах в жизнеописании президента. Этот доклад посвящен различным способам создания негативного и позитивного образа лидера с помощью одного лишь биографического элемента, связанного с рождением. Я также приведу примеры того, как тема рождения и принадлежности к той или иной этнической группе способствовала созданию культа личности или наоборот обесцениванию, нескольких других политических деятелей.

**«Кто не понял, тот поймет»:
структура фольклорной реакции в интернете¹**

Мария Волкова, Данила Рыговский

Актуальные политические события вызывают не только активные дискуссии и обсуждения в блогосфере, но и то, что мы называем «фольклорной реакцией». Она представляет собой резкое распространение иронических (реже «серьезных») клишированных текстов: анекдотов, демотиваторов, псевдоцитат и т.д. Группа Мониторинга актуального фольклора (МАФ) уже более года (2015 — начало 2016) собирает материалы, связанные с этим явлением. В процессе работы стало понятно, что эта реакция имеет некоторые общие закономерности, показать которые — и есть цель данного доклада.

Первая характеристика, объединяющая тексты «актуального фольклора», связана с динамикой их появления в соцсетях. Пик реакции приходится на очень короткий промежуток времени, за которым следует спад, когда тексты продолжают распространяться, но не столь интенсивно, а набор сюжетов кристаллизуется. Например, сразу после выхода фильма «Чайка» появилось большое количество шуток на тему предполагаемых действий правительства в ответ на серьезные обвинения генпрокурора России, предъявленные «Фондом борьбы с коррупцией». На следующий день, когда ожидания пользователей соцсетей не были оправданы, более стереотипная тема коррумпированности власти встала на первый план. В последующий период количество текстов резко сокращается и остается только один сюжет: изображение птицы чайки или употребление слово «чайка» в качестве символа продажной власти. Это является типичным способом образования устойчивого мема.

Некоторые мемы эволюционируют гораздо дальше, чем это описано выше, приобретая подобие грамматических функций.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00068) «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

Мемы как элемент фольклорного текста, конечно, не являются морфемами в полном смысле слова, поскольку их участие не приводит к смене таких категорий, как «время» или «падеж», или «род», но влияет на семантику фразы. Как правило, это некоторые картинки, соединение которых с вербальным материалом создает эффект визуальной или визуализированной шутки. К примеру, высказывание «В Ингушетии начали план „Перехват“. Ищут нападавших на журналистов и правозащитников»² — звучит как обычная констатация факта. Однако добавленное к тексту изображение «слоупока» переворачивает это «очевидное» значение фразы. Тогда становится ясно, что «автор» публикации намекает на неэффективность и медлительность правоохранительных органов, которые не смогли поймать преступников.

В социальных сетях и блогах, существуют «лидеры мнений», чьи шутки по поводу актуальных событий регулярно репостятся, распространяются и часто теряют изначального автора. Например, широко распространяются и фольклоризируются шутки журналиста Ивана Давыдова. Его тексты неоднократно попадали в базы данных по фольклорной реакции. При этом его часто цитируют без ссылки или указания авторства. Так произошло с его переделкой песни «Мурка», возникшей по поводу реакции на протесты дальнобойщиков (*Прибыла в столицу фура из госдепа, Фуру вел Навальный Алексей*) [Гопман 2015], которую стали размещать просто как еще один вариант песни. В таком качестве могут выступать не только конкретные личности, но и топовые паблики в соцсетях (например, оппозиционный «Сталингулаг» или провластный «Голос Мордора»).

Еще одна закономерность заключается в том, что корпус текстов, появившихся в связи с каким-либо одним значимым событием, обычно делится на две неравные группы: большая их часть несет в себе некоторую оценку или интерпретацию события, оставшаяся представляет механическую комбинацию мемов, абсурдизирующую ситуацию. Например: *в очереди на Серова был за-*

² См. <https://twitter.com/ymasha/status/707684253845364736>

мечен Траволта на лабутенах и в охуительных штанах. По мнению, М. Кронгауза последний прием является основным и типичным свойством интернет-мема. Он считает, что мемы стремятся использовать в новых контекстах, где их появление никак не обосновано с позиции смысла. Это, с его точки зрения, является следствием их вирусной природы [Кронгауз 2014]. Однако в корпусе картина выглядит иначе: тексты стремятся не просто воспроизводиться, они так или иначе интерпретируют событие. Подобные мемы-вирусы в случае фольклорной реакции скорее склонны складываться в содержательные тексты. Вероятно, дело в том, что М. Кронгауз описывал явления так называемого «албанского языка», прагматика которого была связана с расширением возможностей высказывания, в то время как прагматика изучаемых нами текстов — демонстрация отношения к власти, поэтому механизмы абсурдизации задействованы здесь гораздо меньше.

Литература

Гопман 2015 — *Гопман Н.* Комментарий // Россия продолжит использовать воздушное пространство Каспия для борьбы с ИГ. Newscomments 2015. URL: <http://newscomments.ru/news/30285/> (дата обращения: 06.04.2016).

Кронгауз 2014 — *Кронгауз М.А.* Мем в русскоязычном интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии. М., 2014.

Человек прошлого: язык, гены, факты

Язык с точки зрения его происхождения

Светлана Бурлак

Понимание происхождения языка позволяет увидеть эволюционные истоки многих основополагающих свойств как самого языка, так и его восприятия человеком. Почему язык столь избыточен, столь неточен, помимо четко упорядоченного ядра содержит обширную размытую периферию? Для чего язык подходит в наибольшей степени? За счет чего человек может произносить и понимать высказывания, которых он никогда до того не слышал? Почему для наивного носителя языка «язык» — это слова, а слова — это существительные (в первую очередь с предметным значением)? Почему те свойства, которые С. Пинкер и Р. Джакендофф выделяют как уникальные для человеческого языка, не могли появиться в коммуникативных системах других видов? Почему человеческий язык не мог в итоге не стать звуковым? Обо всем этом пойдет речь в лекциях.

Когда появился человек?

Станислав Дробышевский

Вопрос о времени происхождения человека — один из лидеров среди задаваемых антропологам. Ответ зависит от параметров, которые мы считаем человеческими — как биологических, так и культурных.

Первые признаки прямохождения появились у *Sahelanthropus tchadensis* около 7 млн. л. н. [Brunet et al. 2002], а окончательно прямохождение оформилось около 4 млн. л. н. между *Ardipithecus ramidus* и *Australopithecus anamensis* [Lovejoy 2009]. Однако и в это время, и в последующие полтора миллиона лет австралопитековых трудно назвать людьми, что и отражено в систематике выделения в самостоятельные роды.

Появление рода *Homo* увязывается с неодновременно сложившимся комплексом. Древнейшие каменные орудия, имеющие преимущество с последующими культурами, найдены в эфиопском местонахождении Гона и имеют возраст 2,6 млн. л. н. [Semaw et al. 2003]. К сожалению, морфология создателей первой галечной культуры нам пока известна крайне отрывочно. Резкое ускорение увеличения головного мозга фиксируется около 2,2 млн. л. н., но лишь около 1,65 млн. л. н. размер мозга достиг «мозгового рубикона» [Дробышевский 2012, с учетом новых датировок]. В это же время «ранние *Homo*» начали активно и регулярно охотиться на животных [Ferraro et al. 2013], что, видимо, и было толчком к эволюции мозга и прогрессу в трудовой деятельности. Порядка 1,7 млн. л. н., возможно, возникают первые наземные жилища и осваивается огонь, хотя доказательства того и другого подвергаются сомнениям [Harris et al. 1981]. Эволюция кисти запаздывала, «трудовой комплекс» сложился лишь к 1,42 млн. л. н., что нам известно благодаря находке в Каитио [Ward et al. 2014].

Время от 1,4 до приблизительно 500 тыс. л. н. является «темными веками», в которые, несмотря на обилие изученных стоянок, не заметно каких-либо принципиальных изменений морфологии или культуры.

Точное время появления человеческой речи назвать в принципе нельзя [Бурлак 2011], но морфологические признаки указывают на ее оформление у *Homo erectus* или *Homo heidelbergensis*, возможно, около 500 тыс. л. н.

Древнейший образец изобразительного искусства найден в Триниле на Яве и имеет датировку 430–540 тыс. л. н. [Joordens et al. 2015]. 430 тыс. л. н. в Сима де лос Эусос совершались «санитарные погребения», возможно, с элементами ритуального поведения, единственным свидетельством которого является красивое рубило «Эскалибур», найденное среди человеческих останков. Между 400 и 300 тыс. л. н. резко увеличивается число примеров символического поведения в виде особо симметричных орудий, орудий с украшениями, артефактов, напоминающих фигуры людей, «диковинок», иногда принесенных за много километров [Bednarik 2003; 2014]. С момента 350 тыс. л. н. становятся бесспорными и регулярными следы использования огня, тогда как для слоев с датировками 400 тыс. л. н. они не всегда убедительны [Roebroeks and Villa 2011]. 320 тыс. л. н. фиксируются первые составные орудия в Шонингене, а 200 тыс. л. н. — в Кампителло.

Морфологический комплекс *Homo sapiens* начинает складываться около 200 тыс. л. н., но окончательное его формирование относится лишь ко времени около 50 тыс. л. н. [Дробышевский 2002, с учетом новейших датировок]. Порядка 100 тыс. л. н. в пещерах Кафзех и Схул известны двойные погребения и погребения с инвентарем, а также индивидуальные украшения в виде просверленных раковин [Grun and Stringer 1991], морфология этих людей тоже весьма похожа на современную. Наконец, в эпоху верхнего палеолита люди начинают создавать настоящие произведения искусства: наскальную живопись — несколько больше 40 тыс. л. н. [Pike et al. 2012], флейты — 40 тыс. л. н. [Conard et al. 2009], статуэтки — 35 тыс. л. н. [Conard 2009].

Итак, ключевыми этапами в появлении можно считать три «момента». Во-первых, это интервал примерно от 2,6 до 1,4 млн. л. н., в начале которого появляются каменные орудия труда, в середине

начал бурно эволюционировать мозг, а в конце кисть обретает трудовой комплекс. Во-вторых, это интервал примерно от 500 до 320 тыс. л. н., в начале которого возникают первые следы символической деятельности и, возможно, зачатки членораздельной речи, в середине начинается активное использование огня и возникают «санитарные погребения», а в конце появляются составные орудия. В-третьих, это интервал примерно от 200 до 40 тыс. л. н., в начале которого начинает складываться сапиентный морфологический комплекс, в середине возникают индивидуальные украшения и настоящие погребения, а в конце — полный комплекс всех сугубо человеческих качеств. Судя по одинаковому распределению этих качеств среди современных рас и учитывая предполагаемое время расселения сапиенсов из Африки, последнюю дату можно отодвинуть как минимум до 50 тыс. л. н.

Литература

Бурлак 2011 — Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М., 2011.

Дробышевский 2002 — Дробышевский С.В. Новые данные к проблеме раннего происхождения *Homo sapiens* в Африке // *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2002. Вып. 1–2. С. 96–108.

Дробышевский 2012 — Дробышевский С.В. Эволюция мозга человека (анализ эндокраниометрических признаков гоминоид). М., 2012.

Bednarik 2003 — Bednarik R.G. The earliest evidence of palaeoart // *Rock Art Research*. 2003. V. 20. No. 2. P. 89–135.

Bednarik 2014 — Bednarik R.G. Pleistocene paleoart of Europe // *Arts*. 2014. V. 3. P. 245–278.

Brunet et al. 2002 — Brunet M., Guy F., Pilbeam D., Mackaye H.T., Likius A., Ahounta D., Beauvilain A., Blondel C., Bocherens H., Boisserie J.-R., Bonis de L., Coppens Y., Dejax J., Denys Ch., Drustringer Ph., Eisenmann V., Fanone G., Fronty P., Geraads D., Lehmann Th., Lihoreau

F., Louchart A., Mahamat A., Merceron G., Mouchelin G., Otero O., Campomanes P.P., Leon de M.P., Rage J.-C., Sapanet M., Schuster M., Sudre J., Tassy P., Valentin X., Vignaud P., Viriot L., Zazzo A. and Zollikofer Ch. A new hominid from the Upper Miocene of Chad, Central Africa // *Nature*. 2002. V. 418. No. 6894. P. 152–155.

Conard 2009 — Conard N.J. A female figurine from the basal Aurignacian of Hohle Fels Cave in southwestern Germany // *Nature*. 2009. V. 459. No. 7244. P. 248–252.

Conard et al. 2009 — Conard N.J., Malina M., Münzel S.C. New flutes document the earliest musical tradition in southwestern Germany // *Nature*. 2009. V. 460. No. 7256. P. 737–740.

Ferraro et al. 2013 — Ferraro J.V., Plummer Th.W., Pobiner B.L., Oliver J.S., Bishop L.C., Braun D.R., Ditchfield P.W., Seaman III J.W., Binetti K.M., Seaman J.W., Hertel F., Potts R. Earliest archaeological evidence of persistent hominin carnivory // *PLoS ONE*. 2013. V. 8. No. 4. P. e62174.

Grun and Stringer 1991 — Grun R., Stringer C.B. Electron spin resonance dating and the evolution of modern humans // *Archaeometry*. 1991. V. 33. P. 153–199.

Harris et al. 1981 — Harris J.W.K., Walton D., Wood B.A. Early archaeological sites, hominid remains, and traces of fire from Chesowanja, Kenya // *Nature*. 1981. V. 294. No. 5837. P. 125–129.

Joordens et al. 2015 — Joordens J.C.A., d'Errico F., Wesselingh F.P., Munro S., Vos de J., Wallinga J., Ankjærgaard Ch., Reimann T., Wijbrans J.R., Kuiper K.F., Mucher H.J., Coqueugniot H., Prie V., Joosten I., Os B. van, Schulp A.S., Panuel M., Haas V. van der, Lustenhouwer W., Reijmer J.J.G., Roebroeks W. Homo erectus at Trinil on Java used shells for tool production and engraving // *Nature*. 2015. V. 518. No. 7538. P. 228–231.

Lovejoy 2009 — Lovejoy C.O. Reexamining human origins in light of *Ardipithecus ramidus* // *Science*. 2009. V. 326. No. 5949. P. 74e1–74e8.

Pike et al. 2012 — Pike A.W.G., Hoffmann D.L., García-Díez M., Pettitt P.B., Alcolea J., De Balbín R., González-Sainz C., Heras de las C., Lasheras J.A., Montes R., Zilhão J. U-series dating of Paleolithic art in 11 caves in Spain // *Science*. 2012. V. 336. No. 6087. P. 1409–1413.

Roebroeks and Villa 2011 — *Roebroeks W., Villa P.* On the earliest evidence for habitual use of fire in Europe // Proceedings of the National Academy of Sciences, USA. 2011. V. 108. No. 13. P. 5209–5214.

Semaw et al. 2003 — *Semaw S., Rogers M.J., Quade J., Renne P.R., Butler R.F., Dominguez-Rodrigo M., Stout D., Hart W.S., Pickering T., Simpson S.W.* 2.6-Million-year-old stone tools and associated bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia // Journal of Human Evolution. 2003. V. 45. P. 169–177.

Ward et al. 2014 — *Ward C.V., Tocheri M.W., Plavcan J.M., Brown F.H., Manthi F.K.* Early Pleistocene third metacarpal from Kenya and the evolution of modern human-like hand morphology // PNAS. 2014. V. 111. No. 1. P. 121–124.

Методика антропологического исследования: Сунгирь от могилы до всемирной славы

Станислав Дробышевский

Стоянка Сунгирь — пример образцового проведения археологических и антропологических исследований. Обнаружена она была случайно в 1955 г. в ходе работ на глиняном карьере. Спасательные археологические изыскания привели к выявлению богатейшего археологического слоя. К середине XX в. методика раскопок верхнепалеолитических памятников была уже отработана, что позволило получить огромное количество уникальной информации [Бадер 1978].

В 1964 и 1969 гг. в Сунгире были обнаружены два погребения. Их исследование было комплексным. С помощью радиоуглеродного анализа был определен возраст памятника и погребений. Геологический, палинологический и палеофаунистический анализы дали представление об экологических условиях, в которых существовали люди верхнего палеолита. Археологическими методами был установлен круг памятников, к которым относились древние насельники Сунгирия, определены тип хозяйства, особенности каменной и костяной индустрии. Археологический аспект включал также выявление духовных представлений по погребальному инвентарю, а охра, скопившаяся в складках одежды, и многочисленные бусы, нашитые на нее, позволили впервые полностью реконструировать одежду верхнепалеолитических людей. Последующие эксперименты позволили уточнить и реконструировать на практике технологию изготовления уникальных копий из мамонтового бивня [Хлопачев, Гирия 2010].

Антропологические материалы изучались с разных точек зрения [Сунгирь 1984]. Классическая краниометрия и остеометрия позволила сравнить людей из Сунгирия с ископаемыми неантропами и современными людьми разных рас. Был выявлен ряд архаичных признаков на черепках, а также специфические особенности, в том числе «экваториальные». Одним из важнейших выводов стала

констатация «нейтральности» расового типа сунгирцев, то есть невозможности их определения в рамках современной расовой классификации. Это образное выражение нашло отражение в скульптурной реконструкции четырех индивидов по методу М.М. Герасимова.

Появление новых методик палеоантропологического исследования привело к переизучению сунгирских находок на новом уровне [Homo sungirensis... 2000]. В основном это было вызвано развитием многомерной статистики и палеоэкологических подходов. Палеопатологическое исследование (в том числе с помощью рентгенографии) выявило необычные патологии у девочки и следы физиологического стресса у всех погребенных, в том числе рахита, перенесенного мужчиной в детстве. Ряд патологий логично объясняется функциональной гипертрофией при специфических видах деятельности, причем начинавшейся в очень раннем возрасте и различной по полам. Вместе с тем, палеодиетологическое исследование обнаружило крайне нестандартное питание мальчика 13 лет, с минимумом животных белков, что сказалось в виде дефицита цинка в костях. Это, с учетом данных этнографии, позволило предположить существование обрядов инициации с сопутствующими пищевыми запретами уже в первой половине верхнепалеолитической эпохи.

Выделение остатков ДНК из костей позволило удостовериться мужской пол Сунгирь 1 и 2 и с большой вероятностью женский — Сунгирь 3, а также близкое родство Сунгирь 2 и 3.

Дальнейшие изыскания привели к обнаружению причин смерти взрослого мужчины: след удара дротиком на шейном позвонке [Trinkaus et al. 2014]. В истории палеоантропологии известно считанное количество находок с установленной причиной смерти.

Таким образом, всестороннее археологическое и антропологическое исследование материалов из Сунгиря позволяет сделать широкий круг выводов. Кроме классических археологического и морфологического описания, а также выявления таксономического положения, получены данные об особенностях одежды, технологи-

ях, сезонной активности, физиологических нагрузках, питании и обрядах древних людей.

Литература

Бадер 1978 — *Бадер О.Н.* Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.

Сунгирь 1984 — Сунгирь. Антропологическое исследование. М., 1984.

Хлопочев, Гирия 2010 — *Хлопочев Г.А., Гирия Е.Ю.* Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке. СПб., 2010.

Homo sungirensis... 2000 — Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.

Trinkaus et al. 2014 — *Trinkaus E., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V.* The people of Sunghir: burials, bodies, and behavior in the Earlier Upper Paleolithic. Oxford, 2014.

Методика антропологического исследования: неандерталец от стихов до генов

Станислав Дробышевский

Методики антропологического исследования многообразны. Чаще всего отдельный исследователь занят конкретной частью работы. Тем более интересно проследить судьбу изучения конкретного палеоантропологического объекта от обнаружения до новейших исследований. Находка первого неандертальца в гроте Фельдгофер представляется образцовой для такого рассмотрения, так как она является одной из старейших в истории науки и повлияла на развитие науки наибольшим образом [Дробышевский 2014].

История обнаружения скелета типична для большинства палеоантропологических находок: кости были найдены случайно местным учителем К.И. Фультроттом среди обломков, выброшенных из пещеры рабочими при строительных работах [Fuhlrott 1857]. Первые мнения ученых о находке расходились от признания «древней расы» до идей о том, что кости принадлежат «русскому казаку, умершему в погоне за Наполеоном». Антрополог Г. Шаафхаузен провел первое научное исследование, сравнивая череп неандертальца с черепами современных людей [Schaaffhausen 1888]. В то время краниологические методики только развивались. Измерения и сравнения черепной крышки из Фельдгофера Г. Швальбе привело к изобретению нескольких новых измерительных приемов, использованию новых краниологических плоскостей и введению новых индексов [Schwalbe 1901]. Параллельно подробно изучались особенности строения костей современных людей, до того времени не привлекавшие внимания. В связи с предполагаемым патологическим статусом черепа появилась как отрасль науки палеопатология.

Первоначальные оценки древности основывались на изучении ископаемой фауны и стратиграфии, которая как раз возникала как наука. Развитие геологии в XIX в. позволило уверенно говорить о существовании человека во время «ледникового периода»;

материалы из Фельдгофера использовались Ч. Лайелем в качестве решающего доказательства сосуществования человека и мамонтовой фауны [Лайель 1864].

Полноценное изучение костей из Фельдгофера стало возможным с обнаружением и введением в научный оборот новых сравнительных данных как по неандертальцам (Спи, Ла-Кина, Ла-Феррасси, Ла-Шапелль-о-Сен), так и по древним и современным *Homo sapiens*. Параллельно развивались статистические методы; особенно большой вклад в эту область внес английский антрополог и статистик К. Пирсон.

Открытие в первой половине XX в. радиоактивности дало возможность создать в середине XX в. методы абсолютного датирования, что, в свою очередь, позволило точно определить возраст множества находок, в том числе и неандертальца из Фельдгофера.

В 1997–2000 гг. Р. Шмиц и Ю. Тиссен произвели раскопки отвала XIX в., в результате чего были найдены новые кости неандертальца, включая останки еще двух индивидов [Schmitz et al. 2002].

Развитие палеопатологии позволило оценить уровень физического и холодового стресса, выявить перелом левого локтя, а также надрезки на черепе, которые могут быть интерпретированы либо как следы каннибализма, либо погребального обряда [Schmitz and Piper 1991]. С помощью микроскопического исследования компактного слоя были обнаружены изменения костей, с некоторой вероятностью являющиеся следствием ракового процесса. Наконец, кость из Фельдгофера стала первой неандертальской, из которой была выделена ископаемая ДНК. Появилась новая область исследований — палеогенетика [Krings et al. 1997]. Это позволило узнать новые аспекты внешности неандертальцев (цвет кожи, волос и глаз, отличия от сапиенсов в строении мозга), а также окончательно подтвердить метисацию неандертальцев и сапиенсов и оценить ее количественно.

Одновременно представления о древних людях мощно повлияли на мировую культуру, вошли в фильмы, художественную литературу и даже стали основой нового фольклора.

Таким образом, находка первого неандертальца стала базой огромного массива знаний, получение которого было невозможно без параллельного развития целого комплекса других дисциплин.

Литература

Дробышевский 2014 — *Дробышевский С.В.* Предшественники. Предки? Часть V. Палеоантропы. М., 2014.

Лайель 1864 — *Лайель Ч.* Геологические доказательства древности человека, с некоторыми замечаниями о теориях происхождения видов. СПб., 1864.

Fuhlrott 1857 — *Fuhlrott J.C.* Verh. naturhist. Ver. preuss. Rheinl. 1857. V. 16. P. 131–153.

Krings and al. 1997 — *Krings M., Stone A., Schmitz R.W., Krainitzki H., Stoneking M., Pääbo S.* Neandertal DNA sequences and the origin of modern humans // *Cell*. 1997. V. 90. P. 19–30.

Schaaffhausen 1888 — *Schaaffhausen H.* Der Neanderthaler Fund. Bonn, 1888.

Schmitz and Piper 1991 — *Schmitz R.-W., Piper P.* Schnittspuren und Kratzer — Anthropogene Veränderungen am Skelett des Urmenschenfundes aus dem Neandertal — vorläufige Bestandsaufnahme // *Rheinisches Landesmuseum*. 1991. V. 2. P. 17–19.

Schmitz et al. 2002 — *Schmitz R.W., Serre D., Bonani G., Feine S., Hillgruber F., Krainitzki H., Paabo S., Smith F.H.* The Neanderthal-type site revisited: interdisciplinary investigations of skeletal remains from the Neander Valley, Germany // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2002. V. 99. № 20. P. 13342–13347.

Schwalbe 1901 — *Schwalbe G.* Über die spezifischen Merkmale des Neandertal-Schädels // *Abdruck aus den Verhandlungen der anatomischen Gesellschaft*, 1901. 17 Seiten, 13 Abbildungen / 4.

Гены и политически ангажированные мифы современности

Светлана Боринская

Генетические исследования последней четверти века стали важным инструментом реконструкции популяционной истории человечества, подтвердили африканское происхождение *Homo sapiens*, внесли существенный вклад в реконструкцию путей и дат крупных миграций и истории формирования генофонда локальных популяций. Генетические данные используются в междисциплинарных исследованиях закономерностей распространения элементов материальной (реконструируемой по археологическим артефактам) и духовной культуры (языки, мифологические мотивы и др.). Эти подходы вносят вклад в реконструкцию истории формирования народов и этнических традиций, и результаты таких исследований привлекают широкое внимание. В то же время возникает множество псевдонаучных и антинаучных мифов (националистических, псевдопатриотических или просто бессмысленных), спекулирующих модными генетическими терминами. В докладе будет представлен обзор современного состояния и научных подходов к реконструкции популяционной истории человечества и псевдонаучных спекуляций вокруг этой темы.

Проблема парадигмы в эволюционной биологии

Сергей Ястребов

Эволюционная биология — наука, история которой насчитывает чуть более двухсот лет (моментом ее рождения можно считать 1809 г., когда вышла книга Жана Батиста Ламарка «Философия зоологии»). Активно развиваясь, эволюционная биология регулярно взаимодействовала с науками об обществе, и это влияние представляет интерес до сих пор. Одновременно она уже к концу XIX в. сформировала собственную парадигму (в смысле Т. Куна; первую половину XIX в. — до выхода «Происхождения видов» Дарвина — можно считать допарадигмальным этапом развития этой науки). Основным предметом лекции будет структура эволюционной парадигмы в биологии, а также место в этой структуре реально развивающихся (и иногда умирающих) научных направлений и — последнее по порядку, но не по важности — связь биологии с науками об обществе, рассмотренная в той «координатной сетке», которую парадигма задает. Представляется, что все теории (или шире — концепции), выработанные в области эволюционной биологии, можно классифицировать по крайней мере по двум независимым качественным параметрам: А) ведущая роль внешних факторов (эктогенез) или внутренних факторов (автогенез); Б) постепенность эволюции (градуализм) или прерывистость (пунктуализм). Наложив друг на друга эти параметры, мы получим графическое отображение эволюционной парадигмы в виде таблицы из четырех ячеек, после чего сможем расположить все имеющиеся эволюционные теории по этим ячейкам. Если увеличить количество параметров, схема усложнится (подобную работу в свое время проделывал А.А. Любищев), но принципиально не изменится.

Совершенно особое место в структуре эволюционной биологии занимает такое направление, как дарвинизм, получившее свое название от Альфреда Рассела Уоллеса (1888). Триумф дарвинизма в XIX в. сменился периодом распространения среди ученых «дарвинофобии» после ряда палеонтологических открытий и особен-

но после возникновения генетики (1900). Реваншем дарвинизма стало возникновение синтетической теории эволюции (СТЭ), вполне оформившейся к 1940-м гг. Начиная с середины XX в. антидарвинизм окончательно вышел за границы «нормальной науки» (в терминологии Куна), и особенно явно это стало после очередного возрождения дарвинизма, вызванного опубликованными в 1970-х гг. работами Эдварда Уилсона и Ричарда Докинза. В совокупности с несколькими другими факторами (появление молекулярной биологии, кладистической систематики) это привело к формированию в конце XX в. эволюционной картины мира, исключительно богатой фактами и конкретными открытиями, но относительно бедной в теоретическом плане (= занимающей на воображаемой схеме эволюционной парадигмы не столь уж большую зону). С другой стороны, накапливающиеся факты неминуемо и независимо от воли участников процесса ставят сложившиеся объяснительные схемы под сомнение, и это уже сейчас находит выражение в относительно авторитетных публикациях.

Например, современный антидарвинист Дидье Рауль по порядку подвергает критике семь ключевых моментов классической теории Дарвина: (1) естественный отбор, (2) борьба за существование, (3) совершенствование и сложность, (4) постепенность, (5) вертикальное наследование, (6) общий предок и (7) древо жизни, — и приходит к очень спорному выводу, что дарвинизм устарел [Merhej, Raoult 2012]. Спор на эту тему является в какой-то степени терминологическим, но несомненно то, что современные открытия за считанные десятилетия сильно поменяли эволюционную картину мира. В частности, генетические данные заставляют считать, что в общем случае эволюционный процесс отображается не дихотомически ветвящимся древом (как считалось со времен Дарвина), а структурой, близкой к тому, что Жиль Делез и Феликс Гваттари называли ризомой. Совершенно особое место во всей совокупности эволюционных идей занимает проблема эволюционного прогресса, которая *de facto* считается современной биологией как бы несуществующей; причины этого

(в том числе связанные с реальными открытиями) и возможные подходы к решению проблемы тоже будут вкратце обсуждены [Ястребов 2015, 2015а].

Литература

Merhej, Raoult 2012 — *Merhej V., Raoult D.* Rhizome of life, catastrophes, sequence exchanges, gene creations, and giant viruses: how microbial genomics challenges Darwin // *Microbial genomics challenge Darwin* / ed. by E. Koonin. 2012. P. 23–40. URL: http://www.frontiersin.org/Journal/DownloadFile/1/52625/30492/1/21/fcimb-02-00113_pdf (дата обращения: 16.04.2016).

Ястребов 2015 — *Ястребов С.А.* Ризома жизни: новый виток теории эволюции // *Химия и жизнь*. 2015. № 9. С. 22–24.

Ястребов 2015а — *Ястребов С.А.* Ризома жизни: семь аргументов Дидье Рауля // *Химия и жизнь*. 2015. № 10. С. 38–43.

Прикладные семинары

Автоматическая обработка фольклорных текстов для чайников¹

Евгения Коровина, Никита Петров

При подготовке фольклорных текстов к публикации исследователи зачастую тратят большое количество времени на их предварительную обработку, разделение на смысловые группы, подготовку именного указателя, определение количества текстов, записанных в том или ином году, в той или иной местности, от информантов мужского или женского пола. Частично решения таких задач можно автоматизировать. На семинарах участники узнают, что такое регулярные выражения и как можно использовать Python и R для анализа корпуса текстов, а также каким образом можно визуализировать результаты обработки. На семинарах мы будем работать с двумя корпусами текстов: 500 текстов мифологических рассказов, записанных в Архангельской области, и 200 текстов детских страшных историй, записанных в селе и в городе в 1990–2015 гг.

Для работы участникам необходимо предварительно ознакомиться (учить необязательно!) с языком Python (<https://www.python.org/>) и R — свободным программным обеспечением для статистических вычислений (<https://www.r-project.org/>).

Тематические блоки занятий:

0. Подготовка корпуса текстов к анализу. Установка Python и R.
1. Регулярные выражения и их использование.
2. Разделение корпуса на отдельные тексты, поиск личных имен и создание указателя годов записи, сортировка текстов по длине.
3. Как устроены сочетания слов? Различные методы измерения тесноты связей между словами.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14–18–03384) «Истории, пересказываемые тысячелетиями: реконструкция динамики глобального распространения фабульных и образных элементов устных нарративов».

4. Словарный состав и частотный словник, стоп-слова и семантическое ядро текста.
5. Подготовка текстов к автоматической рубрикации. Классификация текстов.
6. Визуализация данных — возможности R.

Рекомендуемая литература

Кабаков Р.И. R в действии. Анализ и визуализация данных в программе R. URL: http://www.ievbras.ru/ecostat/Kiril/R/Biblio/R_rus/Kabacoff2014ru.pdf

Python 3 для начинающих. URL: <http://pythonworld.ru/samouchitel-python>

Excel: возможности для прикладного анализа текстовых данных¹

Алексей Тутков

Excel, приложение стандартного пакета Microsoft Office, не приспособлено специально для исследовательских задач социальных и гуманитарных наук, но часто используется для них из-за максимальной доступности приложения (как правило, есть «по умолчанию», не нужно искать и устанавливать) и простоты передачи и считывания результатов (формат xls может быть прочитан практически на любом компьютере). Приложение Excel можно считать, таким образом, аналогом естественного языка, менее приспособленным для специальных задач, чем научная терминология, но с преимуществами доступности и распространенности.

Содержательные возможности Excel соединяют в себе цифровые, текстовые и графические элементы, связанные друг с другом, то есть представляющие разным способом «одну и ту же» реальность, объединенную с единым набором данных. В случаях, когда предметом анализа выступают единицы текста, три этих формы соотносятся, как правило, таким образом, что текстовые элементы представляют собой первичный материал, цифровые (кодировка, частота встречаемости и др.) — промежуточную рабочую стадию обработки, а графические элементы — обобщенное выражение итоговых результатов.

Самые существенные ограничения, определяемые параметрами приложения, связаны с «ячейистой» организацией рабочего листа: прежде всего с видимым размером ячеек и реже с лимитом на количество знаков в каждой ячейке (до 30 тысяч). Как следствие, Excel лучше всего подходит для анализа небольших разрозненных текстовых фрагментов, тогда как большие связные тексты лучше анализировать другими средствами. Кроме того, именно

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00068) «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

для небольших фрагментов больше всего подходят технические возможности Excel, позволяющие упорядочивать (сортировать) эти фрагменты в нужном порядке.

Кодировка элементов текста не требует никаких специальных навыков работы с приложением (нужны только профессиональные навыки текстового анализа). Подсчет частоты встречаемости (например, в простом контент-анализе) возможен при знании базовых стандартных команд, прежде всего, Countif («Счетесли»). Выявление связей между отдельными параметрами, полученными на стадии кодировки, например, частоты совпадения двух или нескольких тем в имеющихся фрагментах, возможно, если установить дополнительную бесплатную надстройку с базовыми программами анализа данных (прежде всего, расчета линейной корреляции), и, соответственно, навыков использования и интерпретации этих статистических программ.

Графики в пакете Excel строятся автоматически по заданному набору данных, от пользователей здесь нужны, кроме ограниченного набора технических приемов (например, поменять местами столбы и строки), прежде всего, представления об общем смысле и допустимой области применения отдельных видов графики: линейных графиков, круговых диаграмм, гистограмм и др. Эти представления сами по себе не связаны с приложением Excel и сложились намного раньше, но для работы с программой их придется освоить или вспомнить. То же относится к общим правилам использования цветов для представления данных: оттенков одного цвета для распределения однородных данных, разных цветов палитры для качественно разнородных данных, контраста теплых и холодных цветов — для количественных различий, выражающих качественную разницу, и др.

Самодостаточные задачи по лингвистике, фольклористике и культурной антропологии

Светлана Бурлак

Жанр самодостаточных задач появился в отечественной педагогической практике в середине XX в. благодаря А.А. Зализняку — в 1963 г. вышла его статья «Лингвистические задачи» [Зализняк 1963]. В этой статье были приведены самодостаточные задачи, которые он давал студентам Отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. Главная особенность этого типа задач состоит в том, что все необходимые для решения данные содержатся в условии. Чтобы решить такую задачу, не нужно знать используемый в ней язык, надо лишь применить логику и выявить имеющуюся в данных структуру. Такого же рода структуры существуют не только в языках, но и в фольклорных текстах, в системах родства, в разнообразных культурных практиках, поэтому в начале XXI в. появились самодостаточные задачи на фольклорно-этнографическом материале [Сваренный шаман... 2010]. Решение задач такого рода прививает способность искать структуру в изучаемом материале, а составление развивает умение правильно этот материал подавать.

Литература

Зализняк 1963 — Зализняк А.А. Лингвистические задачи // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 137–159.

Сваренный шаман... 2010 — Сваренный шаман, лживая рабыня и другие: 75 задач по фольклористке, антропологии, социолингвистике / сост. А.С. Архипова, С.А. Бурлак, И.Б. Иткин, С.Ю. Неклюдов, О.Б. Христофорова. М., 2010.

Антропологическая психиатрия — психиатрическая антропология III. Текст и реальность. Правда и ложь

Иосиф Зислин

В отличие от антропологии психиатрия по умолчанию приписывает себе возможность суждения о правильности и неправильности / существования и несуществования / возможности и невозможности / двух типов реальности: внутренней (субъективной) и внешней, по определению являющейся общей как для диагностики, так и для пациента. Некоторые подходы к решению этой проблемы могут быть взаимно дополняемы. Условно выделим несколько типов взглядов на проблему — реальность / описание реальности.

1. Лингвистический: «...Не входит в компетенцию лингвистики вопрос о том, существует ли реально то, что является объектом референции говорящего, и истинно ли в действительности то, что он утверждает» [Падучева 2010: 9].

2. Филологический: «...С точки зрения рецептивной поэтики среди различных типов референтной соотнесенности текста с действительностью могут быть выделены следующие: проективный, имитативный, манифестационный» [Неклюдов 1995].

3. Исторический: «...В самом деле: что такое действительность? Что вообще имеется в виду под действительными событиями и где граница между действительностью и мифом (вымыслом)? Эти философские вопросы имеют самое прямое отношение к трактовке исторических событий <...> Ведь материал историка — не события как таковые, а описания этих событий: так или иначе события неизбежно получают интерпретацию того, кто их зарегистрировал» [Успенский, Успенский 2008: 7].

4. Антропологический: «...Антропология исходит из того, что нельзя безоговорочно навязывать изучаемой культуре свои представления о том, что реально, а что нереально» [Христофорова 2010: 11].

5. Психиатрический взгляд (возможно, упрощенный по сравнению с подходами гуманитарными) имеет несколько преимуществ:

1) Дает возможность оставаться «нормальным» и дистанцироваться от пациента.

2) Позволяет *избежать философствования*, возможно, потому что философия обладает для докторов некоей областью «неновизны».

3) Позволяет исследовать понятие лжи без соотнесения с проблемой реальности. Ложь в психиатрической клинике в достаточной степени изучена, классифицирована, иногда даже излечима. Типология ложных нарративов может быть представлена следующим образом:

1. Симуляция — сознательная продукция болезненных симптомов для достижения определенной выгоды.

2. Диссимуляция — сознательная попытка скрыть имеющиеся болезненные симптомы.

3. Сюрсимуляция — сознательное демонстрирование несуществующих болезненных симптомов. Производится (в отличие от симуляции собственно больным) чаще всего для скрытия истинных, существующих симптомов болезни.

4. Синдром Мюнхгаузена — демонстрация болезненных симптомов, но *лишь осознанно с целью* получения роли больного.

4.1. Munchausen syndrome by Proxy — вызывание болезненной симптоматики у близкого человека с целью получения роли ухаживающего за больным.

5. Патологическая ложь. В основном встречается у психопатов и относится к случаям, когда сознательная ложь перерастает во внутреннее убеждение самого автора.

Все эти клинические варианты могут быть соотнесены не только с поведенческими паттернами в норме и патологии, но и рассмотрены с точки зрения концепта «культурные сюжеты и жизненные сценарии» [Адоньева 2009].

В докладе предполагается представить *возможный* унитарный антрополого-психиатрический подход через построения схемы «опыт-текст». Предполагается, что такой подход позволит найти общие черты как для структуры восприятия текста, так и для процесса врачебной диагностики, особенно диагностики душевных расстройств.

Литература

Адоньева 2009 — *Адоньева С.Б.* Дух народа и другие духи. СПб., 2009.

Неклюдов 1995 — *Неклюдов С.Ю.* Отношение «текст — денотат» и проблема истинности повествовательных традиций // *Лотмановский сборник 1* / ред.-сост. Е.В. Пермяков. М., 1995. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov45.htm> (дата обращения 12.02.2016).

Падучева 2010 — *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В.А. Успенский. М., 2010.

Руднев 2011 — *Руднев В.* Реальность как ошибка. М., 2011.

Успенский, Успенский 2008 — *Успенский Б.А., Успенский Ф.Б.* О семиотике истории (вместо предисловия) // *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории.* Вып. I / под ред. Б.А. Успенского и Ф.Б. Успенского. М., 2008.

Христофорова 2010 — *Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы. Антропология колдовства в современной России. М., 2010.

Список участников Школы-конференции

Слушатели

Алейник Любовь Николаевна, библиотекарь, Библиотека № 1 им. М.В. Фрунзе, (Санкт-Петербург); luba_karreras@mail.ru

Апросимова Елизавета Гаврильевна, аспирант сектора фольклора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН (Якутск); laprosimova@gmail.com

Бешенцева Дарья Александровна, студент факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула); aurinko17@yandex.ru

Выжлаков Максим Владимирович, аспирант факультета журналистики Воронежского государственного университета (Воронеж); true.tryggvi@gmail.com

Гарапова Алсу Альбертовна, магистрант Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань); alsu.albertovna@gmail.com

Герасимова Анна Владимировна, аспирант Отделения русской и славянской филологии Тартуского университета (Эстония, Тарту); ghera2001@yandex.ru

Гудкова Анна Александровна, студент факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва); anna.a.gudkova@yandex.ru

Зуева Арина Сергеевна, студент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); culyoma@list.ru

Изосимов Алексей Михайлович, студент факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва); amizosimoff@gmail.com

Индрикова Анастасия Вадимовна, магистрант Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); pani.tomato@gmail.com

Котрелев Петр Тихонович, студент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва); pkotrelev@mail.ru

Лекаревич Евгения Валерьевна, магистрант Департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», (Санкт-Петербург); eva.lekarevich@gmail.com

Минвалеев Сергей Андреевич, аспирант Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск); minvaleevs@gmail.com

Моррис Мария-Валерия Викторовна, канд. юрид. наук, магистрант Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); maire.morris87@gmail.com

Онипко Кира Андреевна, аспирант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); kirin.klik@gmail.com

Фельдберг Ольга Александровна, магистрант Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); feldberg.olga@gmail.com

Эльстон-Бирон Инна Олеговна, магистрант филологического факультета Уральского федерального университета (Екатеринбург); Shapelya@yandex.ru

Докладчики

Амосова Светлана Николаевна, младший научный сотрудник центра славяно-иудаики Института славяноведения Российской академии наук (Москва); sveta.amosova@gmail.com

Астапова Анастасия Сергеевна, канд. филол. наук, PhD, научный сотрудник кафедры эстонской и сравнительной фольклористики Тартуского университета (Эстония); anastasiya.ast@gmail.com

Бернарделе Джорджия, магистрант Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); Падуанский университет (Падуя, Италия); giobersobia@hotmail.com

Васильев Михаил Евгеньевич, научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (Москва); mvhumanity@gmail.com

Волкова Мария Дмитриевна, аспирант ЦТСФ РГГУ, научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС (Москва); greasedfungi@gmail.com

- Гаврилова Мария Владимировна**, независимый исследователь, соискатель Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); mariavl.gavrilova@gmail.com
- Доронин Дмитрий Юрьевич**, научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ИОН ШАГИ РАНХиГС; demetra2@mail.ru
- Душак ова Ирина Сергеевна**, аспирант и научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев); dusacova@gmail.com
- Душак ова Наталия Сергеевна**, канд. истор. наук, Российский государственный гуманитарный университет (Москва; Молдова); dushakova@list.ru
- Журавлев Олег Михайлович**, сотрудник «Лаборатории публичной социологии» (ЦНСИ, Санкт-Петербург); PhD candidate в European University Institute (Florence, Italy); olegzhur@ya.ru
- Кирзюк Анна Андреевна**, канд. филос. наук, приглашенный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва); kirzuk@mail.ru
- Козлова Анна Владимировна**, магистрант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург); yeklopozhka@gmail.com
- Козлова Ирина Владимировна**, канд. филол. наук, зав. кабинетом традиционной культуры кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); matira@dobre.ru
- Коралева Екатерина Дмитриевна**, независимый исследователь (Санкт-Петербург); korablevaed@gmail.com
- Ляхова Юлия Викторовна**, аспирант Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); liakchova@gmail.com
- Макаров Алексей Алексеевич**, сотрудник архива Международного общества «Мемориал» (Москва); sdr1951@yandex.ru

Петрова Наталья Сергеевна, специалист по учебно-методической работе Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета; научный сотрудник Центра прикладной урбанистики Московской высшей школы социальных и экономических наук (Москва); pena.talya@gmail.com

Полий Андрей Александрович, студент бакалавриата «Фундаментальная и прикладная лингвистика» Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (Москва); a.a.polyi@gmail.com

Ренковская Евгения Алексеевна, аспирант Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета (Москва); jennyrenk@gmail.com

Рыговский Данила Сергеевич, магистрант ЦТСФ РГГУ, приглашенный сотрудник ШАГИ РАНХиГС (Москва); danielrygovsky@mail.ru

Соколова Анна Дмитриевна, канд. истор. наук, старший научный сотрудник Центра прикладной урбанистики Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН); научный сотрудник отдела этнографии русского народа ИЭА РАН; Исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора» ШАГИ РАНХиГС; annadsokolova@gmail.com

Сомин Антон Александрович, младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва); somin@tut.by

Старостина Аглая Борисовна, канд. филос. наук, старший научный сотрудник лаборатории востоковедения Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (Москва); abstarostina@gmail.com

Стрепетов Александр Юрьевич, социальный антрополог, эксперт Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») (Москва); strepetovalex@gmail.com

Чайко Надежда Игоревна, студентка отделения фундаментальной и прикладной лингвистики Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (Москва); n.i.chayko@gmail.com

Югай Елена Федоровна, канд. филол. наук, стажер Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); leta-u@yandex.ru

Лекторы и ведущие семинаров

Алексеевский Михаил Дмитриевич, канд. филол. наук, руководитель Центра городской антропологии КБ «Стрелка» (Москва); alekseevsky@yandex.ru

Антонов Дмитрий Игоревич, канд. истор. наук, доц. кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва), старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственного строительства при президенте РФ (Москва); antonov-dmitriy@list.ru

Архипова Александра Сергеевна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; научный сотрудник Центра прикладной урбанистики Московской высшей школы экономических и социальных наук (Москва); alexandra.arkhipova@gmail.com

Березкин Юрий Евгеньевич, д-р ист. наук, зав. отделом Америки Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, проф. ф-та антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; berezkin1@gmail.com

Боринская Светлана Александровна, д-р биол. наук, главный научный сотрудник лаборатории анализа генома Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН (Москва); borinskaya@vigg.ru

Бурлак Светлана Анатольевна, д-р филол. наук, проф. РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; svetlana.burlak@bk.ru

- Вахштайн Виктор Семенович**, канд. социол. наук, декан факультета социальных наук МВШСЭН; гл. ред. журнала «Социология власти» (Москва); avigdor2@yahoo.com
- Дробышевский Станислав Владимирович**, канд. биол. наук, доц. кафедры антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); dsv_anth@mail.ru
- Дыбо Анна Владимировна**, чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, зав. отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва); adybo@mail.ru
- Зислин Иосиф**, MD, психиатр (Иерусалим); jozislin@yahoo.com
- Иткин Илья Борисович**, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, учитель литературы школы «Муми-Тролль», доц. Школы лингвистики НИУ ВШЭ; ilya.borisovich.itkin@gmail.com.
- Казакевич Ольга Анатольевна**, канд. филол. наук, зав. лабораторией автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М.В. Ломоносова; доц. кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ (Москва); kazakevich.olga@gmail.com
- Коровина Евгения Владимировна**, м. н. с. Отдела урало-алтайских исследований Института языкознания РАН (Москва); varna0@gmail.com
- Коряков Юрий Борисович**, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН (Москва); ybkoryakov@gmail.com
- Левкиевская Елена Евгеньевна**, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, проф. учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); elena_levka@mail.ru
- Литвин Евгения Александровна**, аспирант учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); evgenya.litvin@gmail.com
- Неклюдов Сергей Юрьевич**, д-р филол. наук, проф. Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); sergey.nekludov@gmail.com
- Петров Никита Викторович**, канд. филол. наук, доц. Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гума-

нитарного университета, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, старший научный сотрудник Центра прикладной урбанистики Московской высшей школы социальных и экономических наук (Москва); nik.vik.petrov@gmail.com

Радченко Дарья Александровна, канд. культурологии, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ РАНХиГС, директор Центра прикладной урбанистики Московской высшей школы социальных и экономических наук, заместитель руководителя Центра городской антропологии КБ «Стрелка» (Москва); darya_radchenko@mail.ru

Рычкова Надежда Николаевна, научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); nadya.vohman@gmail.com

Станюкович Мария Владимировна, канд. истор. наук, зав. отделом антропологии Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург); mstan@kunstkamera.ru

Титков Алексей Сергеевич, канд. геогр. наук, доц. философско-социологического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва); научный сотрудник Центра прикладной урбанистики Московской высшей школы социальных и экономических наук (Москва); titkov-a@ranepa.ru

Христофорова Ольга Борисовна, д-р филол. наук, директор учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва); okhrist@yandex.ru

Черванёва Виктория Алексеевна, канд. филол. наук, доц. кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж); viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Ястребов Сергей Александрович, научный журналист, сотрудник портала «Элементы», независимый исследователь в области эволюционной биологии (Москва); palaeospondylus@gmail.com

Для заметок

Научное издание

**Методы и концепции в фольклористике,
антропологии и социолингвистике
(конец XX — начало XXI века)**

Материалы XVI Международной школы-конференции
по фольклористике, социолингвистике
и культурной антропологии

Составители:

Архипова Александра Сергеевна

Неклюдов Сергей Юрьевич

Николаев Дмитрий Сергеевич

Рычкова Надежда Николаевна

Дизайн и компьютерная верстка *Д. Николаев*

Корректор *Н. Рычкова*

Обложка *Е. Югай*

Подписано в печать 25.04.2016

Печать трафаретная.

Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «11-й формат»

115230, Москва, Варшавское шоссе, 36

Тел. 8-499-788-78-56